

Главный строитель Байконура

Светит незнакомая звезда
Художник А.В. ЕВСТИГНЕЕВ
1986 г.

Отсюда все начиналось

Памятник генерал-майору Г.М. Шубникову, установленный в 1983 году в Байконуре. В почетном карауле юные «шубниковцы»

Читайте в номере

Митинг у памятника Г.М. Шубникову. Вынос флага школы № 1 имени Г.М. Шубникова

В 2003 году исполнилось 100 лет со дня рождения начальника строительства космодрома Байконур генерал-майора Георгия Максимовича Шубникова. В Байконуре прошли торжественные мероприятия, связанные с юбилеем прославленного строителя. В торжествах приняли участие члены детской организации «шубниковцы», созданной в средней школе № 1 имени Г.М. Шубникова Байконура (отличительный знак организации — синие треугольные галстуки). О жизни Георгия Максимовича читайте в «Молодежном "Военно-историческом журнале"».

Публикация
Е.П. МИТРОФАНОВОЙ
Фото Ю.В. ЖАРИКОВА
(Байконур)

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на «Военно-исторический журнал» в отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы. Учебные пособия» агентства «Роспечать». Индекс журнала для подписчиков Российской Федерации — 70137, для зарубежных подписчиков — 79726. Вы можете подписаться на «Военно-исторический журнал» также в киосках по каталогу «Газеты. Журналы. Книги» на всей территории России. Стоимость одного экземпляра «ВИЖ» по каталогу в первом полугодии 2004 г. 24 р. 98 к. В розницу цена свободная.

Адрес для переписки:
119160, Москва,
Хорошевское шоссе,
д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала».

Адрес электронной почты:
E-mail: vzh@vipmail.ru

Жители Москвы и Подмосковья могут оформить подписку на «ВИЖ» с личным получением по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а, Редакционно-издательский центр Генерального штаба ВС РФ, тел.: (095) 157-80-47, 195-61-76.

Электронная версия «Военно-исторического журнала» в Интернете: <http://home.castview.com/epubs.shtml>

Ежемесячное издание
Генерального штаба
Вооруженных Сил
Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

январь
№ 1
2004 год

ИЗДАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

К 60-летию Победы

Разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом

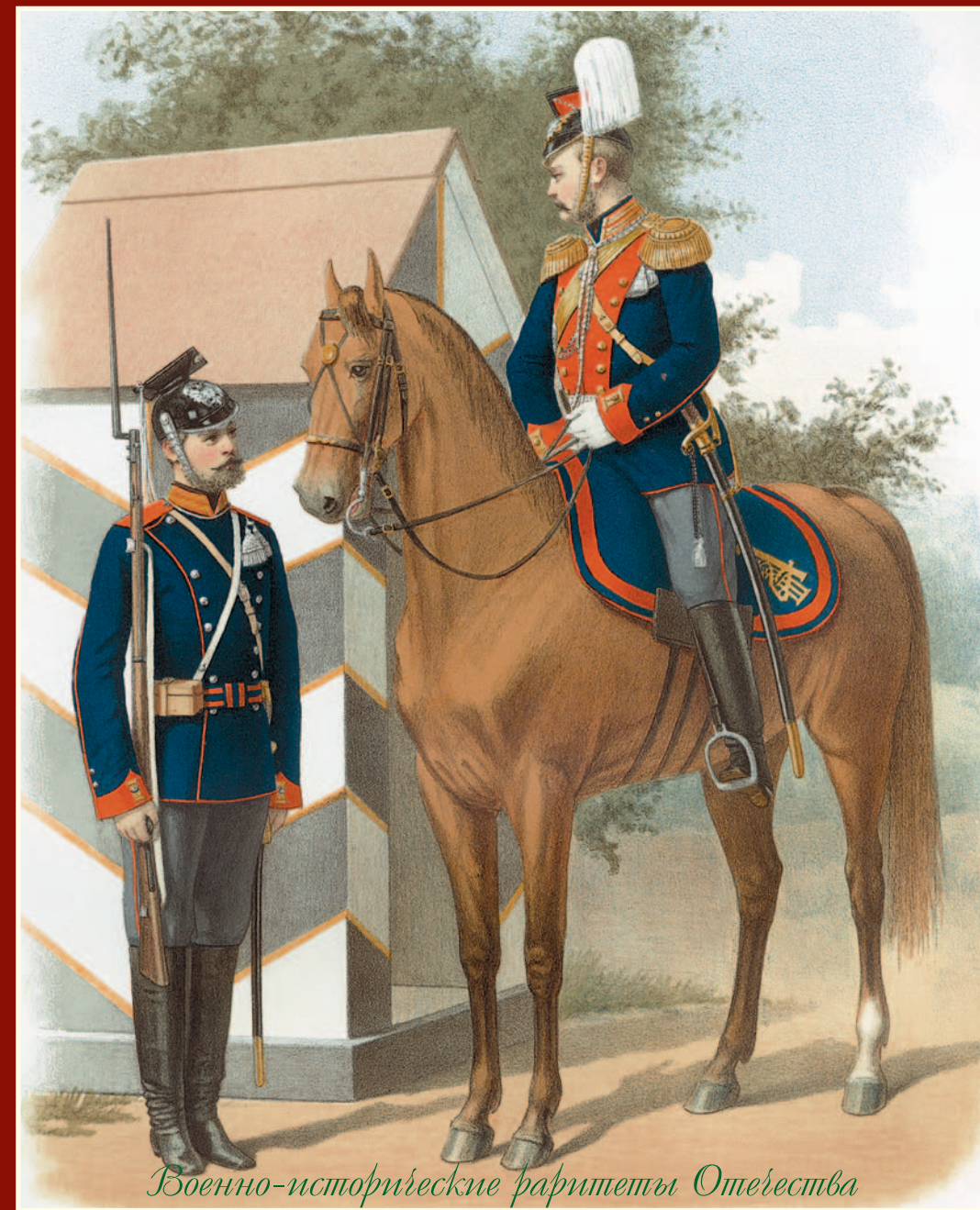
Белорусские партизаны

«Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде»

Воздушный ас и начальник военной разведки И.И. Проскуров

«Морского флота навигатор» Семен Челюскин

ISSN-0321-0626

Военно-исторические паритеты Отечества

УЛАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАВАЛЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.
Штаб-офицер лейб-гвардии Уланского полка в парадной форме и рядовой лейб-гвардии Уланского его величества полка в обыкновенной форме
1883 г.

27 января 2004 года — 60 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда. День воинской славы России

Военно-исторический журнал 2004 № 1 январь

Блокада Ленинграда
Фрагменты диорамы Е.А. КОРНЕЕВА

К 60-летию полного снятия
блокады Ленинграда

Подробнее об операции по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом, вошедшей в историю советского военного искусства как Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция, читайте в статье кандидата военных наук полковника запаса М.Я. Тарасова из Санкт-Петербурга.

Линейный корабль «Октябрьская революция» ведет огонь по укреплениям противника под Ленинградом. Январь 1944 г.
Художник И.Ф. ТИТОВ. 1946 г.

Бегство фашистов из Новгорода
Кукрыниксы. 1944–1946 гг.

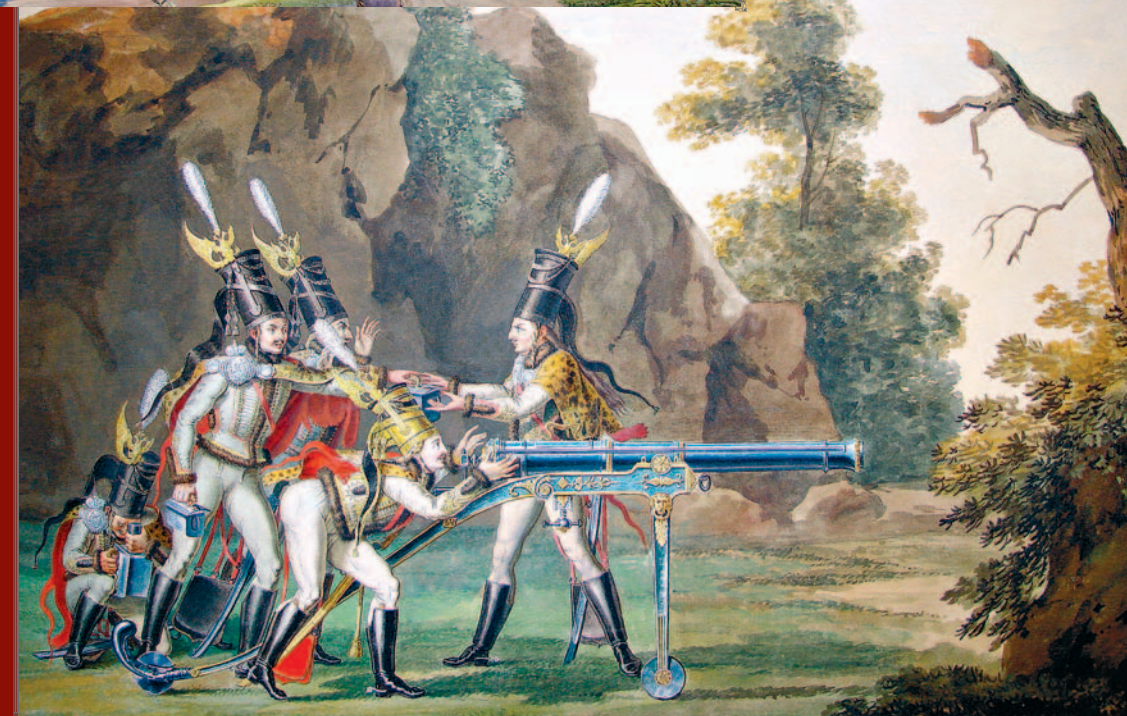
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ
2004

Горная артиллерия

Иллюстрации из альбома Павловской эпохи

Из собраний Российского государственного военно-исторического архива

	ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ	МАЙ	ИЮНЬ
Пн	5 12 19 26	2 9 16 23	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Вт	6 13 20 27	3 10 17 24	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Ср	7 14 21 28	4 11 18 25	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Чт	1 8 15 22 29	5 12 19 26	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24
Пт	2 9 16 23 30	6 13 20 27	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25
Сб	3 10 17 24 31	7 14 21 28	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вс	4 11 18 25	1 8 15 22 29	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27

	ИЮЛЬ	АВГУСТ	СЕНТЯБРЬ	ОКТАБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
Пн	5 12 19 26	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Вт	6 13 20 27	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Ср	7 14 21 28	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29
Чт	1 8 15 22 29	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Пт	2 9 16 23 30	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Сб	3 10 17 24 31	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Вс	4 11 18 25	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26

Основан
в августе 1939 года

Учрежден
Министерством
обороны
Российской
Федерации

ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

январь 2004 1 (525)

Издание Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации

- ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 2 **THE GREAT PATRIOTIC WAR: ART OF WAR**
М.Я. ТАРАСОВ — Разгром немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом
А.И. КРУГЛОВ — На Верхнем и Среднем Дону 10 A.I. KRUGLOV — At the Upper and the Middle Don
- ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 14 **ART OF WAR**
В.В. КВАЧКОВ — «...Фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии»
V.V. KVACHKOV — "...The front of the partisan struggle has significantly widened and passed under the control of the Army"
- ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА** 22 **WORLD WAR II**
А.И. КОТОВ — Белорусские партизаны
A.I. KOTOV — The Byelorussian partisans
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 28 **THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
А.А. ПЕЧЕНКИН — Воздушный ас, начальник военной разведки, «заговорщик» И.И. Проскуров
A.A. PECHENKIN — The air ace, chief of the intelligence, "the conspirator" I.I. Proskurov
- ПЕРВАЯ МИРОВАЯ: ВОЕННОЕ ИСКУССТВО** 35 **WORLD WAR: ART OF WAR**
Д.Ю. КОЗЛОВ — «Такого случая... за все время войны до сих пор не представлялось»
D.Yu. KOZLOV — "Such an occasion ... has not happened for the whole period of the war"
- ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ** 44 **REVIEW OF RARE EDITIONS**
В.Е. МОРИХИН — «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде»
V.E. MORIKHIN — "The staff of the regiment will not stand in their midst an officer, who cannot behave himself"
- ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ** 54 **THE HISTORY OF MILITARY MEDICINE**
В.В. СОСИН, А.А. БУДКО — Петр I: «Здесь изнеможенный воин найдет себе помощь и успокоение»
V.V. SOSIN, A.A. BUDKO — Peter I: "Here an exhausted fighting man will find aid and calm for himself"
- ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА** 60 **THE MILITARY SYMBOLICS**
В.В. МАЙОРОВ — «Не нам, не нам, а имени твоему»
V.V. MAIOROV — "Not for us, not to us, but in the name of yours"
- КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ** 62 **CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY**
Ю.В. РУБЦОВ — Мировые войны как проявление цивилизационного кризиса
Yu.V. ROUBTSOV — The world wars as a display of a civilization crises
- В.С. СКРОБОВ — «Один из самых дорогих уроков» 63 V.S. SKROBOV — "One of the most expensive lessons"
- Г.И. КОРОТКОВ — Отчего угас очаг агрессии 64 G.I. KOROTKOV — Because of what there has died away the breeding ground of the aggression
- МОЛОДЕЖНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ** * * **THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE**
- НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ** 65 **ON THE RUSSIAN EMPIRE BOUNDARIES**
В.В. БОГДАНОВ — «Морского флота навигатор» Семен Челюскин
V.V. BOGDANOV — "The navigator of the Navy" Semen Cheluskin
- ЗАБЫТОЕ ИМЯ** 72 **THE FORGOTTEN NAME**
С.В. ЛЕБЕДЕВ — «Я не из тех Муравьевых, которых вешают...»
S.V. LEBEDEV — "I am not from those Muravievs, who are to be hanged..."
- ЭПОХА В БИОГРАФИЯХ** 75 **THE EPOCH, REFLECTED IN BIOGRAPHIES**
Е.П. МИТРОФАНОВА — Первостроитель космодрома Байконур
E.P. MITROFANOVA — The first builder of the cosmodrome Baikonur
- К ЧИТАТЕЛЯМ «МОЛОДЕЖНОГО ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»** 77 **TO THE READERS OF "THE YOUTH MILITARY HISTORICAL MAGAZINE"**
А.С. ЖДАНОВСКИЙ — Чайнворд «Отечественная война 1812 года»
A.S. ZHDANOVSKIY — The chine-words "The Great Patriotic War of 1812"
- НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ — 21, 53, 59; ХРОНОГРАФ — 48;
В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ — 61; ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ
«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» — 78; ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАЛЕНДАРЬ — 79. THE SCIENTIFIC SURVEY AND INFORMATION — 21, 53, 59;
THE CHRONOGRAPH — 48; NEXT ISSUES — 61; THE EDITORIAL
MAIL OF "VOYENNO-ISTORICHESKIY ZHURNAL" — 78;
THE MILITARY HISTORICAL CALENDER — 79.

VOYENNO-
ISTORICHESKIY
ZHURNAL

1 (525)
2004 January

The Journal of Military History

Established by the Ministry of Defence of Russian Federation

Edition of General Staff
of the Russian Federation Armed Forces
Founded in August, 1939

Главный редактор
И. А. АНФЕРТЬЕВ.

Редакционная
коллегия:

Ю. Н. БАЛУЕВСКИЙ,
В. П. ВОЛОДИН,
И. О. ГАРКУША,
В. А. ЖИЛИН,
С. А. ИЛЬЕНКОВ,
В. И. ИСАКОВ,
А. В. КИРИЛИН,
В. П. КОЗЛОВ,
А. А. КОЛЬТЮКОВ,
В. А. КРАВЧЕНКО,
И. В. КУЗИНА
(ответственный
секретарь),
И. П. МАКАР,
А. А. НОГОВИЦЫН,
В. И. ОСТАНКОВ,
А. В. ОСТРОВСКИЙ,
Н. И. РЕЗНИК,
А. С. РУКШИН,
А. С. СКВОРЦОВ,
Н. Е. СОЛОВЦОВ,
В. И. ТЕРЕЩЕНКО,
С. И. ЧУВАШИН.

Редакционный
совет:

К. М. АНДЕРСОН,
И. И. БАСИК,
А. А. БУДКО,
Е. Ю. ГУСЬКОВА,
И. С. ДАНИЛЕНКО,
А. А. ЗДАНОВИЧ,
С. Н. КОВАЛЕВ,
Е. Н. КОРЧАГИН,
Г. Ф. КРИВОШЕЕВ,
В. М. КРЫЛОВ,
В. Н. КУЗЕЛЕНКОВ,
Г. А. КУМАНЕВ,
Е. И. МАЛАШЕНКО,
А. К. НИКОНОВ,
Р. Б. РЫБАКОВ,
М. Р. РЫЖЕНКОВ,
А. Н. САХАРОВ,
А. Р. СОКОЛОВ,
А. О. ЧУБАРЬЯН,
А. А. ЧУРИЛИН.

РАЗГРОМ

ПОБЕДЫ Красной Армии в 1943 году под Сталинградом и на Кавказе, под Курском и на Днестре ознаменовали собой коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны в пользу Советского Союза и создали благоприятные условия для разгрома немецко-фашистских захватчиков на северо-западном направлении. Здесь вели боевые действия войска Ленинградского, Волховского, 2-го Прибалтийского (образован 20 октября 1943 г.) фронтов и Краснознаменный Балтийский флот (КБФ). Им противостояли немецкая группа армий «Север», оперативная группа финнов «Карельский перешеек», морская оперативная группа «Восток» и финский флот, подерживаемые 1-м воздушным флотом люфтваффе и финской авиацией.

Ленинградский фронт (командующий — генерал армии Л.А. Говоров, член военного совета — генерал-лейтенант А.А. Жданов, начальник штаба — генерал-лейтенант Д.Н. Гусев) в составе 23-й, 2-й ударной, 42-й и 67-й общевойсковых и 13-й воздушной армий занимал оборону протяженностью 256 км. 23-я армия оборонялась на Карельском перешейке от Таппари до Сестрорецка и далее вдоль побережья Финского залива до Ленинграда; 2-я ударная армия¹ — в районе Ораниенбаума на плацдарме протяженностью до 65 км по фронту и 20—25 км в глубину; 42-я и 67-я армии защищали южные и юго-восточные подступы к Ленинграду в полосе от Лигово до Гонтовой Липки. В оперативном подчинении фронта находились Балтийский флот (адмирал В.Ф. Трибуц) и Ленинградская армия войск ПВО (генерал-майор артиллерии П.Ф. Рожков).

Волховский фронт (командующий — генерал армии К.А. Мерецков, член военного совета — генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков, начальник штаба — генерал-лейтенант Ф.П. Озеров) в составе 8, 54 и 59-й общевойсковых и 14-й воздушной армий оборонял 232-километровую полосу от Гонтовой Липки до оз. Ильмень, удерживая на за-

падном берегу Волхова, в 30 км севернее Новгорода, плацдарм протяженностью до 15 и глубиной 8—10 км.

2-й Прибалтийский фронт (командующий — генерал армии М.М. Попов, член военного совета — генерал-лейтенант Н.А. Булганин, начальник штаба — генерал-лейтенант Л.М. Сандалов) в составе 1-й и 3-й ударных, 22, 6 и 10-й гвардейских и 15-й воздушной армий действовал в 320-километровой полосе между озерами Ильмень и Нещердо (юго-западнее Невеля).

Войска всех трех фронтов имели хорошо подготовленные в инженерном отношении исходные районы для наступления и, глубоко охватывая фланги группы армий «Север», занимали выгодное по отношению к противнику положение, в тылу которого действовали также 13 партизанских бригад общей численностью около 35 тыс. человек.

ОПЕРАЦИЯ по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом и Новгородом, проведенная в период с 14 января по 1 марта 1944 года, получила кодовое наименование «Нева-2», а в историю советского военного искусства вошла как Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция², часть Ленинградской битвы 1941—1944 гг.

Отметим, что в 1943 году положение Ленинграда хотя и улучшилось, враг продолжал стоять у стен города. В чрезвычайно стесненных обстоятельствах находился Балтийский флот. Политические и стратегические соображения, связанные с дальнейшим ведением войны, требовали полного снятия блокады и освобождения Ленинградской области³. Выполнение этой важнейшей задачи открывало путь в Прибалтику, облегчало освобождение Карельского перешейка и Карелии, содействовало выходу флота на просторы Балтики и выводу из войны Финляндии.

Обстановка для проведения операции сложилась благоприятная. К концу 1943 года положение группы армий «Север» (командующий —

К 60-летию снятия блокады Ленинграда

НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД ЛЕНИНГРАДОМ И НОВГОРОДОМ

генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер) значительно ухудшилось. Германское командование не могло усилить ее ни за счет стратегических резервов, ни за счет пополнения из других групп армий, так как они были скованы мощным наступлением советских войск на юго-западном и западном направлениях. Более того, с июля 1943 по 7 января 1944 года из группы армий «Север» группе армий «Центр» были переданы наиболее боеспособные моторизованная и две пехотные дивизии и пять пехотных дивизий — группе армий «Юг», причем две из них всего лишь за неделю до советского наступления. В качестве компенсации за изъятые войска Г. Кюхлер получил три пехотные дивизии, имевшие некомплект в личном составе и боевой технике, моторизованную и пехотную дивизии, пехотную бригаду войск СС из Германии и моторизованную бригаду из Югославии. Однако говорить о слабости группы армий «Север» нельзя ни в коем случае. Имевшая в своем составе 18-ю и 16-ю армии и 1-й воздушный флот, она представляла большую силу (всего 44 дивизии и 4 бригады, 741 тыс. человек, свыше 10 тыс. орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 самолетов). При этом надо учесть, что два с половиной года противник строил под Ленинградом и Новгородом оборонительные сооружения. По огромной дуге, упиравшейся своими флангами в Финский залив и оз. Ильмень, были созданы мощные, хорошо оборудованные в инженерном отношении укрепления. Они возводились практически во всех населенных пунктах, на узлах железных и шоссейных дорог, на господствующих высотах и имели развитую систему основных и отсечных позиций, прикрытых многослойным огнем, минно-взрывными и проволочными заграждениями. Широко использовались лесные завалы. Красное Село, Пушкин, Красногвардейск, Мга, Тосно, Любань, Чудово, Луга, Новгород, Дно были превращены в подлинные крепости с круговой обороной.

Непосредственно перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов противник подготовил две полосы обороны в тактической и ряд промежуточных рубежей в оперативной глубине по берегам рек Луги, Оредежа, Плюссы, Шелони, Мшаги. По западным берегам Чудского и Псковского озер и далее на участке Псков, Остров, Идрица и южнее по реке Великой спешно возводился тыловой оборонительный рубеж «Пантера», а между Финским заливом и Чудским озером оборудовалась так называемая линия Танненберг⁴. Общая глубина обороны достигала 230—260 км, но основные силы и средства располагались в тактической зоне на глубине 20—30 км. Наиболее мощные укрепления были созданы южнее Пулковских высот, перед 42-й армией Ленинградского фронта, и севернее Новгорода, перед 59-й армией Волховского фронта.

Немецко-фашистское командование, рассматривавшее свою оборону под Ленинградом и Новгородом как несокрушимый «Северный вал», было

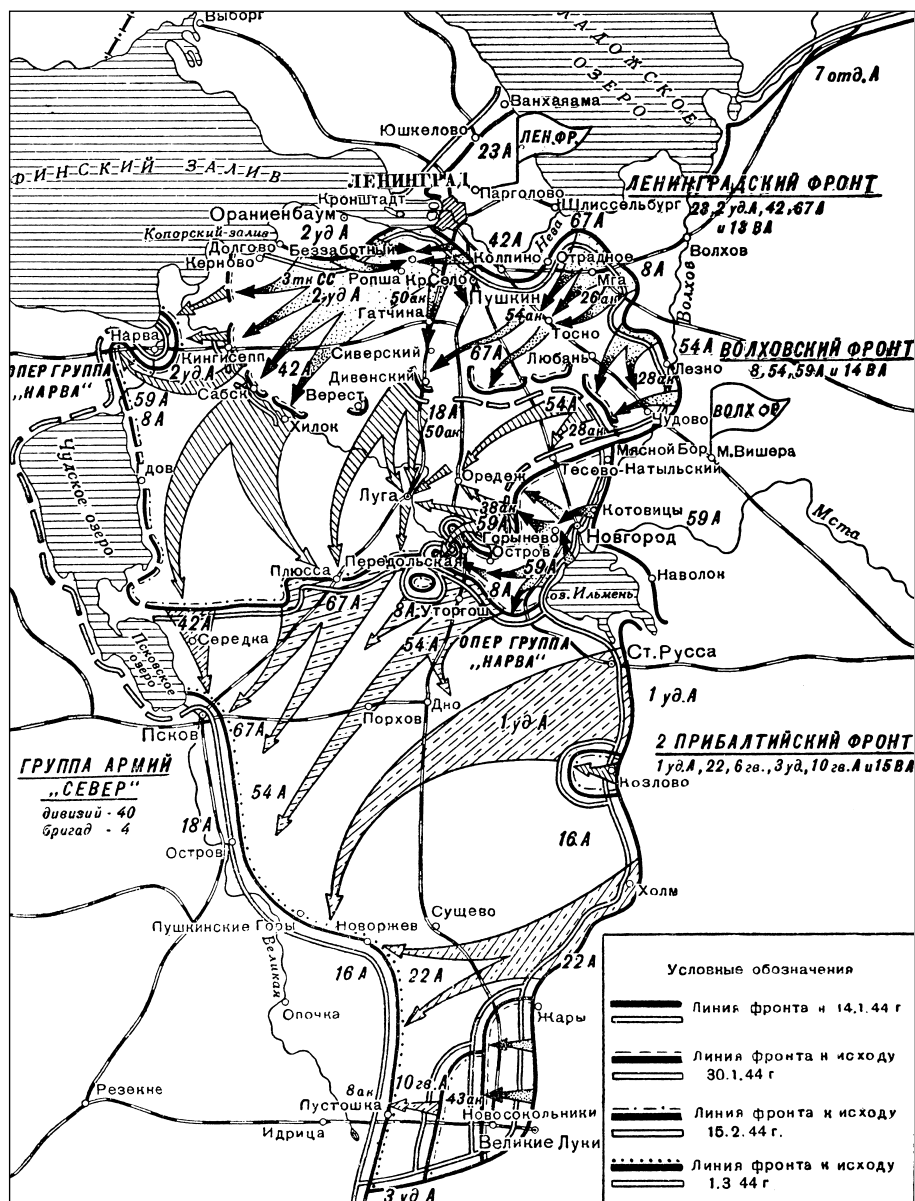

Командующий войсками Ленинградского фронта генерал-полковник (с 18 ноября 1943 г. генерал армии) Л.А. Говоров и член военного совета генерал-лейтенант А.А. Жданов

убеждено в ее непреодолимости. Захваченный в плен на Ленинградском фронте военный корреспондент инженерного отдела штаба главного командования сухопутных войск Германии Р. Хариг на допросе показал: «Я имел полную возможность осмотреть укрепления, возведенные под Ленинградом, и нашел их в прекрасном состоянии. Такого же мнения придерживались военные специалисты в Берлине и на фронте. Все были в полной уверенности, что наши укрепления неприступны и выдержат любой натиск советских войск»⁵. Тем не менее гитлеровское командование, полагая, что освобождение Ленинграда от блокады «будет всегда одной из важнейших целей большевиков, равнозначной защите Москвы, борьбе за Сталинград»⁶, требовало от группы армий «Север» во что бы то ни стало удерживать позиции, являвшиеся основой всего северного крыла германского восточного фронта.

18-я армия (командующий — генерал-полковник Г. Линдемман), находившаяся перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов, имела в своем составе 19 дивизий и 3 бригады (около 168 тыс. человек только в пехотных и моторизованных соединениях), до 4500 орудий и минометов (без учета 50-мм минометов и зенитных орудий), до 200 танков и штурмовых орудий. Все ее соединения, за исключением одной пехотной дивизии — резерва командующего армией, располагались в главной полосе обороны. На одну дивизию приходилось в среднем 17 км фронта. В составе армии имелись также две артиллерийские группы специального назначения, которые систематически обстреливали Ленинград и главную базу Балтийского флота — Кронштадт.

Действовавшая от оз. Ильмень до Пскова перед войсками 2-го Прибалтийского фронта 16-я немецкая армия имела в своем составе 21 дивизию и одну бригаду. В резерве командующего армией находилась одна дивизия. Оперативная плотность здесь составляла 23 км на дивизию. В резерве Г. Кюхлера имелись 3 охранные и 1 учебно-

И.И. Федюнинский

Наступление советских войск под Ленинградом и Новгородом

Операцию планировалось провести в три этапа: 1-й — с 14 по 30 января; 2-й — с 31 января по 15 февраля; 3-й — с 16 февраля по 1 марта.

Замыслом предусматривалось также в рамках данной стратегической операции провести фронтовые:

полевая дивизии⁷. Был разработан также и план отвода войск на заранее подготовленные рубежи, эвакуированы — на всякий случай — вспомогательные части и учреждения, склады и базы.

ОБЩИЙ замысел Ленинградско-Новгородской наступательной операции заключался в том, чтобы вначале одновременными ударами войск Ленинградского и Волховского фронтов разгромить петергофско-стрельнинскую и новгородскую группировки противника, расположенные на флангах 18-й немецкой армии. Затем войска обоих фронтов должны были наступать на кингисеппском и лужском направлениях и, завершив разгром главных сил 18-й армии, выйти на рубеж р. Луга, а активными действиями 2-го Прибалтийского фронта сковать основные силы 16-й армии противника и его оперативные резервы. В дальнейшем войска трех взаимодействующих фронтов должны были наступлением на нарвском, псковском и идрицком направлениях разгромить 16-ю армию, завершить освобождение Ленинградской области и создать условия для наступления в Прибалтике.

Красносельско-Ропшинскую и Новгородско-Лужскую⁸. Основные показатели размаха операции: продолжительность — 48 суток, ширина фронта боевых действий — 600 км, глубина продвижения войск — 220—280 км, среднесуточные темпы наступления — 5—6 км⁹.

Командование Ленинградского фронта в соответствии с общим замыслом планировало нанести по врагу два встречных удара в направлении на Ропшу: с ораниенбаумского плацдарма силами 2-й ударной армии (командующий — генерал-лейтенант И.И. Федюнинский) и из района Пулковских высот — 42-й армии (командующий — генерал-полковник И.И. Маслеников). Окружив и уничтожив противника в районе Красное Село, Ропша, Стрельня, соединения 2-й ударной и 42-й армий должны были развивать наступление в двух направлениях: Кингисепп, Нарва и Красногвардейск (Гатчина), Луга. 67-я армия (командующий — генерал-лейтенант В.П. Свиридов) получила задачу активными действиями сковать силы врага на мгинском направлении и одновременно готовить удар на Мгу, Ульяновку, Красногвардейск, чтобы во взаимодействии с 8-й арми-

Командующий войсками Волховского фронта генерал армии К.А. Мерецков (в центре), член военного совета генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков (первый слева) и начальник штаба генерал-лейтенант Ф.П. Озеров заслушивают доклад командующего 14-й воздушной армией генерал-лейтенанта авиации И.П. Журавлева

ей Волховского фронта окружить и уничтожить действовавшие там вражеские войска. Наступление главных сил Ленинградского фронта поддерживали 13-я воздушная армия (командующий — генерал-лейтенант авиации С.Д. Рыбальченко), 2-й гвардейский Ленинградский истребительный авиационный корпус ПВО, 1-й гвардейский и 7-й авиационные корпуса авиации дальнего действия (маршал авиации А.Е. Голованов), часть авиации КБФ. «Выбор формы прорыва в виде двух концентрических ударов, наносившихся на относительно узких участках со стороны Пулковских высот и с ораниенбаумского плацдарма, — писал пять лет спустя после этого Л.А. Говоров, — был обусловлен стремлением получить, после соединения обеих ударных группировок, настолько широкий прорыв, который уже в начальном этапе операции привел бы к полному крушению фронта обороны врага и создал бы благоприятные условия для развития удара в глубину и упреждения противника в заблаговременном занятии подготовительного тылового рубежа по р. Луге»¹⁰.

Волховский фронт должен был силами 59-й армии (командующий — генерал-лейтенант И.Т. Ко-

ровников) нанести два удара по сходящимся направлениям в обход Новгорода: главный — с плацдарма на западном берегу Волхова севернее Новгорода и вспомогательный — из района юго-восточнее города через озеро Ильмень в общем направлении на Люболяды. В дальнейшем 59-й армии предстояло развивать наступление в западном и юго-западном направлениях, перерезать пути отхода войск 18-й армии противника на юго-запад и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта завершить разгром ее главных сил. 8-й и 54-й армиям надлежало активными действиями воспрепятствовать переброске сил противника из-под Тосно, Любани, Чудово на ленинградское и новгородское направления, в дальнейшем освободить участок Октябрьский железной дороги Тосно — Чудово и наступать в направлении Любань, Луга. Боевые действия войск ударной группировки Волховского фронта обеспечи-

Таблица 1

Соотношение сил и средств сторон на северо-западном направлении к началу 1944 года

Силы и средства	Ленинградский (без 23 А), Волховский и 2-й Прибалтийский фронты	Группа армий «Север», 1-й воздушный флот	Соотношение сил и средств
Личный состав, тыс. человек (только сухопутные войска)	1252	741	1,7:1
Орудия и минометы (без учета 50-мм минометов, зенитных орудий и реактивных установок)	20 183	10 070	2,0:1
Танки и САУ (штурмовые орудия)	1580	385	4,1:1
Самолеты боевые	1386 (с учетом АДД)	370	3,7:1

Таблица составлена по: История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1977. Т. 8. С. 120.

Таблица 2

Соотношение сил и средств сторон на направлении главного удара к началу 1944 года

Силы и средства	Ленинградский (без 23 А) и Волховский фронты	18-я немецкая армия	Соотношение сил и средств
Личный состав, тыс. человек (в стрелковых, пехотных и моторизованных соединениях)	375	168	2,2 : 1
Орудия и минометы	12 165 (без зенитной и реактивной артиллерии)	4500 (без учета 50-мм минометов и зенитных орудий)	2,7 : 1
Танки и САУ (штурмовые орудия)	1132	200	5,66 : 1
Самолеты боевые	1070 (с учетом АДД)	103	10,3 : 1

Таблица составлена по: История Второй мировой войны. 1939–1945. Т. 8. С. 120; История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М.: Воениздат, 1988. С. 272.

вали авиация 14-й воздушной армии (генерал-лейтенант авиации И.П. Журавлев), а также часть сил авиации дальнего действия.

Перед 2-м Прибалтийским фронтом ставилась задача разгромить вражескую группировку севернее Невеля, затем наступлением войск левого крыла перерезать железные дороги, сковать главные силы 16-й армии и не допустить переброски ее соединений под Ленинград и Новгород. В дальнейшем предполагалось развернуть наступление в направлениях Опочки и Себежа. КБФ получил задачу обеспечить сосредоточение войск 2-й ударной армии на ораниенбаумском плацдарме; огнем корабельной и береговой артиллерии, ударами авиации содействовать наступлению наземных войск. На направлении главного удара, против 18-й армии, действовали войска Ленинградского (без 23-й армии) и Волховского фронтов, в составе которых сосредоточивались основные силы и средства, выделявшиеся для разгрома всей группы армий «Север».

ВОЙСКАМ Ленинградского и Волховского фронтов, долгое время находившимся в состоянии как бы «позиционной войны», предстояло прорывать мощную, глубоко эшелонированную оборону противника и наступать в лесисто-болотистой местности, затруднявшей маневр и массированное применение тяжелой боевой техники. Положение осложнялось и тем, что наши войска, действовавшие на северо-западном направлении, еще не имели достаточного опыта для проведения столь крупной наступательной операции. Все эти обстоятельства требовали заблаговременной и тщательной подготовки штабов и войск, которая началась в конце октября 1943 года и продолжалась около двух с половиной месяцев.

Днем и ночью в любую погоду шла напряженная боевая учеба. В тыловых районах Ленинградского и Волховского фронтов, как и год назад при подготовке к прорыву блокады, строились учебные городки, воспроизводившие оборону противника на участках будущих прорывов. Солдаты учились штурмовать долговременные и деревоземляные огневые точки, преодолевать проволочные и минные поля; командиры всех степеней отработывали на местности организацию взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией. Особое место отводилось выработке оптимальных вариантов оперативного построения и боевых порядков войск.

Стрелковые подразделения обучались атаковать непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии, средняя плотность которой на участках прорыва планировалась, например, во 2-й ударной армии — 123, в 42-й — 138 и в 59-й — 106 орудий и минометов калибра 76 мм и выше на 1 км фронта. Чтобы надежно подавить и уничтожить огневые средства врага на переднем крае, в 42-й армии для стрельбы прямой наводкой выделялись 492 орудия, а в 59-й — 221. Для борьбы с вражеской артиллерией и минометами во фронтах, армиях и корпусах создавались мощные артиллерийские группы¹¹.

Преодоление множества различного рода заграждений и устройство в них проходов при прорыве сильной вражеской обороны требовали большого напряжения и искусства не только от саперов, но и от стрелков, артиллеристов, танкистов. Происходило «осаперивание» войск. По несколько человек из каждого взвода учились резать проволочные заграждения, находить и обезвре-

Командование КБФ (слева направо): член военного совета генерал-майор береговой службы А.Д. Вербицкий, командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, член военного совета контр-адмирал Н.К. Смирнов

Январь 1944 г.

живать мины, прокладывать гати на болотах. На Ленинградском фронте подобную подготовку прошли более 30 тыс. человек.

Большинство танковых частей передавались общевойсковым армиям, наносившим главный удар, для использования их в качестве непосредственной поддержки пехоты. Танкисты учились вести наступление в лесисто-болотистой местности в тесном взаимодействии с пехотой, артиллерией и саперами. За танками закреплялись десантные группы автоматчиков.

Большая работа была проделана инженерными войсками фронтов по подготовке исходных районов для наступления, оборудованию дорог, наведению переправ через реки и болота, уничтожению заграждений и минных полей. Так, в полосу Ленинградского фронта было отремонтировано около 260 км и построено более 95 км новых дорог, в своих исходных районах разминировано 926 минных полей и снято 324 тыс. мин. Только за вторую половину декабря 1943 года инженерные войска 2-й ударной и 42-й армий на переднем крае противника уничтожили 43 км проволочных заграждений и обезвредили 9000 мин и фугасов¹².

Следует особо подчеркнуть, что вся подготовка к предстоящей операции велась скрытно; с целью дезинформации противника даже проводились специальные мероприятия. На Ленинградском фронте имитировалась подготовка наступления на правом фланге 2-й ударной армии в направлении Котлы, Кингисепп, а штаб Волховского фронта в первую неделю января 1944 года провел маскировочную операцию на мгинском и демонстрацию сосредоточения войск на чудовском направлении¹³.

ЧЕСТЬ первыми нанести удар по левому флангу 18-й немецкой армии, осаждавшей Ленинград почти 900 дней и ночей выпала воинам 2-й ударной армии (ораниенбаумский плацдарм). Несмотря на сложные метеорологические условия, в ночь на 14 января 1944 года 109 бомбардировщиков 7-го авиационного корпуса дальнего действия (командир — генерал-майор авиации Е.В. Нестерцев) нанесли бомбовые удары по артиллерийской группировке противника в районе поселка Беззаботный, севернее Красного

Села, и по его войскам перед фронтом 2-й ударной армии. Но в дальнейшем в этот день по-настоящему способствовать успеху перешедших в наступление стрелковых частей авиация не смогла. В течение дня экипажи 13-й воздушной армии совершили только 15 самолето-вылетов. Балтийские штурмовики, базировавшиеся на плацдарме, действовали активнее.

Утром в 9 ч 35 мин настороженную тишину ораниенбаумского плацдарма нарушил грохот орудий и минометов. За 65 минут артиллерия 2-й ударной армии, береговая и корабельная артиллерия КБФ обрушила на врага более 100 тыс. снарядов и мин¹⁴.

В 10 ч 40 мин при поддержке морской авиации генерал-лейтенанта М.И. Самохина полки 48-й и 90-й дивизий 43-го стрелкового корпуса (ск) генерал-майора А.И. Андреева и 131-й дивизии 122 ск генерал-майора П.М. Зайцева поднялись на штурм врага. Одетые в белые маскхалаты, бойцы быстро продвигались вперед. С горы Колокольня, где на фронтовом и армейском наблюдательных пунктах находились генералы Л.А. Говоров и И.И. Федюнинский, хорошо просматривались цепи атакующих войск, над их рядами гордо развевались боевые знамена и солдатское «ура» сливалось с громом орудий.

Ураганный огонь артиллерии и стремительная атака танков и пехоты в первый момент ошеломили гитлеровцев¹⁵. Однако вскоре командование 3-го танкового корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления армии, преодолев замешательство, сумело наладить управление войсками и организовать сильное сопротивление. Особенно ожесточенные бои развернулись за важнейший узел обороны — поселок Гостилицы, северо-западная окраина которого несколько раз переходила из рук в руки. 14 января к исходу дня соединения 2-й ударной армии прорвали первую позицию главной полосы вражеской обороны, а на гостилицком участке пробили брешь и во второй позиции. Общий фронт прорыва достиг 10 км, а глубина вклинения 3—5 км. Наиболее успешно действовали части 131-й и 90-й стрелковых дивизий полковников П.Л. Романенко и Н.Г. Лященко¹⁶.

Противник лихорадочно стягивал силы, стремясь ликвидировать прорыв, осуществленный 2-й ударной армией с ораниенбаумского плацдарма. А в это время 42-я армия была уже наготове, чтобы нанести удар с Пулковских высот. Еще 14 января ее артиллерия приступила к предварительному разрушению наиболее прочных укреплений: дальноточные орудия вели огонь по железобетонным укрытиям врага.

Разрушение огневых точек и демонстрация наступления проводились также и в полосе 67-й армии. В результате немцы не знали, откуда ждать нового удара, не решаясь снимать части с синявинского и красноборского участков, чтобы перебросить их на усиление 9-й и 10-й дивизий, которые несли большие потери на ораниенбаумском плацдарме.

Ораниенбаумский плацдарм. После мощной артиллерийской подготовки в атаку поднялась пехота 14 января 1944 г.

К исходу третьего дня боев при поддержке авиации соединениям 2-й ударной армии удалось завершить прорыв главной полосы вражеской обороны и расширить его до 23 км по фронту. Овладев ключевыми узлами дорог Гостилицы, Дятлицы, стрелковые соединения первого эшелона продвинулись на глубину 8—10 км и устремились к Ропше.

В этих боях советскими воинами было совершено немало героических подвигов. Так, всему Ленинградскому фронту стал известен командир 45-мм противотанкового орудия, действовавший в составе 286-го полка 90 сд, старший сержант Т.И. Морозов. 14 января, когда противник контратаковал, на его пути оказалось лишь это одно орудие. Но старший сержант смело встретил врага и, даже будучи раненым, продолжал вести огонь, пока контратака не удалось отбить. Уже в госпитале Т.И. Морозов узнал, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

15 января, когда резервы противника были нацелены против участка прорыва 2-й ударной армии, войска Ленинградского фронта нанесли еще более сокрушительный удар с Пулковских высот. Утром в 9 ч 20 мин 2300 орудий и минометов, а также около 100 установок реактивной артиллерии 42-й армии и более 200 орудий корабельной и береговой артиллерии КБФ обрушили огонь по 17-километровому участку обороны противника. Мощный артиллерийский гул пронесся над землей. 1 ч 40 мин лавина огня и металла разрушала вражеские укрепления, перепахивала траншеи, подавляла артиллерийские и минометные батареи. За это время по позициям врага было выпущено более 220 тыс. снарядов и мин. Раскаты залпов дальноточной морской артиллерии слились со сплошным грохотом полевой артиллерии и докатились до Ленинграда.

«Весь город, — писал поэт Н.С. Тихонов, — был ошеломлен гигантским гулом... Некоторые пешеходы на улицах стали осторожно коситься по сторонам, ища, куда падают снаряды. Но снаряды не падали. Тогда стало ясно — это стреляли мы, это наши снаряды поднимают в воздух немецкие укрепления. Весь город пришел в возбуждение. Люди поняли, что то, о чем они думали непрерывно, началось»¹⁷.

В 11 ч после переноса артиллерийского огня в глубь вражеской обороны соединения 30-го гвардейского и 110-го стрелковых корпусов армии перешли в атаку. Расчищая путь атакующим, штурмовики 13-й воздушной армии, несмотря на неблагоприятные метеоусловия, непрерывно наносили удары по врагу в его тактической зоне, бомбардировочная авиация — по вражеским вой-

Артиллерия Ленинградского фронта ведет огонь из района Пулкова
15 января 1944 г.

Пулковские высоты. Командир 30-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Н.П. Симоняк (второй слева) на наблюдательном пункте
15 января 1944 г.

ОДНОВРЕМЕННО с наступлением под Ленинградом боевые действия развернулись и под Новгородом. В ночь на 14 января войска южной группы 59-й армии Волховского фронта под общим командованием генерал-майора Т.А. Свиклина¹⁹, наносившие вспомогательный удар, скрытно переправились по льду озера Ильмень на его западный берег, внезапно, без артиллерийской подготовки атаковали и к исходу дня захватили плац-

дарм шириной до 6 и глубиной до 4 км.

На направлении главного удара армии, севернее Новгорода, снегопад и метель затрудняли прицельный огонь артиллерии, проводившей 110-минутную артподготовку. Авиация 14-й воздушной армии из-за неблагоприятных метеорологических условий подняться в воздух не смогла. Поэтому часть опорных пунктов и артиллерийских батарей осталась неподавленной. Атаковавшие войска северной группы (6-й и 14-й стрелковые корпуса) были встречены сильным огнем, и им не удалось за день боя прорвать главную полосу вражеской обороны. Лишь один полк 239 сд достиг р. Питьбы и захватил плацдарм.

15 января командующий 59-й армией генерал-лейтенант И.Т. Коровников для развития успеха на вспомогательном направлении ввел в сражение 372 сд, один стрелковый полк 225 сд и батальон броневых автомобилей, а для завершения прорыва главной полосы обороны на участке наступления северной группы войск — 65-ю стрелковую дивизию, 16-ю и 29-ю танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк. Ввод в сражение корпусных и армейских резервов изменил положение. К исходу дня 16 января войска армии прорвали главную полосу вражеской обороны севернее Новгорода и перехватили дорогу Чудово — Новгород, а южнее города перерезали дорогу Новгород — Шимск. Над новгородской группировкой немецко-фашистских войск нависла угроза окружения. На любанском направлении в этот же день перешла в наступление 54-я армия генерал-лейтенанта С.В. Рагинского. Своими действиями она сковала противника и затруднила ему переброску войск на новгородское направление.

Пытаясь остановить войска 59-й армии, германское командование перебросило к району проры-

скам в глубине обороны, а истребители прикрывали их действия и наступление сухопутных войск. На красносельском направлении успешно действовал 30-й гвардейский корпус Героя Советского Союза генерал-майора Н.П. Симоняка. 15 января к исходу дня войска 42-й армии, преодолевая сопротивление врага и отражая его контратаки, прорвали оборону на участке Лиговского канала и продвинулись на 4,5 км в центре и до 1,5 км на флангах. На следующий день глубина прорыва достигла почти 8 км. 30-му гвардейскому корпусу удалось вклинуться во вторую полосу обороны противника вблизи шоссе Красное Село — Пушкин. Наметился также успех и на соседних участках. К исходу дня 16 января 125 сд 109 ск разгромила сильный вражеский узел обороны и, продвигаясь вперед, стала расширять полосу прорыва. В этот же день противник был выбит из Александровки. Этим сильно укрепленным опорным пунктом на подступах к Пушкину овладела 85 сд 110-го стрелкового корпуса. 42-я армия к исходу дня 17 января прорвала главную полосу обороны, ее части продвинулись до 10 км и вклинились во вторую полосу. Появилась возможность развивать наступление на Ропшу навстречу войскам 2-й ударной армии.

Значительное содействие войскам Ленинградского и Волховского фронтов оказал 2-й Прибалтийский фронт. Еще 12 января в районе западнее Новоскольников, Невель перешли в наступление 3-я ударная армия под командованием генерал-полковника Н.Е. Чибисова и 10-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина. 14 января начали наступление войска 22-й армии под командованием генерал-лейтенанта В.А. Юшкевича. Активные действия этих армий прочно сковали главные силы 16-й немецкой армии¹⁸.

ва севернее и южнее Новгорода с других участков фронта до четырех пехотных, одну легкопехотную дивизию, отдельные кавалерийские и даже строительно-технические части. Противник непрерывно контратаковал, пытаясь не допустить соединения южной и северной групп наших армий, но безуспешно. 18 января расстояние между передовыми частями 42-й и 2-й ударной армий составляло 16—18 км. Чтобы как можно скорее сломить сопротивление врага, не дать ему возможности выскользнуть из уже наметившегося котла, в сражение были введены вторые эшелоны и подвижные группы армий (108-й стрелковый корпус — во 2-й ударной и 123-й — в 42-й армии). Особо ожесточенные бои разгорелись на подступах к Красному Селу и Дудергофским высотам, по которым проходила вторая оборонительная полоса гитлеровцев, прикрывавшая подступы к Гатчине. Ключом к этой своеобразной крепости служила высота 172,3 — Воронья гора, самая высокая точка в Ленинградской области.

Овладеть Вороньей горой предстояло 63-й гвардейской стрелковой дивизии. 19 января два ее полка (188-й подполковника А.И. Шерстнева и 190-й подполковника А.Г. Афанасьева) при поддержке танков и подразделений 17-й штурмовой инженерно-саперной бригады комбинированной ночной атакой с фронта и тыла, проявив высокое боевое мастерство и отвагу, штурмом овладели этой ключевой позицией. Командир дивизии полковник А.Ф. Щеглов, командующий артиллерией дивизии полковник Ф.А. Буданов и командир роты автоматчиков капитан В.Г. Массальский были удостоены звания Героя Советского Союза. В боях на подступах к Красному Селу особо отличились также командир отделения из 188 сп старший сержант Н.А. Залетов и боец роты автоматчиков 190 сп В.С. Иванов, которые впоследствии стали первыми кавалерами ордена Славы всех трех степеней.

В этот же день 64-я гвардейская, 221-я и 224-я стрелковые дивизии 42-й армии овладели мощным естественным рубежом обороны, прикрывавшим гатчинское и ропшинское направления, Красным Селом, а 196-я и 43-я стрелковые дивизии 2-й ударной армии при поддержке дальноточной артиллерии КБФ освободили населенные пункты Кипень и Ропшу.

В 23 ч 19 января передовые части подвижных групп 2-й ударной и 42-й армий встретились в районе Русско-Высоцкого, а в 7 ч 55 мин утра 20 января в районе Ропши соединились главные силы двух армий. Этим завершилось окружение остатков петергофско-стрельнинской группировки врага, которые на следующий день были уничтожены. Противник в этих боях потерял только убитыми около 20 тыс. солдат и офицеров, более тысячи гитлеровцев были взяты в плен. Среди многочисленных трофеев оказались 85 тяжелых орудий (калибра от 150 до 400 мм), которые долгое время вели обстрел Ленинграда.

Значительных успехов добилась и 59-я армия Волховского фронта. Во взаимодействии с 54-й армией была разгромлена любанско-чудовская группировка противника, перерезаны все железные и шоссейные дороги, идущие от Новгорода, и утром 20 января 14 ск генерал-майора П.Р. Артюшенко совместно с 7 ск генерал-майора Р.И. Панина, выдвинутым из резерва фронта, овладел городом. Первыми в Новгород ворвались части 378-й и 275-й стрелковых дивизий, а в 11 ч 25 мин над Новгородским кремлем взвился красный флаг.

В это же время северная и южная группы войск соединились в районе Горынево. Перед волховчанами открылась дорога на Батецкую. Остатки новгородской группировки противника, оказавшиеся в окружении, к исходу дня были ликвидированы. Враг потерял убитыми более 15 тыс. солдат и офицеров, 3000 гитлеровцев сдались в плен. В качестве трофеев были захвачены 182 орудия различных калибров, 120 минометов, 28 складов с военным имуществом, большое количество стрелкового оружия²⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 2-я ударная армия была скрытно перегруппирована водным путем на ораниенбаумский плацдарм в ноябре 1943 г. — январе 1944 г. Подробнее об этом см.: Воен.-истор. журнал. 1960. № 7.

² М. Казаков. Великая победа под Ленинградом. Воен.-истор. журнал. 1964. № 1.

³ По административному делению к началу 1944 г. Позднее ряд районов Ленинградской области был включен в Псковскую и Новгородскую области.

⁴ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 264.

⁵ Битва за Ленинград. М., 1964. С. 295.

⁶ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. С. 263.

⁷ История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 8. С. 116.

⁸ Некоторые исследователи в качестве продолжений этих операций называют также Кингисеппско-Гдовскую и Старорусско-Новоржевскую операции.

⁹ Гриф секретности снят. М.: Воениздат, 1993. С. 199.

¹⁰ Славная победа под Ленинградом. Л.: Лениздат, 1976. С. 28.

¹¹ История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 8. С. 119.

¹² Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 418.

¹³ Ленинградскому, Волховскому и 2-му Прибалтийскому фронтам были выделены крупные силы АДД; на Ленинградском и Волховском фронтах осуществлялась также значительная перегруппировка артиллерии, в результате чего к участкам прорыва было переброшено до 50 различных частей и соединений РВГК.

¹⁴ Активное участие в артиллерийской подготовке принимали линейные корабли «Октябрьская революция», «Петропавловск», крейсера «Максим Горький», «Киров», другие корабли, а также артиллерия береговой обороны.

¹⁵ Ленинград — город-герой. М.: Воениздат, 1981. С. 175, 176.

¹⁶ Лященко Николай Григорьевич — генерал армии (1968), Герой Советского Союза (1990), после войны командовал войсками Приволжского, Туркестанского, Среднеазиатского военных округов. В 1977—1992 гг. в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

¹⁷ Великая победа советских войск под Ленинградом. Л., 1945. С. 37.

¹⁸ Израсходовав за первые два дня боев не только тактические, но и оперативные (61 пд) резервы, командующий немецкой 18-й армией перебросил в полосу наступления нашей 42-й армии из под Мги, Чудово и с других неатакованных участков фронта три пехотные дивизии (225, 21 и 11-ю), части моторизованной дивизии СС «Нордланд» и строительные части, но остановить наступление 42-й армии уже не мог.

¹⁹ Это были 58-я отдельная стрелковая бригада, один полк 225 сд и лыжный батальон, усиленные двумя аэросанными батальонами. См.: Воен.-истор. журнал. 1964. № 1. С. 9.

²⁰ Славная победа под Ленинградом. С. 395.

**Полковник запаса М.Я. ТАРАСОВ,
кандидат военных наук, доцент
(Санкт-Петербург)**

(Окончание следует)

НА ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ДОНУ

Оборонительные
и наступательные
боевые действия
на территории
Воронежской области

ВОТЕЧЕСТВЕННЫХ летописях второй половины XII века упоминается поселение-крепость, располагавшееся недалеко от впадения в Дон реки Воронеж и называвшееся ее именем. Появление в те годы поселений-крепостей, крепостей-городов не было случайным. Во-первых, они возникали на пересечении сухопутных и речных путей как крупные центры торговли, во-вторых, как укрепления и места укрытий для населения во время вражеских набегов.

Воронеж в Верхнем Придонуе являлся одним из важных форпостов защиты Руси от нападений крымских и ногайских татар. В период монголо-татарского нашествия город был сожжен дотла за непокорность завоевателям. В 1585 году Воронеж был отстроен заново как город-крепость, став составной частью белгородской засечной (оборонительной) черты Юго-Восточной Руси.

Воронеж, занимавший выгодное географическое положение, спустя немногим более века был использован Петром I в качестве опорного пункта в его Азовских походах. В 1695 году по приказу государя здесь были возведены верфи, на которых строились корабли для Азовского флота. Примечательно, что в 1772 году в Воронеже образовалось первое в России «Акционерное общество мореходства» с правом заказывать строительство судов в военных адмиралтействах. Поэтому Воронеж можно поистине считать колыбелью российского флота.

В XVIII – первой половине XX века Воронеж превратился в крупный центр промышленности, энергетики, торговли, переработки сельскохозяйственной продукции юго-востока европейской части России. В годы Великой Отечественной войны в силу сложившейся обстановки на советско-германском фронте к лету 1942 года

Воронеж с Верхним и Средним Придонуем оказался в важном оперативно-стратегическом направлении, где разгорались сражения, предшествующие битвам за перелом в войне в пользу советских войск.

В первых числах июля 1942 года в соответствии с замыслом

Священная война на российских землях

«Блау» — фактическим продолжением провалившегося в 1941 году плана «Барбаросса» — на воронежское Придонуе обрушился удар войска немецко-фашистской группы армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Бок) в составе 6-й армии (командующий — генерал-полковник Ф. Паулюс), 4-й танковой армии (командующий — генерал-полковник Г. Гот), 2-й венгерской армии (командующий — генерал-полковник Г. Янь). В них входили: 8, 17, 29, 51-й армейские, 24, 40, 48-й танковые корпуса; 44, 57, 62, 71, 75, 79, 113, 168, 294, 297, 305, 336, 376, 384, 387, 389-я пехотные, 213-я охранная, 100-я легкопехотная, 3, 23, 24-я танковые, 3, 16, 29-я, «Великая Германия» моторизованные дивизии, а также венгерские 3, 4, 7-й армейский корпуса; 6, 7, 9, 19, 23-я легкопехотные и 1-я танковая дивизии. Всего 23 пехотных и 8 танковых и моторизованных дивизий.

Характерной особенностью этой мощной группировки являлось то обстоятельство, что в нее входило целое армейское объединение, состоявшее из войск союзного государства – Венгрии. Не менее важным было и то, что из 31 соединения более четверти составляли танковые и моторизованные дивизии. По замыслу немецко-фашистского командования левофланговые армии группы армий «Юг»

должны были разгромить по достижении Дона противостоящие советские войска, овладеть Воронежем, после чего для противника открывались задонские просторы на пути к Волге. Поворотом части своих сил вдоль правого берега Дона командование вермахта намеревалось способствовать окружению и уничтожению советских войск Юго-Западного и Южного фронтов в излучине Дона.

Наступление вторгшихся на воронежскую землю немецко-фашистских захватчиков отражали в ходе Воронежско-Ворошиловградской (воронежское направление) стратегической оборонительной операции войска Брянского фронта (командующие — генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с 7 июля 1942 г. — генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов, с 14 июля 1942 г. — генерал-полковник К.К. Рокоссовский), с 7 июля 1942 г. — Воронежского фронта (командующие — генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, с 14 июля 1942 г. — генерал-лейтенант Н.Ф. Ватулин), Юго-Западного фронта (командующий — Маршал Советского союза С.К. Тимошенко). В составе этих фронтов действовали отходившие на территорию Воронежской области армии: 13-я (командующий — генерал-майор Н.П. Пухов), 21-я (командующий — генерал-майор А.И. Данилов), 28-я (командующие — генерал-лейтенант Д.И. Рябышев, с 4 июля 1942 г. — генерал-майор В.Д. Крюченкин), 38-я (командующий — генерал-майор артиллерии К.С. Москаленко), 40-я (командующий — генерал-полковник М.М. Попов), 57-я (командующий — генерал-майор Д.Н. Никишев).

В отходившие к Дону армии входили стрелковые дивизии: 9, 13, 15-я гвардейские, 6-я, 8-я (дивизия НКВД, позднее переименованная в 63 сд), 38, 45,

62, 76, 121, 124, 160, 162, 175, 199, 212, 226, 227, 242, 244, 277, 278, 293, 297, 300, 301, 304, 343-я; стрелковые бригады: 11, 119, 141-я; кавалерийские дивизии: 5-я, 6-я гвардейские, 32-я, входившие в 3-й гвардейский кавалерийский корпус (командир — генерал-лейтенант И.А. Плиев), танковые корпуса: 4-й (командир — генерал-лейтенант танковых войск В.А. Мишулин), 13-й (командир — полковник Т.И. Танащишин), 17-й (командир — генерал-майор И.П. Корчагин), 22-й (командир — генерал-майор танковых войск А.А. Шамшин), 23-й (командир — полковник, с 21 июля 1942 г. генерал-майор танковых войск А.М. Хасин), 24-й (генерал-майор танковых войск В.М. Баданов), 19 отдельных танковых и мотострелковых бригад.

НАИБОЛЕЕ тяжелые оборонительные бои происходили на воронежском и росошанском направлениях, а также непосредственно за город Воронеж. Наличие в составе Брянского и Юго-Западного фронтов 6 танковых корпусов и 15 отдельных танковых бригад вселяло надежду на успех в борьбе с противником, повышало возможность нанести ему существенный урон. Однако в силу разных причин этого не произошло. К примеру, танковые корпуса применялись разрозненно, зачастую использовались для закрытия создаваемых противником брешей в нашей обороне, прикрытия флангов отходящих войск, обеспечения их выхода из окружения. Безусловно, необходимость такого применения была, однако все это явно не соответствовало главному предназначению танковых сил. Одной из существенных причин столь неэффективного использования наших командованием бронированной мощи являлся тот факт, что танковые корпуса начали формироваться лишь весной и в начале лета 1942 года. В процессе их создания не была достаточно четко выработана теория и практика применения в бою и операциях новых формирований. У командного состава фронтов и армий зачастую преобладало намерение использовать корпуса побригадно, т.е. распыленно. Вот почему применение такого большого коли-

чества танковых корпусов оказалось малоэффективным, не сыграло той роли, для которой предназначались такие формирования. Все эти ошибки, просчеты осознавались и устранялись позднее. Но все же и первый опыт был полезен тем, что он выявил порочность практики подобного применения танковых корпусов.

В ходе ожесточенных оборонительных боев в Западном Придонуе из района Тербуны по противнику нанесла контрудар 5-я танковая армия (командующий — генерал-майор А.И. Лизюков) в составе двух танковых корпусов: 2-го (командир — генерал-майор танковых войск А.Г. Кравченко) и 11-го (командир — генерал-майор танковых войск А.Ф. Попов), 340-й стрелковой дивизии и 19-й танковой бригады. Этот удар отвлек часть сил 24-го танкового корпуса противника, наступавшего на Воронеж. Но и этот удар не привел к решающему изменению обстановки. Для создания прочной обороны по Дону из резерва Ставки Верховного Главнокомандования подводились 3-я резервная, с 7 июля — 60-я армия (командующий — генерал-лейтенант М.А. Антосяк) в составе 107, 159, 161, 167, 193, 195-й стрелковых дивизий, 18-го танкового корпуса (командир — генерал-майор И.Д. Черняховский), 25-го танкового корпуса (командир — генерал-майор танковых войск П.П. Павлов); 6-я резервная, с 7 июля — 6-я армия (командующий — генерал-майор Ф.Т. Харитонов) в составе 99, 141, 174, 206, 216, 232, 309-й стрелковых дивизий; а также часть сил 5-й резервной, с 10 июля — 63-й армии (командующий — генерал-майор В.Я. Колпакчи): 1-я и 153-я стрелковые дивизии Юго-Западного¹, с 12 июля — Сталинградского фронта.

Совместными усилиями наших отходящих войск и подошедших к ним резервных армий противник на территории Воронежской области был остановлен по всему Дону от Воронежа до Монастырщины.

При отходе окружалась противником часть войск 40-й и 21-й армий. Из их состава попадавшие в окружение и выходившие из него понесли боль-

шие потери и прекратили свое существование стрелковые дивизии: 162-я (командир — полковник Н.Ф. Колкунов), 175-я (командир — полковник С.М. Гловацкий), 199-я (командир — полковник Ф.А. Веревкин), 227-я (командир — полковник Г.А. Тер-Гаспарян), 297-я (командир — полковник М.Н. Московцев), 301-я (второго формирования, командир — полковник М.Н. Иванов). Часть дивизий после тяжелых июльских боев была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования на пополнение и восстановление боеспособности. Это 45-я (командир — полковник В.П. Соколов), 62-я (второе формирование, командир — полковник П.А. Новороцкий), 169-я (командир — генерал-майор С.М. Рогачевский), 212-я (командир — полковник И.М. Шутков), 226-я (командир — полковник М.А. Усенко), 227-я (второе формирование, командир — полковник В.Г. Чернов), 293-я (командир — генерал-майор П.Ф. Лагутин), 300-я (командир — полковник С.П. Меркулов) стрелковые дивизии. Многие из них, имевшие большой боевой опыт, после восстановления участвовали в Сталинградской битве, внесли существенный вклад в перелом хода войны в пользу СССР и достижение победы над врагом.

Остальные соединения, занявшие оборону по Дону, совместно с подошедшими из резерва дивизиями упорной обороной положили начало срыву выполнения плана «Блау», тем самым заложив фундамент перехода советских войск от активных оборонительных боев под Воронежем к великой битве под Курском.

Западные районы Воронежской области со 2 июля 1942 года по 28 января 1943 года находились в оккупации.

Освобождение Воронежской области от немецко-фашистских захватчиков осуществлялось после знаменательной победы советских войск под Сталинградом в ходе Среднедонской (16—25 декабря 1942 г.) и Острогожско-Росошанской-Верхнедонской (13—20 января 1943 г.), а также Воронежско-Касторненской (24—28 января 1943 г.) наступательных операций.

В ОСВОБОЖДЕНИИ области принимали участие войска Воронежского фронта (командующий — генерал-лейтенант, с 20 января 1943 г. — генерал-полковник Ф.И. Голиков) и Юго-Западного фронта (командующий — генерал-лейтенант, с 17 декабря 1942 г. — генерал-полковник Н.Ф. Ватулин) и входящие в них армии: 1-я гвардейская (третьего формирования, командующий — генерал-лейтенант В.И. Кузнецов), 6-я (третьего формирования, командующий — генерал-майор, с 20 декабря 1942 г. — генерал-лейтенант Ф.М. Харитонов), 38-я (второго формирования, командующий — генерал-лейтенант Н.Е. Чибисов), 40-я (командующий — генерал-лейтенант К.С. Москаленко), 60-я (второго формирования, командующий — генерал-лейтенант И.Д. Черняховский), 3-я танковая (командующий — генерал-майор, с 19 января 1943 г. — генерал-лейтенант П.С. Рыбалко); 18-й отдельный стрелковый корпус (командир — генерал-майор П.М. Зыков), 7-й кавалерийский корпус (командиры — генерал-майор И.М. Мангаров, с 28 декабря 1942 г. — генерал-майор С.В. Соколов), 17-й (командир — генерал-майор танковых войск П.П. Полубояров), 18-й (командир — генерал-майор танковых войск Б.С. Бахаров), 24-й (командир — генерал-лейтенант танковых войск В.М. Баданов), 25-й (командир — генерал-майор танковых войск П.П. Павлов) танковые корпуса; 4-й (командир — генерал-майор Н.А. Гаген), 6-й (командир — полковник, с 31 декабря 1942 г. — генерал-майор И.П. Алферов), 15-й (командир — генерал-майор П.Ф. Привалов) стрелковые корпуса; стрелковые дивизии: 25, 35, 38, 41, 44, 48-я гвардейские; 1, 100, 107, 111, 121, 127, 141, 153, 160, 161, 167, 172, 180, 183, 184, 195, 206, 219, 232, 237, 240, 267, 270, 303, 305, 309, 322, 340, 350-я; стрелковые бригады: 37, 104, 106, 129, 248, 253-я; отдельные танковые бригады: 14, 86, 96, 116, 150, 173, 179, 180, 192, 201-я.

Высокое воинское мастерство при освобождении городов проявил личный состав: 1-й стрелковой дивизии (позднее

переименованной в 58-ю гвардейскую сд, командир — генерал-майор А.И. Семенов), 44-й гвардейской стрелковой дивизии (командир — генерал-майор Д.А. Куприянов) — г. Богучар (19 декабря 1942 г.); 17-го танкового корпуса — г. Кантемировка (19 декабря 1942 г.), получившего наименование «Кантемировский»; 12-го танкового корпуса (командир — полковник В.А. Митрофанов) — г. Россошь; 107-й стрелковой дивизии (второе формирование, командир — полковник П.М. Божко), 340-й стрелковой дивизии (командир — генерал-майор С.С. Мартиросян); 129-й стрелковой бригады, 86-й танковой бригады — г. Острогжск (20 января 1943 г.); 100-й стрелковой дивизии (второе формирование, командир — генерал-майор Ф.И. Перхорович), 121-й стрелковой дивизии (командир — полковник М.А. Бушин) — г. Воронеж (25 января 1943 г.).

В оборонительных и наступательных боях на территории Воронежской области принимали участие соединения, сформированные на Дальнем Востоке — 9-я гвардейская (бывшая 96 сд); в Сибири — 232, 301, 303 сд; на Урале — 159, 175, 193, 195, 273 сд; в Средней Азии — 38 сд; в Подмосковье — 25, 35, 38, 41-я гвардейские, 161, 233, 258, 260 сд; в Нижнем Поволжье — 244, 277, 278, на Дону и Северном Кавказе — 242, 243 сд сд; на Орловщине и Харьковщине — 266, 293, 297, 300 сд², в Закавказье — 76 сд.

В СЕ соединения, принимавшие участие в боевых действиях, приобрели богатый опыт ведения обороны и наступления, умение бить противника, наносить ему серьезные поражения и громить его. Из 76 дивизий, воевавших на воронежской земле, 68 закончили войну в Германии, Чехословакии и Австрии, 18 из них стали гвардейскими. Это 38-я (второе формирование, командир — полковник Г.П. Сафиулин) — 73 гв. сд; 45 сд (командир — полковник В.П. Соколов) — 74 гв. сд; 63-я (бывшая 8 сд НКВД, командир — полковник Н.Д. Козин) — 52 гв. сд; 76-я (командиры — полковник В.А. Пеньковский, с 14 августа 1942 г. — полковник

Н.Т. Таварткиладзе) — 51 гв. сд; 95-я (бывшая 13 мсд НКВД, командир — полковник Горишний) — 75 гв. сд; 124-я (командир — полковник А.И. Белов) — 50 гв. сд; 153-я (командир — полковник А.П. Карнов) — 57 гв. сд; 159-я (второе формирование, командир — полковник М.Б. Анашкин) — 61 гв. сд; 160-я (командиры — полковник М.Л. Серюгин, с 28 августа 1942 г. — полковник А.И. Баксов) — 89 гв. сд; 226-я (командир — полковник Н.С. Никитченко) — 95 гв. сд; 258-я (второе формирование, командир — полковник И.Я. Фурсин) — 96 гв. сд; 278-я (второе формирование, командир — генерал-майор Д.П. Монаков) — 60 гв. сд; 293-я (командир — генерал-майор П.Ф. Лагутин) — 66 гв. сд; 300-я (командиры — полковник С.П. Меркулов, с 30 июля 1942 г. — полковник И.М. Афонин) — 87 гв. сд; 304-я (командиры — полковник И.В. Хазов, с 30 июля 1942 г. — полковник С.П. Меркулов) — 67 гв. сд; 343-я (командиры — полковник П.П. Чувашев, с 23 декабря 1942 г. — генерал-майор М.А. Усенко) — 97 гв. сд; 11 кд (командир — полковник М.И. Суржиков) — 8 гв. кд; 83 кд (командир — полковник Е.П. Серашев) — 13 гв. кд. Многие соединения награждены орденами и получили почетные наименования за освобождение городов.

В жаркие бои июля 1942 года под Воронежем и на Верхнем Дону началось становление талантливой военачальника, полководца Ивана Даниловича Черняховского. Родился он 29 июня 1906 года в г. Умани, в Красную Армию вступил в 1924 году. В 1928 году И.Д. Черняховский окончил Киевскую артиллерийскую школу, а в 1936-м — Военную академию механизации и моторизации. Великую Отечественную войну встретил командиром 28-й танковой дивизии в составе 12-го моторизованного корпуса в Прибалтике. Дивизия под его командованием участвовала в танковом сражении — контрударе под Солыцами, в обороне Новгорода. В декабре 1941-го 28-я танковая была переформирована в 241-ю стрелковую дивизию, вела тяжелые оборонительные бои на старорусско-демянском на-

правлении. За умелое руководство дивизиями и проявленное личное мужество Иван Данилович Черняховский дважды награждался орденом Красного Знамени. В июне 1942 года он назначается командиром 18-го танкового корпуса, который в составе 60-й армии с 7 июля 1942 года вступает в сражение с противником под Воронежем. По решению командарма корпус по бригадно был поставлен в оборону, что вызвало недоумение и несогласие Черняховского, о чем он доложил командарму, а затем командующему войсками фронта, прибывшему в армию. По предложению командующего войсками фронта Ставка ВГК освободила генерал-лейтенанта М.А. Антосяка от командования армией и назначила вместо него Черняховского, которому было тогда всего 36 лет. С переходом в наступление в январе 1943 года 60-я армия успешно прорвала оборону противника и совместно с 38-й и 40-й армиями окружила кастрорненскую группировку противника.

После ее разгрома большинство соединений 60-й армии были переподчинены соседним армиям, а 60-я с главного направления перегруппировалась на фланг фронта. Чувствовалось, что молодому командующему не доверяют. Однако И.Д. Черняховский со своей армией развил решительное наступление на Курск, овладел им и 18 февраля 1943 года вышел на рубеж Рыльск, Коренево. На какое-то время в Москве о Черняховском забыли. Армия находилась в обороне до начала битвы за Днепр, т.е. до 23 августа (полгода). Такое «стояние», как правило, приводит к снижению боеспособности войск. Однако 60-я армия сразу взяла высокий темп наступления — прорвав оборону противника, овладела городами Рыльск, Конотоп, Бахмач, Нежин, одной из первых форсировала Днепр, содействовала 38-й армии в овладении Киевом и развила стремительное продвижение на Коростень. Теперь уже о Черняховском заговорили в полный голос. Победам его армии салютовала Москва, многие бойцы и командиры армии были награждены орденами и

медалями, а И.Д. Черняховскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

В АПРЕЛЕ 1944 года И.Д. Черняховский назначается командующим войсками Западного, переименованного позднее в 3-й Белорусский, фронта. Войска фронта под его командованием успешно участвуют в Белорусской, Прибалтийской, Восточно-Прусской стратегических наступательных операциях. За умелое руководство войсками фронта в Белорусской операции Иван Данилович Черняховский удостоен второй Золотой Звезды Героя, ему присвоено звание генерал армии. В октябре 1944 года войска 3-го Белорусского фронта первыми вступили на территорию Германии — в Восточную Пруссию, в феврале 1945-го они блокировали цитадель германской военщины — Кёнигсберг. В ходе боев в районе г. Мельзака И.Д. Черняховский был смертельно ранен. В правительственном сообщении по этому поводу говорилось: «18 февраля скончался от тяжелого ранения, полученного на поле боя в Восточной Пруссии, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Черняховский Иван Данилович — верный сын большевистской партии и один из лучших руководителей Красной Армии. В лице товарища Черняховского государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Великой Отечественной войны».

Благодарные воронежцы свято чтут память о выдающемся полководце, талант и высокие способности которого начали приобретать яркие черты на воронежской земле.

В январских сражениях 1943 года на Верхнем Дону, в которых участвовала 60-я армия под командованием И.Д. Черняховского, была разгромлена одна из сильнейших группировок войск фашистских захватчиков — группа армий «Б». Позднее гитлеровский генерал Бутлар по этому поводу писал: «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14 дней русского наступле-

ния группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия была сильно потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей боевой техники. 2-я венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й итальянской армии спастись удалось лишь некоторым частям корпуса альпийских стрелков»³.

Венгерские и итальянские войска, вовлеченные в исполнение авантюрных замыслов германского командования, расплатились огромнейшей скорбной данью — сотнями тысяч убитых, плененных и искалеченных. С разгромом войск группы «Б» образовалась почти 400-км брешь, открывавшая возможность войскам Воронежского и Юго-Западного фронтов успешно развивать наступление на курском и харьковском направлениях.

В ходе оборонительных и наступательных боев на Верхнем и Среднем Дону в Воронежской области потери советских войск составили: в обороне: безвозвратные — 83 567 человек; санитарные — 130 837 человек; общие — 214 404 человека; в наступлении: безвозвратные — 6346 человек; санитарные — 16 813 человек; общие — 23 159 человек.

Всего за весь период боев: безвозвратные — 89 913 человек; санитарные — 147 650 человек; общие — 237 563 человека.

Сражения на Верхнем и Среднем Дону внесли весомый вклад в разгром немецко-фашистских захватчиков, в закрепление итогов битвы на Волге, положившей начало коренному перелому в Великой Отечественной войне и всей Второй мировой войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Из 63-й армии указаны лишь те дивизии, которые действовали на территории Воронежской области.

² Дивизии формировались в начале войны, до выхода на эту территорию немцев.

³ Цит. по: Мировая война. 1939—1945 гг. Сборник: Пер. с нем. М.: Инлитиздат, 1957. С. 206.

*Генерал-майор в отставке
А.И. КРУГЛОВ
(Москва)*

«...ФРОНТ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРИЛСЯ И ПЕРЕШЕЛ ПОД КОНТРОЛЬ АРМИИ»

Отечественный и зарубежный опыт специальных действий в тылу противника

Методы достижения победы и способы ведения войны формировались с древнейших времен. Менялись средства вооруженной борьбы, формы военных действий, но полководцы всегда стремились ограничить возможности противника. «Война, — писал китайский теоретик Сунь-Цзы 2500 лет назад, — это путь обмана»¹. Кто отказывается от подрыва мощи противника изнутри, тот заранее ставит себя в невыгодное положение. Чем сложнее становится вооруженная борьба, тем больше она зависит от качества управления и обеспечения войск, тем большее значение приобретают специальные формы и способы дезорганизации деятельности противника.

ВО ВРЕМЕНА, когда основным средством одоления врага в открытом столкновении являлось холодное оружие, носимое воинами при себе, а единственными запасами, в которых нуждалась армия при ведении боевых действий, были вода и пища, соответственно и действия по лишению или ограничению внутренней способности противника к битве направлялись на сокращение этих ресурсов.

Создание огнестрельного оружия добавило к прежним потребностям необходимость своевременного подвоза, как тогда говорили, огнеприпасов. Одной из важнейших задач стал срыв снабжения войск не только продовольствием, но и оружием и боеприпасами. Появление массовых армий вызвало усиление зависимости успешного ведения военных действий от переброски войск по железным дорогам, доставки воюющей армии миллионов тонн различных грузов, поддержания устойчивой связи.

Боеспособность вооруженных сил государства напрямую стала зависеть от уровня развития экономики, науки, образования, нравственного состояния общества, здравоохранения, инфраструктуры и многих других факторов. Стало возможным дезорганизовать государственное устройство и армию противостоящей стороны, не захватывая чужую территорию. Поэтому не только собственно военный, но и экономический, моральный, научный,

демографический потенциалы и другие составляющие элементы мощи государства и армии стали объектами специальных методов и способов в геополитическом противоборстве как в военное, так и в мирное время.

Русская военная мысль различала три типа вооруженной борьбы в тылу противника, которая проводилась в соответствующих им формах: партизанская война, малая война и народная война. «Партизанская война, — писали исследователи в 1914 году, — представляет самостоятельные действия *выделенных армией* отрядов, прервавших с нею связь, хотя бы временно, и наносящих вред противнику преимущественно в тылу. Партизанская война по самому ее существу могла возникнуть только тогда, когда тыл противника уязвим, и чем более он уязвим, тем благоприятнее условия для развития этой войны»².

В понятие «народная война» включали восстания, действия вооруженного народного ополчения по защите жилищ от грабежей и насилий, вооруженное противодействие мероприятиям оккупационных властей и т.п. «Малой войной» назывались обособленные действия небольших отрядов в промежутках между генеральными сражениями с целью нападения на небольшие части противника, несения сторожевой службы, сбора сведений о неприятеле, проведения фуражировок и т.п.

при непосредственном взаимодействии с вышедшими эти отряды частями.

РОССИИ, можно сказать, принадлежит честь первооткрывателя в достижении военно-политических целей посредством проведения высшим военным руководством партизанских действий регулярной армией в стратегическом масштабе. Так, в ходе войны между Россией и Швецией в 1700—1721 гг., известной как Северная война, Петр Великий для воздействия на тыл и тыловые коммуникации противника учредил специальный корпус — корволант. Его состав, численность, организация и назначение определялись главой 6 «Устава воинского», изданного 30 марта 1716 года: «Корволант (сиречь легкий корпус)... отдается к некоторому делу в команду генералу, либо у неприятеля для пресечения или отнимания паса, или оному в тыл идти, или в его землю впасть и чинить диверсию»³.

Таким образом, корволант — первое в истории регулярной армии воинское формирование, одной из задач которого было ведение боевых действий в тылу противника. «На театре войны в России мы встречаем человека, гений которого не только сознал идею партизанской войны и то громадное значение, которое она может иметь, но который сумел более успешно и применить ее, чем то было на Западе. Мы говорим о

Петре I», — отмечается в одном из исследований⁴.

Специальные задачи по лишению противника продовольственных и фуражных источников выполнялись кавалеристами, которые наряду с действиями на коммуникациях использовались также в открытых боях и сражениях. После смерти Петра Великого идея применения отрядов регулярной армии в тылу противника со специальными задачами постепенно стала забываться.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ война 1812 года явилась следующим этапом в развитии партизанских действий. Оценив по достоинству успех первого отряда из казаков и гусаров, сформированного по инициативе Д. В. Давыдова и под его командованием, М. И. Кутузов делит на партизанские отряды большую часть казачьих войск и бросает их в тыл наполеоновской армии. В сентябре 1812 года в составе созданной М. И. Кутузовым в тылу врага группировки (сейчас ее можно было бы назвать группировкой сил специального назначения) действовали в качестве армейских партизанских отрядов 48 (!) полков русской регулярной армии. Отдельными отрядами командовали генералы и офицеры И. С. Дорохов, А. И. Сеславин, А. С. Фигнер, М. А. Фонвизин и др.⁵ Один из современных исследователей, анализируя вклад этих отрядов в победу над французами, отмечал: «Рассматривая партизанское движение в войне 1812 года, надо учитывать одно очень важное обстоятельство. Если до оставления Москвы партизанские отряды возникали стихийно и создавались преимущественно из крестьян, то после оставления Москвы и перехода армии в Тарутино фронт партизанской борьбы значительно расширился и перешел под контроль армии»⁶.

Целесообразность использования особых способов и методов ведения войны, в том числе применения формирований регулярной армии и иррегулярных сил в тылу противника со специальными задачами, обосновал генерал Д. В. Давыдов, знаменитый командир армейского партизанского отряда, издавший в 1822 году фундаментальный труд — первый в отечественной,

европейской и мировой военной науке, полностью посвященный исследованию партизанской борьбы⁷. Основные теоретические положения этого труда о целях, характере, сущности партизанских (специальных) действий, особенностях военного искусства и военного строительства России, дополненные в других соответствующих работах, сохранили свое значение до настоящего времени.

Анализируя историю военного искусства, Д. В. Давыдов пришел к выводу, что разделение театра военных действий на зону боевых действий и тыловую зону произошло тогда, когда затруднение «пропитать скопившиеся громады войск на тесном расстоянии понудило нас искать средства продовольствовать армии вне круга боевых происшествий и чрез то разделить единство театра войны на два поля: на боевое и на поле *запасов*»⁸.

В первой части книги Д. В. Давыдова рассматривается история исследуемой проблемы в военном искусстве как России, так и иностранных государств. Во второй — обосновывается реальная возможность использования русской армией в будущих войнах партизанских методов, разрабатываются основы планирования действий войск, в частности казачьих, в тылу противника, их подготовки и руководства ими при выполнении особых задач. Предлагавшаяся система включала специальные действия в тылу противника, которые Д. В. Давыдов называл наступательными, и противопартизанские меры по борьбе с подобными силами противника в собственном тылу — оборонительные действия. Автор труда подчеркивал, что «партизанская война имеет влияние и на главные операции неприятельской армии»⁹.

Особо актуальной представляется третья часть исследования, полностью посвященная проблеме защиты собственного тыла от партизанских действий противника. Примечательны рассуждения автора об адресном использовании тех или иных подразделений, частей, соединений. Если, по его мнению, для активных действий во вражеском тылу наиболее подходили полки Донского и Кубанского казачьих войск, то для выполнения защитительных задач — баш-

кирская, калмыкская и татарская иррегулярная конница.

Структуру труда Д. В. Давыдова практически повторяют все последующие исследователи в этой области военного искусства. Общими усилиями им удалось проанализировать и обобщить, опираясь на давыдовские практический опыт и теоретические взгляды, новые формы специальных действий, возникших в ходе Отечественной войны 1812 года. В их числе: систематические операции стратегического масштаба и отдельные целенаправленные удары по коммуникациям противника, предполагавшие, кроме лишения его продовольствия и фуража, захват и вывод из строя артиллерийских орудий, освобождение военнопленных, ведение разведки.

В КРЫМСКОЙ войне 1853—1856 гг. французские генералы снова вспомнили уроки и опасность русской партизанской войны. Когда французское правительство попыталось развить успех англо-французских войск после взятия Севастополя и спланировать наступление в глубь России, главнокомандующий французской армией генерал Пелисье заявил, что уйдет в отставку, если ему прикажут начать маневренную войну. Он отчетливо представлял невозможность обеспечения безопасности коммуникаций на столь огромной территории, начиная от Черноморского побережья, предвидя партизанские действия русской армии. Именно поэтому война ограничилась, по выражению Ф. Энгельса, этим «закоулком России», т. е. полуостровом Крым.

К сожалению, дальнейшее развитие особого вида военных действий, как будто бы созданного для российских условий и просторов, а значит, и для российской военной доктрины, не получило должного продолжения.

С начала 30-х годов XIX века в военном искусстве идет процесс затухания интереса к специальным действиям. Не случайно известный военный ученый генерал Н. С. Голицын в 1859 году бьет тревогу по поводу утраты русской армией опыта организации и ведения партизанских действий в тылу противника: «Преподается ли у нас где-

либо теория партизанской войны вообще и нашей русской в особенности, хоть в самых тесных размерах? Есть ли у нас учебные руководства и сочинения о ней, кроме книги Давыдова (сочинений о службе передовых постов и о малой войне я не признаю тождественными с ними)? К сожаленью, нет». Он предложил использовать во вражеском тылу от 15 до 25 проц. легкой конницы, разделить ее на партизанские отряды и создавать в тылу неприятеля специальную группировку сил. Однако эти предложения на практике реализованы не были¹⁰.

Инженерно-технический прогресс, характерный для второй половины XIX века, в частности появление железных дорог, качественно изменивших систему тылового и технического обеспечения войск, внедрение телеграфа в системы управления государством и войсками, а также изобретение мощных взрывчатых веществ (динамита), не мог не сказаться и на изменении подходов к ведению партизанской борьбы.

Первой войной, в которой в полной мере проявилось влияние этих факторов, стала гражданская война в США в 1861—1865 гг., в ходе которой железнодорожные станции, участки путей сообщения, подвижной состав подвергались наиболее частым нападениям. Разгром сил прикрытия железных дорог требовал достаточно большой численности отрядов. В ходе войны возник, получив американское название «рейд», способ действий крупных масс конницы в тылу противника, известный в русском ограниченном применении как набег.

Если европейская военная мысль отнеслась пренебрежительно к американскому боевому опыту, то в России он был достаточно изучен теоретически и использовался практически. В 1867 году на маневрах в Варшавском военном округе отряд полковника Рубашевского численностью в 600 конников, прорвавшись сквозь сторожевые посты и отряды условного противника, совершил длительный рейд, пройдя за 44 часа 160 верст и далеко проникнув в тыл войск, прикрывавших линию Вислы и Варшавско-Брестскую дорогу. На тех же маневрах несколькими конными отрядами в

опытном порядке были проведены нападения на отоблагодарились части округа.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ война 1877—1878 гг. предоставила русской армии хорошую возможность использовать отечественный и зарубежный опыт в боевых условиях, чему, казалось бы, способствовали полная поддержка местного населения и наличие отрядов болгарских партизан-четников. Однако русская армия не использовала партизанские действия в тылу противника даже в тех случаях, когда они были не только целесообразны, но даже крайне необходимы. Так, несмотря на массу кавалерии (90 эскадронов), сосредоточенную к началу сентября под Плевной, какие-либо систематические специальные действия на коммуникациях противника не проводились, что позволило туркам содержать действующим этапный путь Плевна — София и достаточно долго обеспечивать гарнизон крепости всем необходимым. Активность же партизан на этом коммуникационном сообщении, дальние набеги в тыл для перехвата транспортов и подкреплений, следовавших к туркам, не позволили бы Плевне продержаться так долго и, следовательно, исключили бы затягивание войны.

В 1885 году выходит фундаментальный труд начальника Оренбургского казачьего юнкерского училища полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Ф.К. Гершельмана «Партизанская война», ставший одним из наиболее обстоятельных исследований о партизанской войне.

В первой части работы дается подробный исторический очерк развития партизанских действий в войнах, начиная с Тридцатилетней (1618–1648) и заканчивая русско-турецкой 1877—1878 гг., делается общее заключение о стратегическом значении партизанской войны. Во второй — излагаются стратегические основы теории партизанской войны, исследуются формы ее развития. Определяя факторы, влияющие на формы партизанских действий, автор выделял следующее: длину операционной линии противника, относительное положение воюющих армий, условия устрои-

ва тыла, наступательный или оборонительный образ ведения войны, настроения местного населения края, характер театра военных действий, состав кавалерии, входящей в армию, организацию и общее руководство партизанской войной со стороны главнокомандующего; впервые использовал термин «операция» применительно к партизанским действиям в тылу противника.

«Партизанская война, оставаясь сама по себе всегда вспомогательным, второстепенным средством стратегии, — отмечал Ф.К. Гершельман, — может дать решительные результаты и проявить все то значение, которое может принадлежать известному средству стратегии... и при непременно условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других.

По решительности результатов партизанская война иногда является настолько самостоятельным средством, что на партизанов возлагается главная роль и притом не по нужде (неготовность армии к решительным действиям), а прямо-таки по характеру задачи и по самостоятельности партизанской войны... которой в этом случае временно переходит роль как бы главной операции»¹¹.

В 1894 году опубликовал свои научные изыскания преподаватель Тверского кавалерийского юнкерского училища подполковник В.Н. Клембовский. Как и предыдущие исследователи, он подробно остановился на сущности, целях и формах развития партизанских действий, рассмотрел влияние на них количества и качества кавалерии; помимо того, развил мысль о задачах партизанской борьбы в период мобилизации и сосредоточения армий противника. Вместе с тем пошел дальше своих предшественников — подробно проанализировал тактику партизанских действий, в частности, два основных способа: набеги и поиски. При этом осуществил расчет времени отправления соответствующих групп и отрядов, определил их численность, состав, подготовку и порядок выполнения боевых задач, планирование и обеспечение. Автор впервые отдельно рассмотрел возмож-

ности и значение партизанских действий пехоты, особенности пехотного партизанского отряда, к примеру, нарушение им железнодорожных коммуникаций противника¹². Увы, по предложениям подполковника В. Н. Клембовского тоже никаких решений принято не было.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ война 1904—1905 гг. среди прочих недостатков в военном строительстве и обучении войск выявила полную утрату российской армией практики организации и ведения специальных боевых действий в тылу противника. Несмотря на благоприятные для партизанской борьбы условия Дальневосточного театра военных действий, трудности японцев с обеспечением армии по единственной железной дороге, значительное превосходство в численности конницы, кавалерийские и казачьи бригады использовались в основном только для решения задач боевого и непосредственного охранения. Более того, с началом боевых действий командующий Маньчжурской армией генерал-адъютант А. Н. Куропаткин, тревожась чрезмерно выдвинутым, по его мнению, вперед конным казачьим отрядом, который вышел на коммуникации японцев, предписал ему отойти назад.

19 февраля 1904 года в Мукдене состоялось совещание под председательством главнокомандующего сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке генерал-адъютанта Е. И. Алексеева, на котором было принято решение широко развить партизанские действия в тылу и на сообщениях противника в Корее. Однако отсутствие каких бы то ни было навыков в организации подобных мероприятий привело вначале к недопустимому затягиванию подготовки специальных действий, а затем и к провалу набега на базу снабжения противника в Инкоу, проведенного только в конце года. Отдельные удачные вылазки в тыл японцев оперативного значения не имели.

ЕДИНСТВЕННАЯ попытка анализа партизанских действий русской армии в Первой мировой войне, проведенного уже известным нам В. Н. Клембовским, перешедшим к тому времени на службу в Генеральный штаб Красной Ар-

мии, отражена во втором издании книги «Партизанские действия». О компетентности ее автора в области стратегии партизанских действий говорит тот факт, что он, бывший генерал от инфантерии, в исследуемый им период командовал 16-м армейским корпусом, являлся начальником штаба армий Юго-Западного фронта, командующим XI армией, помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, главнокомандующим армиями Северного фронта.

В своем труде В. Н. Клембовский отмечал: «Хотя в мирное время достаточно говорилось и писалось официально и неофициально о пользе развития в широком масштабе партизанских действий против Германии с целью замедлить и затруднить ее мобилизацию, а затем и вторжение в наши пределы... наш Генеральный штаб ничего не подготовил для этого и, по видимому, даже забыл о таком вспомогательном средстве борьбы с противником»¹³.

Между тем 30 октября 1915 года приказом № 2 походного атамана казачьих войск при императоре предписывалось сформировать армейские партизанские отряды согласно специальному наставлению, прилагавшемуся к приказу, и безотлагательно начать соответствующие действия в тылу противника. Позже был разработан табель, в соответствии с которым должно было происходить обеспечение особых отрядов всем необходимым. Обращает на себя внимание, что в этом документе наряду с привычным термином «партизанский» впервые используется и другой — «специальный», правда, применительно лишь к имуществу и вооружению партизанских отрядов. В ночь на 15 ноября 1915 года сводным партизанским отрядом был разгромлен штаб 82-й германской резервной дивизии под Невелем, командир которой генерал Фабариус оказался в плену, а другой генерал был убит. Вместе с тем возможности развертывания широкомасштабных партизанских действий в тылу германских войск были упущены.

Именно к такому выводу пришел В. Н. Клембовский при анализе благоприятных условий для партизанских действий и причин отсутствия каких-либо

значительных результатов. «Обширные болотисто-лесистые пространства, бездорожье, полное сочувствие населения; богатство в коннице; длинные коммуникационные линии противника; наше отступление, содействовавшее оставлению партизанских отрядов в тылу противника; первоначальное сочувствие всех к открытию партизанских действий, — писал он, — все способствовало партизанской войне не в меньшей степени, чем [в] 1812 [году]. А результаты получились нулевые. В чем причина? Не ошибаясь, можно ответить: в том, что благоприятная минута для ее организации была безвозвратно пропущена; что можно и должно было сделать до осени 1915 года, того не сделали; а затем началась позиционная война, в период которой можно было пожинать плоды, но не засеивать, не приниматься за дело, не существовавшее даже в зародыше»¹⁴.

Таким образом, в течение длительного периода специальные действия развивались в основном как составная часть и особый вид боевых действий регулярной и иррегулярной конницы в тылу противника и именовались партизанскими. Действия же в тылу противника вооруженных отрядов из местных жителей российское дореволюционное военное искусство относило к народной войне, а небольших армейских отрядов в ближайшем вражеском тылу — к малой.

ПОСЛЕ Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войны произошло резкое усиление влияния на военное искусство политического фактора. Партизанские действия при этом рассматривались не столько как особый вид боевых действий войск (сил) в тылу противника, сколько как вооруженная форма классовая, революционной борьбы народных масс. Вместе с тем в рамках малой войны в теории и практике военного искусства не исключалось и применение сил и средств регулярной армии со специальными задачами, в том числе в стратегическом и оперативном масштабах. В Полевом уставе 1918 года даже имелась соответствующая глава (отдел VI) — «Партизанские действия».

Примечательным фактом является то, что в Белой армии в годы Гражданской войны для действий в тылу противника были созданы регулярные партизанские части. Так, в составе Добровольческой армии к началу 1-го Кубанского («Ледяного») похода был сформирован партизанский полк под командованием генерал-лейтенанта А.П. Богаевского (с марта 1918 г. — генерал-лейтенанта Б.И. Казановича). В «расписании» Вооруженных сил Юга России в сентябре 1919 года значатся: в составе 4-го конного корпуса — 1-й Партизанский Кубанского казачьего войска полк; в составе 5-го кавалерийского корпуса — 1-й и 2-й партизанские полки; в составе Кавказской армии — Ставропольский конно-партизанский дивизион. Партизанские казачьи полки формировались в 1920 году при подготовке десанта на Кубань и в Крым¹⁵.

В РККА попытка совместить оба направления (классовое и профессиональное) и выработать общий взгляд на проблему принадлежит М.В. Фрунзе. В выпущенной им в 1921 году брошюре «Единая военная доктрина и Красная Армия» было заявлено о необходимости подготовки и ведения вооруженными силами партизанской войны, которую сам автор часто называл «малой войной». «Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет производиться систематически и планомерно, — отмечал он, — то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас»¹⁶.

Вслед за этим началась серьезная работа по теоретической проработке вопросов специальных действий в тылу противника. В 1928 году вышел труд П.А. Каратыгина «Партизанство», в 1931-м — М.А. Дробова «Малая война (партизан-

ство и диверсии)»; идеи М.В. Фрунзе развивают и воплощают в жизнь командующие военными округами командармы 1 ранга М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, комкор В.И. Примаков. В 1933 году проводятся учения с привлечением диверсионных отрядов и авиации, по итогам которых делается вывод, что «заранее обученные подразделения при надлежащем управлении из единого центра в состоянии провести внезапную и широко-масштабную операцию, которая парализовала бы все коммуникации в западных областях Украины и Белоруссии, занятых условным противником»; в РККА организуется интенсивная подготовка специально отобранных военнослужащих и целых подразделений к действиям в тылу противника со специальными задачами¹⁷.

В связи с отказом от доктринальных установок на подготовку РККА к ведению «малой войны» произошла ликвидация заблаговременно созданных тайников с оружием и боеприпасами в качестве материальной-технической базы партизанских действий, не стали разрабатываться военно-теоретические основы подготовки и ведения специальных действий, отсутствовали соответствующие органы, пункты и средства управления, специально подготовленные формирования. Все это привело к неготовности Красной Армии к организации и ведению специальных действий в тылу немецких войск с началом войны.

В КОНЦЕ декабря 1940 — начале января 1941 года в Москве состоялось совещание высшего командного и политического состава Вооруженных Сил, которое завершилось проведением двусторонних оперативно-стратегических игр на картах. Оно тщательно и заблаговременно готовилось. По заданию наркома обороны было поручено разработать 28 докладов по самым актуальным проблемам военной теории и практики. Однако ни в одном из докладов или выступлений, даже начальника Разведывательного управления генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, не затрагивалась проблема организации и ведения партизанских действий.

Серьезной проверкой предвоенных военно-теоретических взглядов советского руководства на роль и место вооруженной борьбы в тылу противника стала Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Захват противником огромной территории заставил вернуться к этой проблеме. Систематически проводились специальные операции в тылу противника, например «Рельсовая война», «Концерт», «Пустыня» и другие, осуществлялись диверсионные акции и удары по коммуникациям, гарнизонам, штабам, важным инженерным и военным объектам.

Расчеты реальной эффективности действий партизан, скажем, на железнодорожных коммуникациях противника, вызывают в настоящее время ряд трудностей, прежде всего из-за некоторого цифрового расхождения в наших и зарубежных источниках. Тем не менее в целом и по немецким данным видно, что «ущерб от деятельности партизан на востоке был ощутимым и был намного больше ущерба от авиационных налетов и несчастных случаев на дороге, вместе взятых». Анализируя структуру нанесения ущерба железнодорожному полотну и подвижному составу, немецкий исследователь Г. Поттгиссер писал: «Большинство разрушений восстанавливалось за 2—8 часов, устранение больших разрушений, прежде всего мостов и прочих капитальных сооружений, требовало иногда до суток. Особенно тяжелым было положение с локомотивами. В сентябре 1943 г[ода] было повреждено 649 локомотивов, причем 357 из них настолько существенно, что пришлось их отправлять на ремонт в Германию. В течение 1943 года в результате взрывов было тяжело повреждено 5250 локомотивов. До 80 локомотивов (1,5 проц.) были уничтожены полностью значительным количеством взрывчатки»¹⁸.

П ОПРОБУЕМ соотнести масштабы наносившегося немцам ущерба с масштабами перевозок и оценить эффективность диверсионных действий партизан. Так, только для обеспечения немецкой группы армий «Центр» с апреля 1943 по март 1944 года в среднем поставлялось 2022 эшелон-

на в месяц, т.е. около 67 эшелонов в день¹⁹. Предположительно, с учетом потребности групп армий «Север» и «Юг», немецкой армии для ведения военных действий на советской территории требовалось в среднем около 4500 эшелонов в месяц (примерно 150 эшелонов ежедневно). Если принять за основу данные Советской Военной Энциклопедии, в соответствии с которыми в первый год войны партизаны совершали в среднем ежемесячно 40 крушений, а со второй половины 1942 года — до 300²⁰, то получится, что их воздействие на общее число немецких эшелонов в период с июня 1941 по июнь 1942 года составляло соответственно только 0,88 проц. и около 6,6 проц. в последующие периоды войны. Такой уровень воздействия партизан на коммуникации противника если и был ощутимым, особенно в отдельных случаях, все же не мог прервать снабжение немецкой армии. Следует, видимо, согласиться со следующим выводом Г. Поттгиссера: «Хотя вермахт и полиция не смогли в достаточной степени воспрепятствовать завоеванию партизанами господствующего положения и обеспечить в достаточной степени охрану железных дорог, к чести немецких железнодорожников следует отметить, что, несмотря на противодействие, они смогли выполнить все транспортные задачи для фронта»²¹.

Думается, что недостаточная эффективность партизанских действий по дезорганизации немецкого тыла на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны объясняется следующими причинами: отсутствием необходимого направления развития войск специального назначения в военном строительстве, а также соответствующих положений в военной доктрине и в основополагающих уставных документах непосредственно в предвоенный период; отказом от подготовки и ведения согласованных и взаимосвязанных партизанских, диверсионных и других специальных действий в тылу противника при разработке планов первых операций приграничных военных округов; необученностью войск ведению партизанских действий

в окружении и при другом вынужденном нахождении в тылу противника.

В то же время специальные части, предназначенные для ведения диверсионных и других специальных действий в тылу противника, были сформированы в Англии, США и Германии. Эффективность действий немецких диверсантов полка специального назначения «Бранденбург» в нашем тылу в первые недели войны общеизвестна. Более того, можно утверждать, что Великая Отечественная война началась не с авиационных ударов, массированных налетов, а с нанесения диверсионного вреда проводным системам связи военного управления, о чем писали многие советские полководцы в своих мемуарах и что подтверждается другими исследованиями. Так, в результате диверсионных действий в западных округах в различных местах было сорвано своевременное доведение директив и приказов до войск.

В составе регулярной Красной Армии диверсионные части, предназначенные для действий в глубоком вражеском тылу противника, за все годы войны так и не появились. Задачи сформированных в августе 1942 года батальонов гвардейских минеров (по одному батальону на фронт) и бригады инженерных войск РВГК были ограничены разрушением коммуникаций в ближайшем тылу противника. Вместе с тем следует отметить многократные инициативные предложения помощника начальника штаба инженерных войск РККА полковника И.Г. Старинова, поддержанные в 1942 году командующим Калининским фронтом генерал-лейтенантом И.С. Коневым, о формировании на базе воздушно-десантных бригад ВДВ фронтовых диверсионных бригад специального назначения. Однако из-за мощного противодействия руководства НКВД в лице Л.П. Берии они в составе РККА созданы не были. На Балтийском флоте была сформирована диверсионная рота боевых пловцов, однако каких-либо значительных результатов она не имела и после войны была расформирована²².

ТАКИМ ОБРАЗОМ, понятие партизанских (специальных) действий как особого вида военных действий регулярной армии в тылу противника было подменено, можно сказать, понятием партизанского движения как формы вооруженной борьбы народных масс за независимость своей страны или социальные преобразования.

Появление в середине прошлого века ядерных боеприпасов и ракетных средств их доставки, анализ зарубежного опыта применения регулярных диверсионных подразделений в годы Второй мировой войны вызвали к жизни идею создания частей специального назначения. 24 октября 1950 года началось формирование отдельных рот (впоследствии отдельных отрядов и бригад) соответствующего состава. Наиболее характерное их применение имело место в ходе боевых действий советской 40-й армии в конце 1979 — начале 1980 года в Афганистане. В последующие годы применение здесь общевойсковых соединений и частей также не укладывалось в привычные рамки. Уклонение повстанцев-моджахедов от открытого вооруженного столкновения и переход к тактике партизанской войны вызвали необходимость особого порядка применения сил и средств — специальных противопартизанских действий, которые приобрели ярко выраженный общевойсковой характер.

Сохранение и формы боевого применения соединений и частей специального назначения в ходе реальных боевых действий в Афганистане существенно вышли за рамки разведки и приобрели самостоятельное значение. При этом боевое применение сформированных частей специального назначения стало важной составной частью особых задач, выполнявшихся общевойсковыми и другими объединениями, соединениями и частями.

Изменение политической и идеологической направленности в содержании и формах применения наших Вооруженных сил в настоящее время предопределило и появление ряда новых специальных задач, в частности применение военных группировок во внутренних

вооруженных конфликтах. Классическое их использование в форме фронтовых или армейских (корпусных) наступательных или оборонительных операций при этом оказалось невозможным. Так, соединения, части и подразделения Объединенной группировки войск (сил) в Чечне, как и ранее в Афганистане, на практике осваивают искусство специальных действий, однако обобщенной военной программы таких действий пока нет.

При разработке последней необходимо учесть зарубежный опыт военного строительства в данной области. Западная военная мысль уже давно осознала значение и необходимость стратегической направленности специальных способов ведения войны, которые английский военный теоретик Лиддел Гарт еще в 1941 году называл стратегией непрямого действия. Именно под эту стратегию в большинстве западных стран сформированы и ускоренными темпами развиваются силы для осуществления специальных операций. «Малая война» оставила нам в наследство термин «гверилья», как говорили наши предки при упоминании борьбы испанского народа против французов в 1809—1813 гг., который в переводе с испанского и означает «малая война». В западном военном искусстве термин «guerrilla warfare» (боевые действия в малой войне) с марта 1955 года устойчиво вошел под таким названием в американскую военную лексику в виде полевого устава FM 31—21, в июне 1965 был заменен термином «Special Forces Operations» (операции сил специального назначения) и только затем уже — термином «Special Operations» (специальные операции)²³. Всего с июня 1941 по сентябрь 1989 года в США, включая проекты, были изданы 154 устава, руководства и наставления по вопросам специальных способов ведения войны²⁴.

СЕРЬЕЗНЫЙ опыт партизанских (специальных) способов ведения войны накоплен в Китае. Основные принципы достижения победы без кровопролития были сформулированы здесь еще в VI веке до нашей эры. Древнекитайский полководец и военный теоретик

Сунь-Цзы так разъяснял один из этих принципов: «Лучшее из лучшего — покорить нужную армию, не сражаясь. Поэтому самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осадить крепости»²⁵.

Таким образом, исторический анализ развития содержания и форм боевых действий воинских формирований в тылу противника позволяет сделать следующий вывод. На протяжении всей истории отечественного военного искусства регулярной российской армией осуществлялись боевые действия, содержание, формы и способы ведения которых выходили за рамки обычных боевых действий на поле битвы или на фронте. Российское военное искусство до 1917 года называло эти действия регулярных воинских формирований партизанскими. В советский период боевое применение войск в тылу противника в основном являлось составной частью партизанского движения. В настоящее время эту область военного искусства обычно называют специальными действиями.

Поскольку российская история специальных операций и сил специального назначения после Отечественной войны 1812 года — это история упущенных возможностей России, то предстоит многоплановая, разносторонняя работа по исследованию вопросов подготовки и ведения специальных действий, а развитие соответствующих теоретических взглядов может стать одним из приоритетных направлений как военного искусства, так и практической подготовки войск (сил) и штабов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве / В кн.: Конрад Н.И. Избранные труды. Синология. М.: Наука, 1977. С. 27.

² Военная энциклопедия. Т. XVII. Пг.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 303.

³ См.: Гершельман Ф.К. Партизанская война (исследование). СПб.: Типография Департамента уделов, 1885.

⁴ Там же; An Inventory of U.S. Army Field Manuals. St. Augustine, Florida: Wolf's head Books, 1993.

⁵ Советская Военная Энцикло-

педия. Т. 6. М.: Воениздат, 1978. С. 237.

⁶ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М.: Наука, 1974. С. 451.

⁷ См.: Давыдов Д.В. Опыт теории партизанского действия. М.: Типография С. Селивановского, 1822.

⁸ Давыдов Д.В. Военные записки. О партизанской войне. М.: Воениздат, 1982. С. 293.

⁹ Там же. С. 295.

¹⁰ См.: Голицын Н.С. О партизанских действиях в больших размерах, приведенных в правильную систему и примененных к действиям армий вообще и наших русских в особенности. СПб., 1859.

¹¹ Гершельман Ф.К. Указ. соч. С. 352.

¹² См.: Клембовский В.Н. Партизанские действия (исследование). 2-е изд. Пг.: Петроградский отдел главного управления военно-учебных заведений, 1919.

¹³ Там же. С. 224.

¹⁴ Там же. С. 229.

¹⁵ См.: Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. 1917—1920 гг. Кн. 1. М.: Посев, 2000.

¹⁶ Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная Армия. М.: Госизд., 1921. С. 25.

¹⁷ См.: Старинов И.Г. Записки диверсанта. М.: Альманах «Вымпел», 1997.

¹⁸ Pottgisser H. Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzuge, 1939—1944. Neckargemund: Buchdruckerei P. Christian KG, 1960. S. 90.

¹⁹ Ibid. S. 102.

²⁰ Советская Военная Энциклопедия. Т. 6. С. 232.

²¹ Pottgisser H. Op. cit. S. 84.

²² Старинов И.Г. Указ. соч.; Горюжанин Л. История специальной разведки ВМФ // Морской сборник. 2002. № 10.

²³ См.: Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927.

²⁴ См.: Лиддел Гарт Б.Х. Стратегия непрямого действия: Пер. с англ. М.: Иностран. лит., 1957; Guerrilla Warfare and Special Forces Operations. FM 31—21. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 1961; Doctrine for Army Special Operations Forces (SF, Rangers, CA, PSYOP, ARSOA). FM 100—25. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 1991; Statement of General Wayne A. Downing, Commander-in-Chief, U.S. Special Operations Command, before the Committee on Armed Services, United States Senate. Washington, DC: Headquarters, Department of the Army, 1994; An Inventory of U.S. Army Field Manuals. St. Augustine, Florida: Wolf's head Books. 1993.

²⁵ Военная энциклопедия (И.Д. Сытина). Т. XVII. С. 28.

**Полковник запаса
В.В. КВАЧКОВ,
кандидат военных наук
(Москва)**

**УТВЕРЖДЕН СОСТАВ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ
И РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
«ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»**

НАЧАЛЬНИКОМ Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации генералом армии А.В. Квашнин утвержден состав редакционной коллегии и редакционного совета «Военно-исторического журнала».

Редакционная коллегия журнала: капитан 1 ранга Анфертьев Иван Анатольевич — главный редактор «Военно-исторического журнала»; генерал-полковник Балуевский Юрий Николаевич — первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ; генерал-лейтенант Володин Валерий Павлович — председатель Военно-научного комитета Генерального штаба — помощник начальника Генерального штаба ВС РФ по военно-научной работе; Гаркуша Ирина Олеговна — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры Российской Федерации; генерал-лейтенант Жилин Виталий Александрович — начальник Организационного управления Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук, доцент; полковник Ильенков Сергей Александрович — начальник Архивной службы ВС РФ; генерал армии Исаков Владимир Ильич — начальник Тыла Вооруженных Сил — заместитель министра обороны РФ по тылу; Козлов Владимир Петрович — руководитель Федеральной архивной службы Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук; полковник Колтыкоков Александр Аркадьевич — начальник Института военной истории МО РФ, кандидат военных наук; генерал-майор Кирилин Александр Валентинович — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ; адмирал Кравченко Виктор Андреевич — начальник Главного штаба Военно-морского флота — первый заместитель главнокомандующего Военно-морским флотом; полковник Макар Иван Петрович — начальник кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук, доцент; генерал-полковник Ноговицын Анатолий Алексеевич — заместитель главнокомандующего Военно-воздушными силами, кандидат военных наук; генерал-майор Останков Владимир Иванович — начальник Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба ВС РФ, доктор военных наук, профессор; Островский Александр Васильевич — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала»; генерал-полковник Резник Николай Иванович — начальник Главного управления воспитательной работы МО РФ, доктор политических наук; генерал-полковник Рукшин Александр Сергеевич — начальник Главного оперативного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, кандидат военных наук; генерал-полковник Скворцов Александр Сергеевич — заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, кандидат политических наук, доцент; генерал-полковник Соловцов Николай Евгеньевич — командующий Ракетными войсками

стратегического назначения, доктор военных наук, профессор; полковник Терещенко Виктор Иванович — председатель Военно-научного комитета Сухопутных войск; полковник Чувашин Сергей Иванович — начальник Центрального архива МО РФ.

Редакционный совет журнала: Андерсон Кирилл Михайлович — директор Российского государственного архива социально-политической истории, кандидат исторических наук; полковник Басик Иван Иванович — заместитель начальника Института военной истории МО РФ по научной работе, кандидат исторических наук; полковник медицинской службы Будко Анатолий Андреевич — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, доктор медицинских наук, профессор (Санкт-Петербург); Гуськова Елена Юрьевна — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук; генерал-майор в отставке Даниленко Игнат Семенович — начальник научно-методического центра отечественной военной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ, доктор философских наук, профессор; генерал-лейтенант запаса Зданович Александр Александрович — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, кандидат исторических наук; полковник Ковалев Сергей Николаевич — начальник северо-западного отдела Института военной истории МО РФ, кандидат исторических наук; капитан 1 ранга Корчагин Евгений Николаевич — начальник Центрального военно-морского музея, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург); генерал-полковник в отставке Кривошеев Григорий Федотович — консультант Военно-мемориального центра ВС РФ, кандидат военных наук; полковник Крылов Валерий Михайлович — начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург); Кузленков Владимир Николаевич — директор Российского государственного военного архива; Куманев Георгий Александрович — руководитель Центра военной истории России Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор; генерал-лейтенант в отставке Малашенко Евгений Иванович — участник Великой Отечественной войны; полковник Никонов Александр Константинович — начальник Центрального музея Вооруженных Сил; Рыбаков Ростислав Борисович — директор Института востоковедения Российской академии наук, доктор исторических наук; Рыженков Михаил Рафаилович — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук; Сахаров Андрей Николаевич — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук; Соколов Александр Ростиславович — директор Российского государственного исторического архива, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербург); Чубарьян Александр Оганович — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, доктор исторических наук, академик Российской академии наук; Чурилин Александр Анатольевич — директор историко-документального департамента МИД РФ.

В ИСТОРИКО-ДОКУМЕНТАЛЬНОМ департаменте МИД РФ состоялось представление книги «Памятные годы (1939—1945)», автор которой доктор исторических и кандидат военных наук, профессор генерал-майор Евгений Арсеньевич Болтин (1900—1981) являлся одним из основателей «Военно-исторического журнала».

Евгений Арсеньевич прожил удивительную жизнь. В 1939 году, после работы заместителем главного редактора «Военно-исторического журнала», он был назначен главным редактором газеты «Красная звезда», преподавал в Военной академии имени М.В. Фрунзе, затем в Дипломатической академии.

Эта книга — не биографический очерк и не систематические мемуары, а живые, лишенные конъюнктурности личные впечатления об отдельных эпизодах жизни в трудный период Великой Отечественной войны. Она не содержит описания грандиозных событий и сражений (последние нашли достаточное отражение в научных трудах Е.А. Болтина). Автор вспоминает о своих встречах и совместной работе со многими известными людьми военного времени. Среди них А.С. Щербаков, Л.З. Мехлис, маршал Б.М. Шапошников, писатели И.Г. Эренбург, Е.П. Петров, А.Н. Афиногенов и многие другие.

С научными сообщениями о творческой деятельности Е.А. Болтина выступили директор историко-документального департамента МИД РФ А.А. Чурилин, ректор Дипломатической академии Ю.Е. Фокин, доктор исторических наук, профессор полковник в отставке В.И. Дашичев, доктор исторических наук, профессор О.А. Ржешевский, главный редактор «Военно-исторического журнала» капитан 1 ранга И.А. Анфертьев, кандидат исторических наук В.Г. Долгин.

С воспоминаниями Е.А. Болтина предполагается познакомить наших читателей в номере, который будет посвящен 65-летию «Военно-исторического журнала».

БЕЛОРУССКИЕ ПАРТИЗАНЫ

НА ЗАНЯТОЙ врагом территории Советского Союза, в том числе и в Белоруссии, фашисты насаждали «новый порядок» — небывалый по размаху жестокости режим. Людей казнили за уход с работы, чтение листовок, слушание передач незарегистрированных радиостанций. Вместе со взрослыми уничтожали и детей: зверски убивали их в детских домах, больницах, живыми закапывали в землю, бросали в огонь, закалывали штыками, отравляли, использовали в качестве живых мишеней. С лица земли стирались деревни и поселки, появлялось все больше и больше виселиц, тюрем, концентрационных лагерей.

К этим зверствам гитлеровцы готовились заранее. Так, еще до начала боевых действий по соглашению между главным имперским управлением безопасности, командованием сухопутных сил и верховным командованием вооруженных сил Германии были созданы группы палачей, которые комплектовались в основном из представителей СС, СД, гестапо и полиции. На оккупированных территориях действовали специальные эйнзатцгруппы, вершившие массовые убийства в лесах под Ригой, в пригородах Ленинграда, казни в Минске, Пинске, Бабьем Яре, уничтожавшие людей в камерах-душегубках и т.д. В расправах над мирным населением и грабежах активное участие принимали не только части СС и СД, но и регулярные соединения вермахта.

В таких условиях возникло массовое сопротивление врагу — партизанское движение. К концу 1941 года в оккупированных районах действовали более 2000 отрядов народных мстителей (более 90 тыс. человек), всего же в годы войны их насчитывалось более 6000, где сражались более 1 млн. бойцов¹. На территории Российской Федерации, к примеру, оккупантов в постоянном страхе и напряжении держали свыше 250 тыс. партизан, на счету которых до 650 тыс. уничтоженных захватчиков², на украинских землях это соотношение было примерно таким: 500 тыс. на 500 тыс.³. Значительные силы на подавление

освободительного движения тратили оккупанты в Латвии, Эстонии, Карелии, Молдавии.

Наибольшего подъема партизанская борьба достигла на территории Беларуси, где она начала развиваться с первых же дней оккупации, что обуславливалось рядом обстоятельств. Во-первых, здесь имелся богатейший опыт партизанских действий, накопленный в историческом прошлом, в том числе во время Первой мировой и Гражданской войн, а также в годы иностранной интервенции. Во-вторых, значительная часть партийных и советских руководителей с началом фашистской агрессии либо не успела эвакуироваться, либо была специально оставлена для организации подпольной работы. В-третьих, в оккупированных белорусских областях осталось довольно много командиров и бойцов Красной Армии, оказавшихся в первые месяцы войны в окружении: в партизанских отрядах действовали 31522 военнослужащих, что составляло 11 проц. от всего числа партизан.

Уже в первый месяц войны здесь появились 118 партизанских отрядов и групп, большинству из которых довелось начать боевые действия в прифронтовой полосе, и уже к середине 1941 года действовал 231 отряд (более 12 тыс. человек).

В тяжелых условиях разворачивалась борьба с захватчиками в следующем году. В результате понесенных осенью—зимой 1941-го потерь многие из партизанских групп, созданных до оккупации, а также перекинутых через линию фронта, закончили свою деятельность. Значительно уменьшилось и число партизан. Поэтому с марта по сентябрь 1942 года более 20 отрядов, 62 диверсионных и 120 организаторских групп были направлены в тыл врага.

Шел процесс укрепления партизанских формирований. Объединение отрядов Октябрьского района Полесской области явилось прообразом партизанских бригад. 8 апреля 1942 года была создана 1-я Белорусская партизанская бригада под управлением М.Ф. Шмырова и Р.В. Шкрета (Ви-

Бесстрашно сражались они с фашистами не только на оккупированных территориях Советского Союза, но и Польши, Югославии, Франции, Бельгии и других европейских стран

тебская обл.), к лету их насчитывалось 14, к концу года — 56.

Массовый приток в отряды народных мстителей наблюдался летом и осенью 1943 года после победы Красной Армии в Курской битве: в сентябре с врагом сражались 103 тыс. партизан, в декабре — более 153 тыс.

В результате успешных боевых действий на оккупированной территории возникали партизанские края и зоны. В апреле 1942 года был полностью освобожден Кличевский район Могилевской области, значительные пространства в Полесье, Витебской, Минской, Барановичской и Вилейской областях. С конца 1943 года враг фактически потерял контроль почти над 60 проц. оккупированной территории.

Партизаны участвовали в крупных операциях на вражеских коммуникациях («Рельсовая война» и «Концерт»), эффективной формой борьбы являлись длительные и дальние рейды.

АКТИВНО действовали партизаны в ходе Белорусской наступательной операции 1944 года («Багратион»). Перед ее началом они сообщили командованию Красной Армии координаты 33 штабов, 30 аэродромов, 70 больших складов, данные о составе 900 вражеских гарнизонов и около 240 частей, о направлении движения 1462 эшелонов противника. Большинство резервов немецко-фашистской группировки «Центр» были скованы борьбой с партизанами. В период боев за освобождение Беларуси на оккупированной территории действовали 157 бригад и 83 партизанских отряда (более 270 тыс. человек). Партизаны оказывали помощь советским войскам при форсировании рек, захватывали и удерживали до их прихода мосты, мешали организованному отходу противника, с подходом советских танков действовали в качестве десанта. Они участвовали в освобождении Минска, Слуцка, Борисова, Могилева, Кричева, Пинска и других городов.

Всего за время оккупации в Беларуси были образованы и вели боевые действия 1255 партизанских отрядов, из них 997 входили в состав 213 бригад, а 258 сражались самостоятельно. В партизанских формированиях насчитывалось 374 тыс. бойцов. Через скрытые партизанские резервы прошли почти 400 тыс. местных жителей, многие из них периодически принимали участие в вооруженной борьбе. С учетом 70 тыс. подпольщиков армия бойцов, сражавшихся против гитлеровских оккупантов в Беларуси, насчитывала (без скрытых резервов) 440 тыс. человек.

Нельзя также не считать участниками борьбы с оккупантами десятки тысяч связных, не входивших в состав партизанских формирований, а также сотни тысяч тружеников села, которые в дневное время трудились в хозяйстве, а ночью, вооружившись топорами и пилами, вместе с партизанами разрушали мосты, телеграфные линии, устраивали завалы на дорогах, были проводниками и т.д. Все это показывает, насколько сложной и многогранной была освободительная война в тылу врага.

Основную массу партизан Беларуси составляли: рабочие и колхозники — 56,1 проц., служащие — 20,55 проц., военнослужащие — 11,16 проц., учащиеся — 12,16 проц. Партизанское движение было многонациональным по составу: в его рядах вместе с белорусами (71,1 проц.) сражались русские (19,29), украинцы (3,89), литовцы, латыши, грузины, казахи, армяне, узбеки, азербайджанцы, молдаване, в общем, представители практически всех национальностей СССР⁴. Многие из них стали организаторами и руководителями партизанского движения. Среди прославившихся на белорусской земле командиров партизанских отрядов и бригад были русские — С.Г. Жунин, М.П. Константинов, А.Ф. Данукалов, В.И. Ливенцев, В.И. Ничипорович, И.М. Тимчук, И.Ф. Титков, В.А. Тихомиров, Е.Ф. Филипский; украинцы — Ф.Ф. Капуста, Г.А. Кирпич; грузины — В.М. Талаквадзе, И.Г. Шубитидзе; армяне — С.Г. Арзуманян, Х.А. Матевосян; узбек — М. Топвалдыев; литовец — С.А. Ваупшасов; латыш — И.И. Юкша; карачаевец — О.М. Касаев; мариец — Р.А. Охотин и др.

Интернациональная сущность партизанского движения в Беларуси ярко проявилась в тесном боевом взаимодействии прежде всего с народными мстителями РСФСР. Белорусские участники войны в тылу провели немало бое-

вых операций вместе с российскими, а также украинскими, литовскими, латышскими и молдавскими партизанами. На белорусской земле в партизанских краях и зонах всегда находили надежное убежище и помощь организаторские группы и отряды, которые направлялись с Большой земли в Литву, Латвию, Молдавию. Они пользовались аэродромами и базами этих зон, получали проводников, разведанные и всю другую необходимую информацию. Такую же братскую помощь и поддержку имели белорусские партизаны на территории Калининской, Орловской, Смоленской областей РСФСР, а также на Украине, в Литве и Латвии.

БРАТСТВО и взаимопомощь народов СССР были неисчерпаемым источником силы партизанского движения. За три года героической борьбы в тылу врага, руководимой единым центром, находившимся в Москве, советскими партизанами на территории Беларуси было убито, ранено и взято в плен более 500 тыс. немецко-фашистских захватчиков, подорвано 11 128 вражеских эшелонов, 34 бронепоезда, разгромлено 29 железнодорожных станций, 948 штабов, выведено из строя 18 700 машин, 1355 танков и бронемашин, 305 самолетов, взорвано 939 складов с боеприпасами и др. 87 партизан получили звание Героя Советского Союза, 120 тыс. награждены орденами и медалями.

Партизанское движение в Великой Отечественной войне — важный фактор в достижении победы над фашистской Германией. Уже в ходе войны исчезло понятие партизанского движения как стихийного действия отдельных партизанских отрядов и групп; оно оттягивало на себя довольно большие силы вермахта и его сателлитов, что намного облегчало действия Красной Армии и в итоге ускорило освобождение страны от оккупантов. Действия партизан были согласованы с фронтовыми операциями.

Размах партизанского движения в Беларуси, сопротивление мирного населения мероприятиям оккупантов убедительно свидетельствовали о высокой сознательности белорусского народа, его патриотизме, стремлении защитить свою свободу и независимость всеми средствами и способами. Партизанская борьба в Беларуси выступала неотъемлемой составной частью борьбы советского народа с агрессором, а также движения Сопротивления в годы Второй мировой войны. Вместе с предста-

вителями практически всех наций и народностей СССР на территории Беларуси сражались интернационалисты из Польши, Чехословакии, Бельгии, Венгрии, Голландии, Италии, Германии и других стран.

Некоторые зарубежные антифашисты (испанцы, немцы и др.) еще накануне Второй мировой войны находились на советской земле. Часть зарубежных граждан (словаки, чехи, поляки и др.) была направлена немецкими властями в Беларусь для борьбы с партизанами, восстановления разрушенных коммуникаций и т.д. Граждане Италии, Австрии, Венгрии, Франции, Бельгии и других стран были доставлены на белорусскую землю в качестве солдат вермахта, гитлеровского блока. Но, оказавшись на советской земле, многие из них под воздействием увиденных злодеяний гитлеровцев, набравшего силу партизанского движения, начавшегося перелома на советско-германском фронте, а также целенаправленной агитационно-пропагандистской работы партизан и подпольщиков постепенно стали организовывать свои подпольные антифашистские группы, устанавливать связь с советскими партизанами и переходить на их сторону — сначала поодиночке, а затем и целыми группами.

Активным организатором антифашистских групп в 101-м словацком полку, дислоцировавшемся в Полесье, был начальник штаба полка Ян Налепка (псевдоним — Репкин). В июле—августе 1942 года ему удалось установить связь с командованием Минского партизанского соединения (Р.Н. Мачульским и др.)⁵. В сентябре начались организованный, с оружием в руках переход словацких военнослужащих в отряды полесских и минских партизан и их совместная деятельность⁶.

После перевода гитлеровцами 101-го полка с участка дороги Житковичи — Калинковичи на участок Ельск—Овруч словаки-антифашисты не прекратили борьбы, установили связь с украинскими партизанами. Группе словаков удалось вырваться из окруженно-го эсэсовцами полкового лагеря и влиться в ряды украинского партизанского соединения А.Н. Сабурова, где был сформирован чехословацкий партизанский отряд, который во главе с Я. Налепкой успешно участвовал в районе Овруч—Ельск—Мозырь—Алевск. Ян Налепка трагически погиб в бою 20 сентября 1943 года. В 1945-м он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза и Ге-

роя Словацкого национального восстания.

В дальнейшем целые подразделения чехов и словаков из вражеских гарнизонов перешли в партизанские отряды бригад «Дядя Коли», имени М.В. Фрунзе, «Разгром», «За Советскую Белоруссию» и др.⁷.

БОЕВАЯ дружба объединяла белорусских и польских патриотов партизанской бригады. В ее составе с лета 1943 года действовал польский отряд имени Т. Костюшки, принимавший участие в боях по разгрому нескольких фашистских гарнизонов, пустивший под откос свыше 10 вражеских эшелонов, повредивший много километров железнодорожных путей и линий связи, выведший из строя свыше 400 гитлеровцев⁸.

Аналогично действовал польский партизанский отряд (Логшинский) в бригаде имени В.В. Куйбышева Пинской области. Самостоятельные польские подразделения (роты и группы) были созданы также в партизанских отрядах имени Г.К. Жукова, имени М.Н. Черпака (Брестская обл.), имени В.П. Чкалова, имени В.И. Чапаева (Барановичская обл.) и др. В отряде имени Г.К. Жукова отличилась польская подрывная группа, возглавлявшаяся Чеславом Шелеховским⁹.

Умелым и бесстрашным разведчиком в отряде «За Родину», а затем в бригаде «Смерть фашизму» проявил себя Ян Долговский, награжденный медалью «Партизану Отечественной войны» II степени и орденом Красной Звезды¹⁰. Мужественно сражался и героически погиб в одном из боев двадцатилетний варшавянин Зигмунд Косецкий из состава партизанского отряда имени М.И. Кутузова бригады «Буревестник»¹¹. Всего на территории Беларуси против гитлеровских захватчиков вместе с советскими людьми под лозунгом «За вашу и нашу свободу» сражались около 3000 польских патриотов¹².

Совместно с белорусскими партизанами бесстрашно действовали их югославские побратимы. Солдаты и офицеры рабочей роты, работавшей на станции Аврамовской Хойницкого района, в ночь на 30 июля помогли местным патриотам разбить вражеский гарнизон, после чего около 140 сербов и хорватов вступили в партизанские отряды¹³. 1 января 1944 года на сторону партизан перешла большая группа югославских антифашистов, работавших в Антополе и Городце Брестской области. Самоотверженность и

мужество проявили в борьбе с фашизмом Станислав Бервар, Родион Дражич, Лавро Гудлин, Крклюш Мамчило, Михаил Тодорович, Милорад Чонкич и др. Всего в рядах белорусских партизан сражались более 200 югославских граждан¹⁴.

Повернули оружие против гитлеровцев и воевали вместе с белорусскими партизанами и подпольщиками патриоты-антифашисты из Венгрии Ференц Малдаван (партизанский отряд имени В.П. Чкалова Брестской обл.), Пал Сенаша, юная Таня Бауэр (минское подполье) и др.¹⁵.

Мужественно сражались на белорусской земле антифашисты из Франции Ромэн Дюбоста и Джо Робер (партизанская бригада имени Н.А. Щорса из Минской обл.), Жан Робер (партизанский отряд имени Н.А. Щорса Могилевской обл.), Леон Эйлер (отряд «Большевик» в Барановичской обл.), Леон Верден и Альберт Барбиш (отряд «Народные мстители» в Минской обл.), Марсель Сози (отряд имени М.И. Кутузова в Минской обл.) и др.¹⁶.

НЕМАЛО боевых подвигов на белорусской земле совершили испанские антифашисты Хосе Фернандес Виески, Гарсиа Канель Энрике, Литос Хосе, Моралес Григау, а их земляк — боец партизанского спецотряда «Соколы» Хусто Лопес де ля Фуэнте в бою под Барановичами (февраль 1943 г.) спас жизнь своему командиру, прославленному партизану (не менее известному после войны председателю колхоза) К.П. Орловскому¹⁷.

Из немецких патриотов-антифашистов отличился на советской земле Фриц Шменкель. Осенью 1941 года он сбежал из гитлеровской армии и после поисков партизан попал в начале следующего года в отряд «Смерть фашизму» на Смоленщине. За смелость в борьбе с гитлеровцами был награжден орденом Красного Знамени. В декабре 1943 года при выполнении боевого задания был схвачен фашистами и свои последние дни провел в Минской тюрьме, где был казнен. Уже после войны (1964 г.) был удостоен звания Героя Советского Союза.

Немало славных дел во имя разгрома фашизма совершили на территории республики сыны и дочери и других стран (около 4000). Таким образом, только в Беларуси с оружием в руках против фашизма «сражалась», — как отмечал в своей речи на восьмом конгрессе Международной федерации борцов Сопротивления П.М. Машеров, — более чем 440-ты-

сячная интернациональная по своему составу армия партизан и подпольщиков, боевые действия которой поддерживало все население от мала до велика»¹⁸.

Немало советских людей, в том числе представителей Беларуси, оказавшихся в лагерях военнопленных, концлагерях, в партизанских отрядах местных патриотов-антифашистов, сражались с гитлеровскими оккупантами в странах Западной Европы. Известно, что с 1941 по 1944 год из лагерей смерти на территории Германии и захваченных вермахтом государств бежали около 450 тыс. советских военнопленных. Часть из них погибла в момент бегства или была схвачена полицией, остальным удалось добраться до партизан¹⁹. По данным отечественных и зарубежных источников, из оккупированных областей Восточной Европы в Германию были угнаны 2,8 млн человек, в том числе из Беларуси по меньшей мере 380 тыс.²⁰. Частично они также влились в ряды европейского движения Сопротивления.

Жестокий режим гитлеровцев на оккупированных территориях сопровождался насаждением коллаборационизма, фашизацией общества, политикой тотального ограбления стран, введением военной дисциплины на предприятиях, депортацией и, наконец, открытым террором и геноцидом. Вместе с тем везде, где зарождался или утверждался фашизм, он наталкивался на противодействие народных масс. Общая и основная цель международного движения Сопротивления заключалась в неприятии и уничтожении насаждавшегося «нового порядка».

Движение Сопротивления противопоставило теории и практике фашизма общечеловеческие ценности: идеи свободы и достоинства человека, равенства рас и наций, свободы совести и религии. Поэтому движение охватило людей разных национальностей и возрастов, политических взглядов и религиозных верований.

Общие интересы борьбы сближали и объединяли рабочих, крестьян, интеллигенцию, представителей мелкой и средней буржуазии и даже аристократии. Плечом к плечу с иностранными антифашистами боролись советские люди.

Из-за отсутствия документации трудно установить точную численность граждан СССР, сражавшихся в партизанских отрядах за рубежом. Долгое время считалось, что всего в европейском

движении Сопротивления участвовали около 40 тыс. советских граждан²¹. Сегодня историки утверждают, что эта цифра превышает 50 тыс. человек, в том числе в Польше — около 12, Чехословакии — свыше 17, Югославии — 6000. Сражались советские люди с фашизмом и в других государствах Центральной и Юго-Восточной Европы.

На территории Польши, к примеру, при помощи местных антифашистов удалось еще в 1941 году организовать партизанские отряды, а в конце 1943 года сюда перебазировались несколько отрядов, ранее действовавших в Беларуси²². Тысячи советских партизан перешли границы Польши весной 1944 года.

ВАЖНУЮ роль в налаживании боевого сотрудничества между советскими и польскими партизанами сыграл Польский партизанский штаб, который возглавлял А. Завадский, его заместителем, затем начальником штаба был известный деятель подпольного национально-освободительного движения в Западной Беларуси С. Притыцкий. Боевое содружество польских и советских партизан выразилось в разработке планов и проведении совместных боевых операций на польской земле. В них на территории Польши погибли свыше тысячи советских партизан²³.

Массовый героизм и самоотверженность проявили наши сограждане в Чехословакии. Среди них, например, уроженец Мстиславского района С.И. Ксензов, награжденный орденами и медалями Советского Союза, а также чехословацкими Военным крестом Белого льва и медалью «Народный партизан Чехословакии»²⁴. Военного креста Белого льва был удостоен и уроженец Ганцевичского района П.И. Зуйкевич, на теле которого при захоронении чешские друзья-партизаны обнаружили 48 пулевых ран²⁵. Население чехословацких города Фриштат и деревни Лукавечак избрало нашего земляка, уроженца Сурожского района, командира десантной группы партизан А.М. Гриневского почетным гражданином своих населенных пунктов²⁶.

На словацкой земле в составе партизанского соединения А.Ф. Федорова сражалась с врагом группа под командованием гомельчанина Б.Ф. Калача, за подвиги в борьбе с гитлеровцами удостоенного звания Героя Советского Союза²⁷.

Знали чехи и словаки уроженца Лепельщины В. Квитинского. С мая 1943 года он возглавил ди-

версионный отряд, который действовал на Украине и в Брестской области, а в июне 1944-го был высажен десантом в Львовской области, откуда осуществил рейд на территорию Польши, затем Чехословакии. Здесь в сентябре отряд был преобразован в особую партизанскую бригаду имени К. Готвальда, в которой воевали чехи, словаки, русские, украинцы, белорусы, поляки и представители других национальностей. Партизанская бригада только в течение сентября 1944 года осуществила 156 боевых операций, принимала участие в известном словацком восстании (29 августа — 27 октября 1944 г.)²⁸.

Исключительную организованность, стойкость, самоотверженность и героизм проявили советские люди на югославской земле. Сразу же после поражения буржуазной Югославии ее народы развернули освободительную борьбу, которая постепенно приобретала все больший размах. Здесь действовали регулярные вооруженные силы (в конце 1941 г. были созданы партизанские формирования, в ноябре 1942-го сформирована Народно-освободительная армия — НОАЮ). Как и в Белоруссии, в Югославии существовали обширные освобожденные районы. Так, осенью 1941 года югославскими партизанами были освобождены значительные территории в Сербии, Боснии и Герцеговине, образованы народные органы власти (Народный комитет освобождения Югославии). Югославские патриоты-антифашисты, в рядах которых находились и советские люди, скомандовали значительный контингент вражеских войск и наносили им ощутимый урон. В середине 1944 года противник вынужден был держать здесь более чем полумиллионную армию.

Важным событием в национально-освободительной борьбе югославского народа против оккупантов стало вступление на территорию Югославии советских войск. Славный путь здесь прошла ударная бригада под командованием А.И. Дьяченко. В результате боевых действий югославских, советских и болгарских воинов была освобождена восточная часть страны. 20 сентября 1944 года югославские и советские войска очистили от оккупантов Белград, а в последующие месяцы и всю югославскую землю.

Патриотизм и мужество проявили советские люди, оказавшиеся на территории Германии. Подпольные организации и боевые центры, в которых участвовали и представители Беларуси, дейст-

вовали в Бухенвальде, Дахау, Маутхаузене, Освенциме, Заксенхаузене и других местах.

Уроженец деревни Техтин Бельнического района генерал Д.Ф. Цумарев тяжело раненым очутился во вражеском плену. Брошенный фашистами в Регенсбургский концлагерь, он активно включился в подпольную борьбу. За антифашистскую деятельность, организацию побегов этот мужественный человек весной 1944 года был переведен в концлагерь Маутхаузен и там умерщвлен.

В концлагере Вурцен одним из руководителей антифашистского подполья, редактором рукописной газеты подпольной организации «Искра» являлся наш земляк, уроженец поселка Высочаны Витебской области П.Д. Шавров. В этой же организации находился и брестовчанин, бывший пограничник Муравьев. Установив связи с немцами-антифашистами, они помогали ослабшим поверить в свои силы, добывали продукты, медикаменты, организовывали беги из концлагеря.

ВФАШИСТСКИЙ концлагерь Остовцев (пригород Мюнхена) в 1943 году прибыла группа узников-белорусов, среди которых находился молодой партизан Василий Грын. Вскоре он включился в подпольную борьбу. Вместе с одним из руководителей подполья, немцем-антифашистом Зеппом он добывал оружие, боеприпасы и готовил большую группу «остовцев» к побегу. Однако совершить задуманное не удалось: подсланный провокатор узнал план патриотов. Грын и Зепп погибли мученической смертью, но никого из своих товарищей не выдали²⁹.

В печально известном фашистском концлагере Освенцим вместе с подпольщиками-антифашистами томилась и боролась наша земляки: бывшая минская подпольщица Н.Т. Цветкова, брестовчанка А.Ф. Тринда (Шульман) и другие³⁰.

Среди 5000 советских людей, сражавшихся в партизанских отрядах Италии, значилось немало сыновей Беларуси. В провинции Алессандрия боевым помощником командира 16-й гарибальдийской дивизии «Вигано» Пьеро Минетти состоял 19-летний студент из Минска Александр. В памяти его боевых товарищей осталось только имя юноши. Известно лишь, что белорус Саша храбро воевал и героически погиб вместе со своим неразлучным итальянским другом Элио Борба 28 декабря 1944 года³¹.

На итальянской земле погиб и уроженец деревни Старый Стан

Климовичского района А.К. Киселев. В 1943 году его вывезли на фашистскую каторгу. Оказавшись в Италии, он установил связь с местными антифашистами и с их помощью попал в партизанскую бригаду «Маттеотти», в которой отважно сражался до самого последнего боя. В октябре 1944-го в схватке с карателями А.К. Киселев погиб как герой. На месте его захоронения в Капуньяно установлен памятник³².

16-летним юношей был отправлен в Германию на каторжные работы Николай Фролов из деревни Сидоровичи Могилевского района. Оказавшись в Италии, он скрылся из эшелона и при помощи местных жителей вскоре стал бойцом-разведчиком 32-го подвижного отряда партизанской бригады имени Гарибальди. Маленький ростом, очень подвижный, он чаще всего ходил в разведку, пробираясь в самые недоступные места и добывая ценные сведения о противнике. Кроме того, вместе с боевыми товарищами ему не раз приходилось участвовать в боевых операциях, подрывать мосты и эшелоны, уничтожать живую силу противника. В победные дни на митинге бойцов-гарибальдийцев ему вручили «Удостоверение патриота» с такими строками: «От имени правительства и народов Объединенных Наций выносим благодарность Фролову Николаю Степановичу за то, что он сражался против врага в рядах патриотов, среди людей, которые носили оружие во имя победы, свободы, осуществляли нападения на врага, устраивали саботаж, доставляли военные сведения. Своим мужеством и самоотверженностью итальянские патриоты внесли большой вклад в освобождение Италии и в то большое дело, за которое боролись все свободные люди. В возрожденной Италии владельцы этого удостоверения будут почитаться как патриоты, которые боролись за ее честь и свободу»³³.

Инженер из Дзержинска Минской области А.В. Воронков, бежав в 1943 году из фашистского лагеря Лимбурга, активно включился в антифашистскую борьбу на территории Бельгии. Вместе со своими соотечественниками И. Дедькиным и М. Лещинским он создал партизанский отряд, состоявший из советских военнопленных. Командиром этого отряда стал лейтенант И. Дедькин, а начальником штаба — А. Воронков. Позднее, в начале 1944 года, когда советские партизанские отряды объединились в бригаду «За Родину», А.В. Воронков возглавил

ее штаб. Бригада тесно взаимодействовала с бельгийской армией Сопротивления, которую возглавлял Д. Диспи, что особенно проявилось в боях за освобождение г. Брея, в районе Дисета, Мазаика, Хасельита и других населенных пунктов. После разгрома фашистов и освобождения Бельгии А.В. Воронков в числе других советских партизан был награжден высшим военным бельгийским орденом³⁴.

НЕМАЛО представителей Беларуси участвовали в антифашистском движении Сопротивления на территории Франции. Здесь с октября 1943 года действовал Центральный комитет бывших советских военнопленных, функционировали крупные партизанские отряды из числа бывших военнопленных бойцов и командиров Красной Армии, других категорий граждан, которые наносили чувствительные удары по фашистским оккупантам. «Нельзя написать историю освобождения Франции от гитлеровских орд, — писал уполномоченный Национального фронта этой страны Гастон Лярош, — не рассказав о советских людях, которые рядом с французами участвовали в этой борьбе. Они послужили примером и на многое открыли глаза французским участникам Сопротивления»³⁵.

Умелым и мужественным борцом французского Сопротивления был уроженец Сморгонщины Фаддей Воронище. Ему, имевшему опыт интернациональной борьбы в Испании и владевшему испанским и французским языками, антифашистская организация г. Бордо поручила проведение подпольной работы на сверхсекретном объекте — ремонтной базе подводных лодок. Десятки трудившихся там бывших советских военнопленных благодаря усилиям нашего земляка оказались в отрядах французского Сопротивления³⁶.

В советской стране и за ее рубежами в послевоенное время стало известным имя В.В. Порики, лейтенанта Красной Армии, одного из членов Центрального комитета советских военнопленных во Франции, руководителя первого лагерного комитета в одном из угольных районов Па-де-Кале. Связными Порики были минчанка Татьяна Чеховская и Ольга Барбук из Жодино. Помощь В.В. Порику оказывали также уроженец Миорского района А.Д. Панизник, В.Я. и С.И. Лихото-Кисель из Молодеченщины. Они занимались установлением конспиративных связей, сбором информации, распространением подпольной печатной

ти, организацией побегов из лагеря и направлением освобожденных в партизанские отряды³⁷.

В департаменте Марбиан в ряды борцов французского Сопротивления вступила группа вырвавшихся из фашистского плена советских воинов во главе с лейтенантом Ф.Ф. Кожемякиным, уроженцем Славгородского района. Группа Кожемякина активно участвовала в операциях французских франтиреров по освобождению Бретани от Плуэмэлю до Энблона. За боевые действия наш земляк был представлен к награждению Военным крестом, а после боя 8 сентября 1944 года, когда Ф.Ф. Кожемякин погиб смертью героя, французское командование посмертно удостоило его высшей награды Франции — ордена Почетного Легиона. В Локрист-Энзензаку, где похоронен Ф.Ф. Кожемякин, есть памятный знак, на котором написано: «Здесь покоится русский лейтенант, умерший за Францию. Вечная память»³⁸.

В Эльзас-Лотарингии успешно действовал партизанский отряд «Смерть фашизму». Костяк его составляли бежавшие из фашистского концлагеря «Боллинген» участники минского подполья Ф.М. Лиховец (командир отряда), Владимир Рутковский, Иван Михайловский, Владимир Белько, Татьяна Лиховец, Григорий Коропанов, Петр Цинкевич и др. Позже они наладили контакты с группой советских граждан — уроженцев Каменец-Подольска, а также с совершившими побег из концлагеря Михаилом Орехом (из Смоленска), Владимиром Евстафьевым (из Саратова) и др.³⁹.

В департаменте Мерт дю Мозель Восточной Франции героически сражался небольшой (в составе 15 человек) отряд «Севастополь», в котором находился 18-летний Иван Адамович из деревни Ново-Луки Браславского района. Бежавший из концлагеря «Муана де Мерер», Василий Мешков (родом из Могилевщины) сформировал партизанский отряд «Ягуар», который осуществил немало дерзких боевых операций, в том числе и по уничтожению радиолокационной станции под Клермоном, корректировавшей запуски и полеты ракет «Фау-1» и «Фау-2» на Лондон. Партизанский отряд «Ягуар» во время парижского восстания осуществил ряд диверсий на коммуникациях противника, участвовал вместе с франтирерами в освобождении города Муи⁴⁰.

БЕЛОРУССКИЕ партизаны — участники французского Сопротивления — внесли свой вклад также в освобождение ост-

рова Олерон, который входил в состав крепостных сооружений так называемого Антлантического вала. Среди заключенных-строителей на острове действовала большая группа советских патриотов во главе с бывшим подпольщиком из Мозыря В.М. Антоненко. После высадки англо-американских войск в Нормандии группа Антоненко усилила саботаж, диверсии. В частности, заминировала и взорвала немецкий пороховой склад, в результате чего был уничтожен весь пороховой запас острова. 30 апреля 1945 года, когда части французской армии развернули наступление на остров, немецкие батареи не смогли преградить им путь: замки с орудий были заранее сняты людьми Антоненко и выброшены в океан. В этом бою за французский остров Антоненко пал как герой⁴¹.

Активное участие во французском Сопротивлении принимали и дочери Беларуси. Оказавшись в концлагере Эрювиль (возле города Тиль), бывшие подпольщицы минские связные Н.И. Лисовец и М.И. Андриевская, партизанки Р.З. Семенова, Н.А. Огашкова и другие создали подпольную организацию. В мае 1944 года с помощью французских патриотов-антифашистов 63 подпольщика, в том числе 37 женщин, совершили побег из лагеря. В итоге возник отдельный женский партизанский отряд «Родина» во главе с бывшей минской студенткой Н.И. Лисовец, который успешно провел ряд боевых операций. Позже за умелое руководство боевыми действиями против фашистов Надежде Лисовец и Розе Семеновой было присвоено воинское звание лейтенант французской армии⁴².

Даже имеющиеся на сегодняшний день далеко не полные данные свидетельствуют о том, насколько активно и мужественно боролись с фашизмом белорусы, оказавшиеся в невероятно трудных условиях концентрационных и трудовых лагерей вдали от Родины. Участники Сопротивления своей борьбой укрепляли боевое содружество советских партизан с патриотами-антифашистами европейских стран. Они были солдатами единой армии, сражавшейся против общего врага — фашизма. Участвуя в европейском движении Сопротивления, советские патриоты, в том числе и представители Беларуси, внесли достойный вклад в общую борьбу с фашизмом, приближая день Великой Победы и установление мира на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941—1944. М., 1986. С. 128.

² Макаров Н.И. Непокоренная земля Российская. М., 1976. С. 314.

³ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941—1945. Киев, 1975. Т. 3. С. 414.

⁴ Национальный архив республики Беларусь (НА РБ), ф. 4, оп. 33, д. 218, л. 42; ф. 3500, оп. 3, д. 138, л. 40; оп. 12, д. 10, л. 9.

⁵ Там же, оп. 4, д. 153, л. 95—97; д. 222, л. 120; *Мачульский Р.Н.* Вечный огонь. Минск, 1965. С. 205—214.

⁶ *Ветров И.Д.* Братья по оружию. Минск, 1958. С. 316; *Титов А.Д.* Дорога дружбы. Записки партизана. Минск, 1958. С. 137.

⁷ НА РБ, ф. 3500, оп. 4, д. 137, л. 58; д. 144, л. 58, 59; Огни партизанской дружбы. Сб. воспоминаний. Минск, 1962. С. 127, 326, 390.

⁸ *Гісторыя Беларускай ССР.* Минск: Навука і тэхніка, 1975. Т. 4. С. 492, 493.

⁹ НА РБ, ф. 3708. оп. 1, д. 12, л. 41, 69; д. 11, л. 32.

¹⁰ Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Фонды. Инв. №7195; В едином строю. Воспоминания участников партизанского движения в Белоруссии. 1941—1944 гг. Минск, 1970. С. 290—292.

¹¹ Там же. С. 308—313.

¹² Там же. С. 14.

¹³ НА РБ, ф. 4, оп. 33а, д. 286, л. 331.

¹⁴ Там же, ф. 3500, оп. 2, д. 10, л. 9.; оп. 4, д. 316, л. 5, 6; оп. 19, д. 66, л. 142; оп. 15, д. 523, л. 102.

¹⁵ Под одним знаменем. М., 1963. С. 184; *Поляновский М.* Повесть о юной разведчице. М., 1964. С. 72.

¹⁶ НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1016, л. 45, 46; БГМИВОВ. Фонды. Инв. №12581, 40695/69.

¹⁷ НА РБ, ф. 3500, оп. 2, д. 1016, л. 63; оп. 4, д. 340, л. 101; Под одним знаменем. С. 275, 276; *Серна Роке.* Испанцы в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 164—170.

¹⁸ *Машеров П.М.* Избранные речи и статьи. Минск, 1982. С. 455.

¹⁹ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 4. Народ и война. М., 1999. С. 181.

²⁰ Немецкая пропаганда на Беларуси. 1941—1944. Канфрантацыя паміж прапагандай і рэчаіснасцю: Выстаўка ў Берліне і Мінску. Берлін: Выд. І. Шлоцц, 1996. С. 53.

²¹ *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 7; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 168.

²² Боевое содружество польских и советских партизан. М., 1959. С. 34, 46.

²³ *Жилин П.А., Ядзяк Э.* Братство по оружию = Braterstwo broni. М., 1975. С. 129—142. *Буцко Н.А., Замлинский В.А.* Боевое содружество польских и советских партизан в борьбе с не-

мецко-фашистскими захватчиками // СССР и Польша: интернациональные связи — история и современность. М., 1978. Т. 2. С. 136—170. № БГМИВОВ. Фонды. Инв. №38719.

²⁵ *Скібенка Л.* Ордэн Паўла Зуйкевіча // Звезда. 1963. 13 верасня. С. 2.

²⁶ *Касарэнка М.* Эстафета подзвігу // Звезда. 1967. 24 жніўня. С. 4.

²⁷ Люди легенд. Вып. 2. М., 1966. С. 142—152.

²⁸ См: *Квтинский В.А.* Фронт без тыла. М., 1971; Партизанские Татры. М., 1982.

²⁹ *Скиртач В.* Имя героя — Василий Грынь // Знамя юности. 1962. 2 сентября. С. 2.

³⁰ *Кюнг Н.Ф., Тальнент У.Р.* Из истории движения сопротивления советских людей в лагерях гитлеровской Германии // История СССР. 1959. № 5. С. 39—55; *Цветкова Н.Т.* Незабываемое // Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941—1944 гг.): сб. воспоминаний. Минск, 1961. С. 442—452; Она же. Люди и звери // Сквозь огонь и смерть. Минск, 1970. С. 141—150; *Тринда А.* Мужество // Октябрь. 1957. № 8. С. 157—159.

³¹ *Галлени М.* Советские партизаны в итальянском движении Сопротивления М., 1988. С. 131.

³² *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 207; Объединение Италии. М., 1963. С. 367.

³³ *Шиманский М.* Колька, синьор Никколо // Дети военной поры. М., 1984. С. 173.

³⁴ *Гісторыя Беларускай ССР.* Т. 4. С. 536.

³⁵ *Лярош Г.* Мы не забудем тебя // Известия. 1964. 22 июля.

³⁶ *Новиков И.* Страницы жизни Фаддея Воронище // Правда. 1967. 17 мая.

³⁷ *Кокорин М.А., Стручков А.А.* О боевой деятельности советских патриотов на территории Франции в 1943—1944 гг. // Вопросы истории. 1960. №3. С. 97—101.

³⁸ Советская Белоруссия. 1970. 12 ноября. 1971. 30 января.

³⁹ *Кокорин М.А., Стручков А.А.* Указ. соч. С. 92, 93.

⁴⁰ *Нечаев Г.* «Ягуар» под Парижем // Советская Белоруссия. 1970. 27 января.

⁴¹ *Андреев В., Сосинский В., Прохиа Л.* Герои Орлеона. Минск, 1965. С. 104. БГМИВОВ. Фонды. Инв. №7458; НА РБ, ф. 4386, оп. 2, д. 319. л. 1, 2, 3—6, 14; *Ветров И.Д., Лисовец Н.И.* Бойцы-интернационалисты // 60 героических лет Минску. 1978. С. 105—110; *Котов А.И.* Белгосуниверситет в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Книга памяти. Минск, 2000. С. 39.

⁴² Пономаренко П.К. Указ. соч. С. 128.

А.И. КОТОВ,
доцент кафедры истории
Беларуси нового и новейшего
времени Белорусского
государственного
университета
(г. Минск)

И.И. Проскуров

До середины 1930-х годов имя Ивана Иосифовича Проскурова было известно немногим. Но когда в июне 1937 года за мужество и боевое мастерство, проявленные в боях с фашистами в Испании, старшему лейтенанту Проскурову присвоили звание Героя Советского Союза, начался его фантастический карьерный взлет. Командир авиационной бригады, командующий армией особого назначения и, наконец, заместитель народного комиссара обороны СССР и руководитель советской военной разведки. Таким образом, менее чем за два года он прошел путь от старшего лейтенанта до генерала и от командира экипажа бомбардировщика до заместителя главы военного ведомства. Однако летом 1941 года блестящая карьера генерала Проскурова трагически оборвалась: на пятый день Великой Отечественной войны его арестовали по ложному обвинению в военном заговоре, а в октябре расстреляли без суда. На долгие годы имя воздушного аса, начальника военной разведки было вычеркнуто из истории.

ВОЗДУШНЫЙ АС, НАЧАЛЬНИК ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ, «ЗАГОВОРЩИК» И.И. ПРОСКУРОВ

ИВАН Проскуров родился в 1907 году. О военной карьере не мечтал. Его отец батрачил у немцев-колонистов в селе Верхняя Хортица в Запорожье. В юности Иван работал на заводе чернорабочим, а затем вагранщиком. В 1926—1927 гг. был председателем райсовета профсоюзов. В 1927 году вступил в Компартию. В 1931 году окончил рабфак и первый курс Харьковского института механизации и электрификации сельского хозяйства. В этом же году в жизни Ивана Проскурова произошел крутой поворот. «Я даже побаивался летного дела, — говорил он адмиралу Н.Г. Кузнецову, — но меня вызвали в райком комсомола и там сагитировали пойти в летную школу»¹. По комсомольскому призыву он был направлен в Сталинградскую летную школу, после окончания которой в 1933 году стал летчиком-инструктором в Военно-воздушной академии имени Жуковского. С декабря 1934 года он командовал отрядом тяжелых бомбардировщиков в Московском военном округе.

Хотя летчиком Проскуров стал не по призванию, а почти случайно, он полюбил опасную профессию, ставшую смыслом его жизни, и уже не мог променять ее ни на какую другую специальность. Он был летчиком со всеми необходимыми для этого чертами: смелостью, выдержкой, крепким здоровьем.

В 1935 году он участвовал в международном авиационном слете в Румынии, где завоевал первое место в соревнованиях по набору высоты. В августе 1936 года вся страна с волнением следила за рекордным перелетом Валерия Чкалова из Москвы на Дальний Восток вдоль берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. При посадке на острове Удд самолет АНТ-25 получил повреждения. Требовалось срочно доставить из Москвы группу авиаспециалистов и запчасти для ремонта чкаловского самолета. Нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов приказал

осуществить перелет в течение трех суток — рекордный по тем временам срок. Ответственное задание поручили экипажу, командиром которого был летчик Проскуров, а штурманом — Прокофьев. Почти весь полет проходил в сложных условиях: сначала шли над горевшей тайгой, после Омска низкая густая облачность прижала самолет к земле, за Красноярском — дождь с грозой. В районе Байкала погода разгулялась не на шутку. Громадный четырехмоторный тяжелый бомбардировщик ТБ-3 бросало, как щепку. Казалось, еще немного и эта машина не выдержит перегрузок. Первый и второй пилоты еле справлялись с управлением. А вот в Забайкалье погода была отличной. Мастерство пилотов и штурмана позволило опередить намеченный график. После краткого отдыха полет продолжался. В Хабаровске участников перелета встретил маршал В.К. Блюхер.

В приказе наркома обороны № 0124 от 19 августа 1936 года говорилось: «За образцовую работу по подготовке корабля к перелету в короткий срок (один день) и отличное выполнение самого полета из Мононо в Хабаровск... расстояние 6860 км преодолено за 29 часов 47 минут летного времени, на сутки ранее назначенного мною срока, без всяких происшествий в пути... объявляю благодарность всему составу экипажа и награждаю старшего лейтенанта т. Проскурова И.И. именными золотыми часами»².

СДАЛЬНЕГО Востока Иван Проскуров и Гавриил Прокофьев возвращались поездом. Перелет и возвращение еще больше их сдружили. Эта дружба позже прошла проверку в бою. После успешного выполнения перелета друзья отдыхали в санатории. Из газет они знали, что в Испании разгорелась гражданская война. На борьбу против фашизма в Испанию прибывали добровольцы из многих стран мира. Советский Союз оказывал военную помощь республиканской

армии. Друзья подали рапорта с просьбой направить их для борьбы с фашизмом. Они прочли всю доступную литературу по Испании и начали изучать испанский язык. В управлении кадров ВВС их тщательно проинструктировали и вручили документы для поездки во Францию. В Париж они прибыли как представители московского автозавода для изучения опыта работы в фирме «Рено». Три дня в столице Франции оставили неизгладимое впечатление. Затем Проскуров и Прокофьев нелегально пересекли франко-испанскую границу. У Ивана Проскурова были документы на имя чеха Солдатчика. Под этим именем он был зачислен в состав республиканских военно-воздушных сил.

Энергичный, стремительный Проскуров рвался в бой. В связи с тем, что советские самолеты еще не прибыли в Испанию, республиканским летчикам приходилось летать на самолетах устаревших типов: «Бреге-19», «ньюпорах», «потезах», которым было скорее место в музее, чем в боевом строю. Но и на них они соперничали с немецкими «хейнкелями», «юнкерсами», итальянскими «фиатами», «савойя» и «капрони». Иван научился летать на французском бомбардировщике типа «Потез-54», который в насмешку именовали «протезом».

Несмотря на слабые тактико-технические данные французской машины, Проскуров бесстрашно летал в тыл противника и наносил бомбовые удары по вражеским объектам. Благодаря умелому маневрированию он ускользал от атак фашистских истребителей, а однажды, когда был подбит, дотянул до линии фронта и мастерски посадил израненный самолет.

В середине октября 1936 года франкисты готовились к генеральному наступлению на Мадрид. В эти дни на аэродроме в Альбасете формировалась 1-я интернациональная бомбардировочная эскадрилья «Испания». В нее входили три отряда (по три машины в каждом) — два на самолетах «Потез-54» и один на «Бреге-19». В эскадрилье отважно сражались бельгиец Бернер, испанцы Мендиола и Соспедро, француз Бурже, итальянец Примо Джибелли, болгарин Волкан Горанов, советские добровольцы-летчики Иван Проскуров и Георгий Тхор. Четверо последних позднее стали Героями Советского Союза. Командовал 1-й интернациональной авиаэскадрилей испанец капи-

тан Мартин Луна, в прошлом летчик королевской авиации³.

15 октября франкисты перешли в наступление, фронт приближался к столице, и боевая работа интернациональной эскадрильи становилась все более напряженной. Едва вернувшись из полета, бомбардировщики получали новое боевое задание. С каждым вылетом увеличивалась бомбовая нагрузка самолетов. Теперь, кроме четырех 100-кг бомб наружной подвески, наши авиаторы загружали в фюзеляж «Потеза» 50 мелких осколочных и зажигательных бомб и сбрасывали их вручную, как это делалось еще в годы Первой мировой войны.

«В воздухе господствовала вражеская авиация, и избегать встреч с фашистскими истребителями можно было только при внезапности ударов, — рассказывал генерал-лейтенант авиации В.Н. Бибииков. — 30 октября нам предстояло бомбить скопление фашистских войск в районе Навалькарнеро. Мы знали, что он усиленно патрулируется вражескими истребителями, и готовились нанести удар на рассвете. А для этого надо вылететь ночью, по крайней мере за час до рассвета. К этому вылету мы готовились особенно тщательно. Казалось, все предусмотрели и все-сторонне обсудили. Средств для обеспечения ночных полетов на аэродроме не было. А когда прибыли на аэродром, то оказалось, что моторы трех самолетов выведены из строя. Такого у нас еще не было. Не иначе, как дело «пятой колонны»⁴. Вместо шести самолетов на боевое задание смогли вылететь только три, да и то с большим опозданием»⁵. Время было упущено, и встреча с «хейнкелями» и «фиатами» стала неизбежной. Вылетели трое — Сопилло, Проскуров, Горанов, а вернулся на аэродром в Альбасете только один экипаж Сопилло.

Еще до приближения к цели тройку «потезов» перехватили 8 «хейнкелей». После первой атаки на самолете Горанова был поврежден один мотор, скорость упала, и он начал отставать от ведущего. Проскуров не оставил друга в беде: сбавил скорость и вместе с экипажем Горанова продолжал отбиваться от наседавших вражеских истребителей. Но силы были слишком неравными. Изрешеченный пулями «потез» Проскурова не дотянул до аэродрома, ему пришлось совершить вынужденную посадку на виноградное поле⁶. Однако неудача не сломила

Проскурова. Он продолжал воевать с прежней энергией.

С БОЛЬШОЙ радостью встретили все советские авиаторы-добровольцы прибытие в Испанию наших скоростных бомбардировщиков СБ. После отъезда из Испании Героя Советского Союза Эрнста Шахта командиром эскадрильи был назначен Проскуров. Штурманом в его экипаже стал Гавриил Прокофьев, который вспоминал об этих днях: «В этот период с особой силой раскрылись его организаторские способности и талант мужественного воздушного бойца»⁷.

Весной 1937 года командование мятежников попыталось взять реванш за провал осеннего плана захвата Мадрида. Франкисты предприняли новую попытку взять столицу, теперь уже с севера, со стороны провинции Гвадалахара. Зная слабость этого участка фронта, Франко разработал план молниеносного наступления силами итальянского экспедиционного корпуса, ядро которого составляли отборные кадровые дивизии «Литторио», «Божья воля», «Черное пламя» и «Черные стрелы». Командир корпуса генерал Манчини был уверен в том, что в течение трех суток завершит наступление. Однако республиканское командование, узнав от пленного итальянского полковника план этой операции, вовремя сосредоточило на аэродромах, расположенных вблизи Гвадалахары, авиационную группировку из 45 истребителей, 15 штурмовиков и 11 бомбардировщиков. У мятежников на данном участке фронта было вдвое больше самолетов. Но весь расчет был на внезапность удара и мастерство республиканских пилотов. 8 марта воздушная разведка сообщила, что по Французскому шоссе в сторону Гвадалахары движется многокилометровая колонна танков и автомашин с пехотой.

Проскуров получил задание нанести бомбовый удар по основной станции снабжения итальянского корпуса — Сигуэнса. Для достижения внезапности он вывел эскадрилью к цели с востока, откуда противник меньше всего ожидал налет. Шли на предельно малой высоте, прикрываясь холмистой местностью. Незаметно для противника эскадрилья подошла к цели. Станция оказалась до предела забитой железнодорожными составами, среди которых выделялся эшелон с горючим. Можно было бомбить не целясь. Взрыв цистерн превратил Сигуэнсу в огнен-

ный ад. Проскуров развернул бомбардировщики в сторону шоссе. На колонну фашистов обрушился шквал пулеметных трасс. Паника охватила итальянцев. Грузовики, потеряв управление, сталкивались и горели, уцелевшие солдаты разбегались.

С 9 марта командование республиканских ВВС организовало конвейер самолетов с таким расчетом, чтобы все время держать противника под ударами с воздуха. Пока одна группа наносила удар, другая шла от цели, третья заправлялась, четвертая уже взлетала. Штурмовики сменяли истребителей, а их, в свою очередь, сменяли бомбардировщики. Проскуровцы совершали по три-четыре вылета в день. Потери элитных итальянских дивизий были огромны. Республиканская пехота завершила разгром интервентов. К исходу 12 марта наступление итальянского корпуса сменилось короткой обороной, которая вскоре превратилась в отступление⁸. Фашисты назвали это «чудом под Гвадалахарой».

В дальнейшем Проскурову пришлось летать не только над сушей, но и над морем. Его эскадрилья периодически выполняла задания военно-морского командования Испанской республики. Корабли мятежников, среди которых выделялись крейсеры «Кана-риас», «Балеарес», «Сервера», немецкие линкоры «Шеер», «Дойчланд» и другие, а также итальянские подводные лодки рыскали по Средиземному морю, делая все, чтобы блокировать морские порты республиканцев и не пропустить в них советские транспорты с грузами для борющейся Испании, в том числе с продовольствием и медикаментами для населения.

ЭКИПАЖ самолета СБ не был предназначен для полетов над морем. Однако обстановка требовала совершать невозможное, и проскуровцы стали настоящими морскими летчиками. Адмирал Н.Г. Кузнецов, бывший в Испании военно-морским советником, высоко оценил боевую работу Проскурова: «Это был мужественный человек. Когда ему предлагали лететь бомбить Гранаду или Малагу, он больше интересовался, хватит ли горючего, в какое время лучше появиться над объектом, и меньше всего думал о том, насколько это опасно. Вместе со штурманом Г. Прокофьевым он водил свой отряд на предельный радиус действия как на суше, так и на море»⁹.

Весь период «специальной командировки» семья Проскурова не знала, где он находится. Лишь изредка жене передавали письма, в которых нельзя было ничего сказать о его теперешней службе. Жена лишь догадывалась, откуда привозят эти весточки. Наконец в июне 1937 года ее предупредили о скором возвращении мужа. Он вернулся счастливый, загорелый, с новыми боевыми наградами. Отпуск провели в Сочи.

Это было страшное для Красной Армии лето. В июне 1937 года было объявлено о разоблачении «военно-фашистского заговора в РККА». 11 июня расстреляли маршала М.Н. Тухачевского и ряд высших военачальников. Выступая на июньском заседании Военного совета, Сталин потребовал выявить всех заговорщиков и шпионов в армии и на флоте. После чего аресты офицеров приобрели повальный характер. Появилось много вакантных должностей, и началось массовое выдвижение молодых офицеров. Сталина не смущало, что у многих выдвиженцев не было ни соответствующего военного образования, ни командного стажа. Важнее было то, что они молоды, честолюбивы, прошли школу современной войны, а главное — преданы ему.

21 июня 1937 года маршал К.Е. Ворошилов направил Сталину представление на присвоение семнадцати военным служащим звания Героя Советского Союза. Шестой пункт документа гласил: «Ст. лейтенант ПРОСКУРОВ Иван Иосифович. Командир отряда 89 тяжелобомбардировочной авиационной эскадрильи. В Испании командир эскадрильи СБ. Награжден орденом «Красная Звезда» в 1935 г. и орденом «Красное Знамя» 2.1.1937 г.

Налеты скоростных бомбардировщиков республиканской авиации (СБ) на аэродромы, станции и склады, другие объекты противника производились без прикрытия истребителями и в большинстве случаев сопровождалась самостоятельными воздушными боями, которые самолетам СБ приходилось вести с истребителями противника. В этих трудных условиях т. ПРОСКУРОВ выполнил 46 боевых полетов продолжительностью свыше 120 часов, из коих большинство по объектам (целям), расположенным в глубоком тылу противника и защищенным зенитной артиллерией и истребительной авиацией. Этими налетами противнику были нанесены громадные потери на его аэ-

родромах — сожжены и разбиты десятки самолетов, на железнодорожных путях и станциях — уничтожены многие воинские эшелоны, и на фронте — выводилась из строя и деморализовывалась живая сила мятежников.

Во всех этих многочисленных боевых операциях т. ПРОСКУРОВ обнаруживал исключительное мужество, спокойствие и выдержку. Его самолет не раз оказывался пробитым осколками снарядов зенитной артиллерии и пулями истребителей.

Тов. ПРОСКУРОВ пользуется заслуженной репутацией исключительно смелого, хладнокровного и храброго бойца и командира».

Прочтя документ, Сталин зачеркнул слова «ст. лейтенант» и вписал: «майор»¹⁰. Так Иван Иосифович Проскуров стал Героем Советского Союза, войдя в число знаменитых людей Страны Советов. Его Золотая Звезда имела № 33. В том же году ему присвоили звание полковника, а в начале следующего, 1938 года, — комбрига. Таким образом, за 8 месяцев мало кому известный младший офицер превратился в командира авиационной бригады и был избран депутатом Верховного Совета СССР и делегатом XVIII съезда партии. Ему бы поучиться в военной академии, пополнить свой теоретический багаж, закрепить командные навыки. Но обезглавленная армия нуждалась в командирах высшего ранга. И Сталин смело выдвигал на высшие командные должности вчерашних лейтенантов, получивших боевое крещение в Испании. Проскуров не был единственным выдвиженцем. Другой «испанец», Герой Советского Союза Павел Рычагов, был еще моложе, а должность получил самую высокую в военной авиации. В 29 лет он стал начальником Военно-Воздушных Сил Красной Армии, а в 30 лет — заместителем наркома обороны СССР. Подобных выдвиженцев в 1937—1940 гг. были десятки. Можно назвать молодых генералов — «испанцев» Н.А. Острякова, Т.Т. Хрюкина, С.А. Черных, С.П. Денисова, И.И. Копца и других. Судьба многих из них впоследствии сложилась трагично.

ПРОСКУРОВ много работал, стремясь освоить новый круг обязанностей. В то время началось создание крупных авиационных объединений — армий особого назначения (АОН). Около года Иван Иосифович командовал 2 АОН, штаб которой располагался в Воронеже. Ему

присвоили звание комдива и включили в новый состав Военного совета при наркомате обороны (почти 90 проц. прежнего состава было уничтожено). В апреле 1939 года совершенно неожиданно Проскуров вызвали в Москву и назначили начальником Разведывательного управления РККА — заместителем наркомата обороны. Иван Иосифович пытался отказаться от этого назначения, просил не поручать ему дело, которого он не знал и не любил. Но Сталин придерживался принципа «любой человек — на любое место», полагая, что стоит принять решение Политбюро о назначении, и бывший руководитель погранвойск справится с командованием Военно-морским флотом, а специалист-транспортник сумеет наладить производство шедевров киноискусства. Если следовать этому принципу, то почему бы боевому летчику не стать руководителем военной разведки.

Надо напомнить, что Проскуров стал уже пятым начальником Разведуправления Красной Армии за неполных два года. В июне 1937 года Сталин заявил, что наша разведка засорена вражескими шпионами и нуждается в радикальной чистке. Один за другим были расстреляны начальники военной разведки: комкор С.П. Урицкий, армейский комиссар 2 ранга Я.К. Берзин, комдив А.Г. Орлов и майор госбезопасности С.Г. Гендин. Кроме начальников Разведупра, погибли многие начальники отделов и других подразделений разведки. Из-за границы были отозваны и расстреляны многие разведчики, военные атташе и их помощники. В результате масштабной чистки число специалистов в военной разведке сократилось до минимума. Полученные из-за границы донесения подолгу оставались нерасшифрованными. Некому было анализировать поступавшие материалы об организации зарубежных армий, о новинках военной техники. «В архиве есть много неразработанных ценных материалов, — докладывал Проскуров. — Сейчас разрабатываем, но там целый подвал, колоссальное количество литературы, над которой должна работать целая бригада в количестве 15 человек в течение пары лет»¹¹. Он пять раз просил наркомата обороны Ворошилова для ускорения работы увеличить штат сотрудников, но всегда получал отказ. Маршал отвечал: «Покажите прежде всего товар лицом, тогда дадим людей».

Получив такое тяжелое наследство, Иван Иосифович стал наби-

Начальник Разведывательного управления РККА — заместитель наркомата обороны СССР комдив И.И. Проскуров 1939 г.

рать новые кадры. Это было очень трудно. Приглашенные им в Разведупр офицеры не знали специфики работы и зачастую слабо владели иностранными языками. Многие офицеры из различных родов войск отказывались переходить на службу в разведку, не желая повторить трагическую судьбу своих предшественников. Проскуров заверял, что у него большие полномочия от самого Сталина, поэтому он сможет защитить своих людей от произвола Лубянки, но этим обещаниям мало кто верил. Все знали, что никакой замнаркомата обороны не сможет противостоять всеильному НКВД.

Тем не менее в 1939 и 1940 гг. обстановка несколько улучшилась: репрессии в армии сократились, с трудом восстанавливались прерванные контакты с зарубежной агентурой. Проскуров в отличие от многих больших начальников не пытался выглядеть всезнающим, не считал для себя зазорным учиться у подчиненных, советоваться с немногими уцелевшими профессионалами. Но работать было очень трудно. В Советском Союзе, так же как и во многих других странах, имелись противоречия и постоянное соперничество между военной разведкой и другими спецслужбами. А если учесть, что во главе НКВД стоял опытный политический интриган Л.П. Берия, станет ясно, насколько сложным было положе-

ние Проскурова, который не являлся политической фигурой и не имел постоянного выхода на генсека. Если Берия бывал у Сталина почти ежедневно, то Проскуров за весь 1939 год посещал кабинет вождя всего 9 раз, а в 1940 году — лишь 4 раза.

Старшая дочь Ивана Иосифовича Лидия Ивановна вспоминает: «Думается, отец был личностью незаурядной: его любили и уважали. Умный, честный, отзывчивый, справедливый человек, он обладал большой выдержкой, высокой культурой. Я никогда не слышала, чтобы он повышал на кого-нибудь голос. Отец был очень аккуратным, подтянутым. Военная форма сидела на нем как влитая. Подворотнички к форменным рубашкам пришивал сам — курсантская привычка!

Отец был очень внимателен к семье, использовал любую возможность для занятий с нами — детьми. Он учил меня плавать, езде на велосипеде, водить машину — да-да, несмотря на мой возраст (13—14 лет), всерьез. Покупал интересные книги. Хотел, чтобы мы больше бывали на выставках, в музеях, театре. Дважды я с отцом была в Кремле, в Георгиевском зале: на приеме по случаю возвращения папанинцев с Северного полюса и на заключительном концерте декады белорусского искусства, мама не могла пойти. В 1940 году, после окончания 6 класса отец отправил меня с мамой на экскурсию в Ленинград, чтобы мы ознакомились с этим замечательным городом. Он старался привить нам интерес к культуре, развить любознательность. Я всегда чувствовала в отце товарища. Он говорил со мной как со взрослым человеком, на равных, умел меня понять. С ним я ничего не боялась, все казалось ясным и простым. Отец был моим преданным и надежным другом. В то время наша жизнь была очень насыщенной, радостной, светлой»¹².

Семья Проскурова жила сначала в гостинице «Москва», а затем им предоставили квартиру в печально знаменитом «доме на набережной», многие жильцы которого в 1937—1938 гг. были вынуждены сменить место проживания. Проскуров часто навещал друзей и товарищи, с которыми он был в Испании. Встречи были очень теплыми, радостными. Они обнимались, хлопали друг друга по плечу, вспоминали, как сражались за правое дело, говорили и не могли наговориться. Проскуров завидовал друзьям, которые летали на

новейших самолетах, и сетовал на собственную судьбу. «Ваня, ну зачем ты полез в это дело?!» — слышал он от друзей-летчиков. Несколько раз Проскуров просил вернуть его на службу в ВВС, но получал отказ.

В ОЗВРАЩЕНИЕ Проскурова в авиацию все-таки произошло, но совсем не так, как хотелось бы. Война с Финляндией зимой 1939—1940 гг. выявила многие проблемы в Красной Армии. Планировалось покорить маленькую страну за две-три недели, а воевать пришлось 105 дней. Огромные людские потери, подрыв международного авторитета Красной Армии вынудили советское руководство пойти на крупные кадровые перестановки: сменились нарком обороны и многие его заместители, начальник Генерального штаба и руководители главных управлений наркомата. При анализе уроков советско-финляндской войны Ворошилов пытался переложить часть своей вины на разведку. «Плохо поставленное дело военной разведки вообще особенно отрицательно отразилось на нашей подготовке к войне с Финляндией, — говорил он на пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 года. — Наркомат обороны и Генеральный штаб, в частности, к моменту начала войны с Финляндией не располагал сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве войск и их вооружении, особенно плохо был осведомлен о действительном состоянии Укрепленного района на Карельском перешейке, а также об укреплениях, построенных финнами в районе озера Янисярви — Ладожское озеро»¹³. Это утверждение наркома было не вполне правдивым. Разведка заблаговременно выявила и доложила Генштабу основные сведения о «Линии Маннергейма» и об организации финской армии. Но советское руководство проигнорировало эти данные, что и привело к печальным результатам.

Во время войны Проскуров выезжал в действующую армию для оказания помощи войсковой разведке и организации разведывательно-диверсионных отрядов. Конечно, обезглавленная в 1937 году военная разведка не успела полностью восстановиться к 1939 году, но все же обвинения наркома обороны в ее адрес были чрезмерными. Так, Ворошилов заявил: «Разведки как органа, обслужива-

ющего и снабжающего Генеральный штаб всеми нужными данными о наших соседях и вероятных противниках, их армиях, вооружениях, планах, а во время войны исполняющего роль глаз и ушей нашей армии, у нас нет или почти нет. Военную разведку, достойную нашей страны и армии, мы обязаны создать во что бы то ни стало и в возможно короткий срок. Необходимо ЦК выделить достаточно квалифицированную группу работников для этой цели»¹⁴. Слишком поздно заговорил нарком о выделении квалифицированных специалистов — об этом надо было позаботиться до начала войны. Выступая 17 апреля 1940 года на совещании по итогам войны, Проскуров отверг несправедливые обвинения в адрес Разведупра и предложил ряд мер по совершенствованию разведывательной деятельности. Но работать в разведке ему оставалось недолго.

В июне 1940 года в РККА были введены генеральские звания. Проскурову присвоили звание генерал-лейтенанта авиации и вскоре назначили заместителем начальника Главного управления ВВС. Теперь он вернулся к своим любимым самолетам и стал руководить дальнебомбардировочной авиацией. Иван Иосифович редко засиживался в своем московском кабинете. Чаще его можно было встретить на аэродроме, среди летчиков и штурманов. Шли напряженная боевая учеба, тренировки, ночные полеты, освоение новой техники.

В 1940—1941 гг. советская авиация переживала период перевооружения. Бурный рост военной авиации сопровождался большим количеством аварий и катастроф с человеческими жертвами. Ежегодно терпели аварию свыше 600 военных самолетов¹⁵. Это объяснялось сложностью пилотирования новых самолетов, недостаточной квалификацией летчиков, обученных по сокращенной программе, а также многочисленными нарушениями летных правил. Генерал Рычагов считал главной причиной аварий конструктивные недостатки новых самолетов, о чем открыто заявил на заседании Военного совета, посвященном борьбе с аварийностью в авиации. Представители авиапромышленности и авиаконструкторы придерживались иной точки зрения, возлагая всю вину на недисциплинированность и низкую квалификацию военных летчиков. Обиженный несправедливыми упреками в адрес летчиков, Рычагов однажды

не сдержался и заявил Сталину: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах». Сталин на этот раз поддержал авиастроителей, а не Рычагова. Заседание на этом завершилось. 9 апреля 1941 года было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии», в котором отмечалась неспособность руководства ВВС наладить дисциплину и добиться снижения аварийности. За сокрытие недостатков, имевших место в авиации РККА, наркому обороны С.К. Тимошенко объявлялся выговор, Рычагов был снят с поста заместителя наркома и начальника ВВС, а начальник отделения оперативных перелетов штаба ВВС полковник В.М. Миронов отдан под суд¹⁶. О Проскурове в постановлении не было ни слова. К 12 апреля нарком Тимошенко представил в Политбюро проект приказа о наказании виновных. Ознакомившись с проектом, Сталин написал: «Т-цу Тимошенко. Согласен с той, однако, оговоркой, чтобы в приказ был включен абзац о т. Проскурове и чтобы т. Проскуров был предан суду наравне с т. Мироновым. Это будет честно и справедливо». В тот же день вышел приказ наркома обороны № 0022 с соответствующим абзацем: «Заместителя начальника Главного управления ВВС Красной Армии генерал-лейтенанта авиации Проскурова И.И. за явно преступное распоряжение, нарушающее элементарные правила летной службы, в результате чего произошло 3 катастрофы, при которых погибло 7 человек и ранено 2 человека, от занимаемой должности отстранить и предать суду»¹⁷. С той же формулировкой предавался суду и полковник Миронов. Характерная черта тогдашней юстиции: следствие еще не проведено, суда не было, а действия будущего подсудимых уже квалифицированы как «явно преступные». Впрочем, в те времена и суд ничего не решал сам, а лишь выполнял указания. И такое указание вскоре последовало. 4 мая 1941 года Сталин, видимо, решил, что зря погорячился, и подписал решение Политбюро, в котором говорилось: «Предложить Прокурору СССР т. Бочкову в отношении генерал-лейтенанта авиации Проскурова и полковника Миронова рассмотреть их дело на суде и, имея в виду их заслуги по работе в Красной Армии, ограничиться общественным порицанием»¹⁸. Таким образом, «казнить или миловать» решал не суд, а

ком внутренних дел СССР Берия и его помощники настойчиво фабриковали «заговор генералов». Это в условиях начавшейся войны должно было объяснить катастрофические поражения Красной Армии, позволяло переложить вину за военные неудачи на «заговорщиков». На допросах генералов избивали, принуждая подписать протоколы с признанием несуществовавшего заговора. «Это была настоящая мясорубка», — признал впоследствии Берия²¹. Некоторые не выдерживали пыток и подписывали протоколы с признанием вины. В протоколе Проскурова значилось: «Виновным себя не признаю».

В сентябре 1941 года Сталин передумал и приказал освободить Ванникова и Мерецкова, несмотря на то, что по материалам следствия они числились заговорщиками и немецкими шпионами. Оба тут же получили высокие назначения и многое сделали для достижения победы над фашизмом. Остальные подследственные остались на Лубянке до октября 1941 года, когда положение под Москвой серьезно осложнилось. Немцы прорвали фронт и в середине октября приблизились к столице. Началась поспешная эвакуация государственных учреждений. Было приказано отконвоировать из внутренней тюрьмы НКВД в Куйбышев «особо опасных государственных преступников» в количестве 39 человек. Под номером 21 значилась фамилия Проскурова.

В АВГУСТЕ в числе других семьи Проскурова эвакуировалась в Куйбышев, где жене опального генерала арестовали и поместили во внутреннюю тюрьму. Здесь в течение нескольких дней, не зная об этом, одновременно находились муж и жена Проскуровы. Дочери семи и четырнадцати лет остались в незнакомом городе без родителей, без продовольственных карточек, без денег и почти без вещей. Девочек вызывали на допросы, где женщина следователь, стуча кулаком по столу, кричала на них: «Мы покажем вам, генеральские доченьки!!!».

Несколько дней пробыл Проскуров в куйбышевской тюрьме. В Москве в это время было введено осадное положение. Из столицы спешно выехали ЦК партии, Правительство, Верховный суд, Прокуратура СССР, НКВД. В обстановке паники, охватившей некоторые столичные ведомства, Берия опасался, что все может закончиться полной катастрофой. И

поторопился замести следы, уничтожить самых высокопоставленных «заговорщиков». Специальному курьеру потребовалось несколько дней, чтобы добраться от Москвы до Куйбышева. 28 октября следователи еще продолжали допросы «заговорщиков», когда им вручили письменное распоряжение Берии, подписанное 18 октября: «Следствие прекратить, суду не предавать, немедленно расстрелять». Через несколько часов от пуль палачей пали 20 человек, в том числе генералы Локтионов, Штерн, Арженухин, Проскуров, Рычагов, Смушкевич, Володин, Каюков, Савченко и другие. Когда угроза военного поражения миновала, Берия и его подручные сфабриковали фальшивый приговор на 20 человек, которых расстреляли в Куйбышеве без суда.

Семья ничего не знала. Ее послали в Казахстан. Старшая дочь вспоминала: «Нас волновала судьба отца. Мы продолжали писать во все инстанции. Ответ был один — «осужден на десять лет без права переписки»²². Такую лживую формулировку сообщали многим родственникам уже расстрелянных «врагов народа». А в это время на Украине фашисты расстреляли Иосифа Проскурова за то, что его сын — генерал Красной Армии.

Так прошли долгие годы неизвестности, страданий, унижений. Только в 1953 году Берии предъявили обвинение в бессудном расстреле в Куйбышеве 28 октября 1941 года. Хозяин Лубянки получил по заслугам, а вскоре реабилитировали его жертв. В документе, выданном Прокуратурой СССР и Главной военной прокуратурой, говорилось: «Дело в отношении Проскурова Ивана Иосифовича, 1907 года рождения, уроженца Запорожской области, прекращено 11 мая 1954 года за отсутствием в его действиях состава преступления. Проскуров Иван Иосифович полностью реабилитирован». В этом же году реабилитировали его вдову и дочерей²³. Посмертно Проскурова восстановили в звании Героя Советского Союза.

Сам собой напрашивается вопрос: как сложилась бы военная карьера 34-летнего генерала Проскурова, если бы в 1941 году он остался жив? Говорить об этом можно лишь предположительно. Хотя Иван Иосифович и не имел высшего военного образования, он активно занимался самообразованием, умело руко-

водил авиационными соединениями (с июня 1937 по апрель 1939 года успешно командовал авиационной бригадой и армией особого назначения). Это дает основание предполагать, что в период Великой Отечественной войны из него получился бы хороший командир авиационного корпуса или командующий воздушной армией. Но, увы, этому не суждено было сбыться. В памяти знавших его людей Иван Проскуров остался смелым воздушным асом, талантливым авиационным командиром, способным руководителем советской военной разведки и одним из самых молодых генералов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кузнецов Н.Г. На далеком меридиане. М., 1988. С. 197, 198.

² Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40874, оп. 28, д. 4, л. 3.

³ См. Воен.-истор. журнал. 1977. № 5. С. 120.

⁴ Франкисты, наступая на Мадрид четырьмя колоннами, заявляли, что в городе действуют их сторонники — «пятая колонна», которые в нужный момент нанесут удар в спину защитникам Мадрида. С тех пор выражение «пятая колонна» применяется для обозначения тайных агентов врага.

⁵ Вместе с патриотами Испании. Киев, 1976. С. 21, 22.

⁶ Там же. С. 23, 24.

⁷ РГВА, ф. 40874, оп. 28, д. 6, л. 2.

⁸ Сухачев М. Штурман воздушных трасс. М., 1981. С. 67—71.

⁹ Кузнецов Н.Г. Указ. соч. С. 197, 198.

¹⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 163, д. 1154, л. 27.

¹¹ Зимняя война 1939—1940. М.: Наука, 1999. Кн. 2. С. 205.

¹² РГВА, ф. 40874, оп. 28, д. 4, л. 5, 6.

¹³ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 109.

¹⁴ Там же. С. 121.

¹⁵ См.: Приказ наркома обороны от 12.04.1941 г.// РГВА, ф. 4, оп. 15-б, д. 2, л. 16.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1037, л. 34.

¹⁷ РГВА, ф. 4, оп. 15 б, д. 2, л. 17.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1313, л. 66.

¹⁹ Советский воин. 1990. № 17. С. 13.

²⁰ РГВА, ф. 40874, оп. 28, д. 4, л. 13.

²¹ См.: Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М.: Новости, 1993. С. 54.

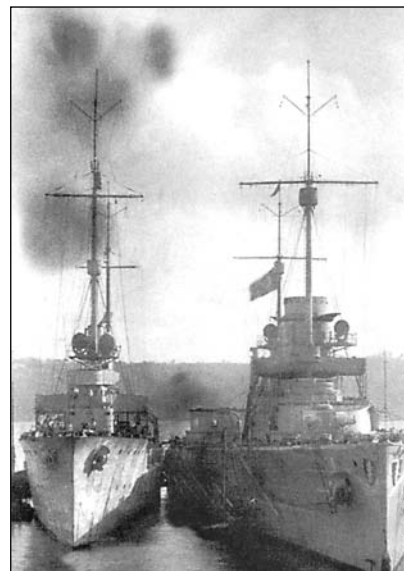
²² РГВА, ф. 40874, оп. 28, д. 4, л. 13.

²³ Там же.

А.А. ПЕЧЕНКИН,
доктор исторических наук
(г. Киров)

«Такого случая... за все время войны до сих пор не представлялось»

В публикуемой статье анализируются особенности обстановки, сложившейся на Черноморском театре военных действий к июлю 1916 года, предпринята попытка реконструировать ход событий, выяснить мотивы управленческих решений командующего флотом адмирала А.А. Эбергарда, рассматриваются обвинения, предъявленные командованию флота за неудачную попытку покончить с германо-турецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау», совершившими в первых числах июля 1916 года дерзкий рейд к побережью Кавказа.

**Крейсера «Гебен» и «Бреслау» в Стамбуле
Лето 1915 г.**

Командующий флотом Черного моря адмирал А.А. Эбергард

В ПЕРВЫХ числах июля 1916 года¹, в разгар Эрзинджанской операции Кавказской армии (командующий — генерал от инфантерии Н.Н. Юденич), главная квартира неприятеля спланировала наступление на приморском фланге: 5-му и 12-му корпусам турок предстояло нанести удар в направлении захваченного русскими Трапезунда — важнейшего порта Восточной Анатолии. Очевидно, у оттоманского командования вызывало опасения угрожающее расположение 5-го Кавказского корпуса генерал-лейтенанта В.А. Яблочкина, который, занимая узкую полосу между берегом Черного моря и хребтом Понтийского Тавра, нависал над левым флангом и тылом турецкой 3-й армии Вехиба-паши².

В контексте предстоявшего наступления командующий германо-турецким флотом вице-адмирал В. Сушон предписал командирам «Гебена» и «Бреслау» активными действиями в восточной части моря оказать содействие войскам оттоманцев. Крейсерам надлежало прервать прибрежную коммуникацию русских — основной путь пополнения и снабжения не только 5-го Кавказского корпуса, но и его левого соседа — 2-го Туркестанского корпуса генерал-лейтенанта М.А. Пржевальского. Хотя намеченное наступление турок не состоялось, германо-турецкие корабли начали развертывание по первоначальному плану.

В ночь на 3 июля легкий крейсер «Бреслау» (в османском флоте — «Мидилли»), а вслед за ним линейный крейсер «Гебен» («Явуз Султан Селим») вышли из Босфора и 15-узловым ходом двинулись в восточном направлении. Командирам крейсеров предписыва-

К 90-летию начала Первой мировой войны

лось «попытаться уничтожить русские транспорты у кавказского побережья и у Керченского пролива» и «в случае встречи со слабейшими русскими силами... их атаковать». Германское официальное описание войны на Черном море умалчивает о распоряжении командующего германо-турецким флотом на обстрел мирных городов на кавказском побережье, ограничившись упоминанием о том, что к утру 4 июля «Гебену» надлежало быть перед Туапсе, а «Бреслау» — перед Гаграми³.

Получив от командира германской подводной лодки «U-38», которая вышла в восточную часть моря 26 июня, сведения о присутствии в 65 милях северовосточнее Трапезунда трех русских линкоров и крейсера, командир «Гебена» капитан цур зее (капитан 1 ранга) Р. Аккерман решил направить «Бреслау» не к Гаграм, как было определено первоначальным планом, а севернее — к Сочи.

«Гебен» же 4 июля появился в виду Туапсе. Следуя вдоль берега с юга, в 15.44 германо-турецкий дредноут открыл огонь из 150-мм орудий по складам жидкого топлива (порт был соединен трубопроводом с майкопским нефтяным районом), портовыми сооружениям и судам, стоявшим в небольшой гавани за искусственным молем. Постепенно сокращая дистанцию с 25 до 18 каб, «Гебен» отправил на дно пассажирский пароход «Князь Оболенский» (248 брт) и четыре парусно-моторных судна, а маломерный пароход «Михаил», портовый буксир и баржа получили повреждения. На территории порта были убиты четверо рабочих, загорелись пакгаузы.

«Как только распространился слух о появлении германо-турецкого дредноута, вся гулявшая публика высыпала на набережную и с любопытством следила за стрельбой. Но когда огонь был направлен с порта на самый город, любо-

пытство сменилось страхом, и народ кинулся под прикрытие кто куда. Впрочем, по городу было выпущено всего три—четыре снаряда», — свидетельствует русская хроника⁴, хотя, по заверению Г. Лорея, по городу «Гебен» не стрелял. Завершив 23-минутную бомбардировку Туапсе, «Гебен» развернулся на обратный курс и пошел на соединение с «Бреслау», по пути обстреляв из 88-мм орудий станицу Лазаревскую.

Тем временем «Бреслау» под командой корветтен-капитана (капитана 3 ранга) В. фон Кнорра, как обыкновенно бывало в подобных случаях — под Андреевским флагом, вошел на сочинский рейд. Здесь крейсер потопил торпедой стоявший на якоре транспорт «Мария Аннета» (№ 103, 961 брт) и уничтожил артиллерийским огнем каботажный парусник «Резвый». Проследовав далее на север, «Бреслау» поразил несколькими снарядами сидевший на мели пароход «Рокклиф». К 6 ч пополудни германо-турецкие крейсера соединились и, взяв курс на запад, скрылись из видимости берега.

ЗНАЛО ли командование Черноморского флота о выходе неприятельских кораблей из Босфора? Безусловно. Уже 1 июля в Севастополе стало известно, что около 8 ч вечера в Черное море выдвинулся «Бреслау», а на следующий день разведка донесла, что и сам «Гебен» или уже вышел, или в ближайшие часы выйдет в море.

В это время в Севастополе находились оба дредноута — «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая» и большая часть минной бригады. В районе Батум — Ризе — Трапезунд оперировала корабельная группировка начальника линейной дивизии вице-адмирала П.И. Новицкого⁵, который приказом командующего флотом № 118 от 27 июня был объявлен «начальником морских сил в юго-восточной части моря»⁶. 1 июля Новицкий вышел из Батума со 2-й бригадой линейных кораблей — «Евстафием», «Иоанном Златоустом» и «Пантелеймоном» для прикрытия побережья Лазистана и при необходимости для содействия оборонявшимся на приморском направлении войскам. Из Севастополя в Трапезунд в охранении миноносца «Свире-

пый» и посыльного судна «Летчик» следовал транспорт с 10-дюймовыми орудиями, предназначенными для «вооружения морского фронта трапезундской крепости». Вдоль кавказского побережья из Новороссийска в Батум совершал переход конвой в составе транспортов «Тигрис» (№ 106), «Рокклиф» (№ 55) и «Дружба» (№ 24) и двух барж в охранении эсминцев «Капитан-лейтенант Баранов» и «Лейтенант Шестаков» и канонерских лодок «Донец» и «Кубанец» под командой начальника 3-го дивизиона миноносцев капитана 1 ранга А.М. Клыкова.

При выработке замысла и принятии решения на поисковые действия адмиралу Эбергарду и его штабу приходилось считаться с усилением подводной угрозы и минной опасности, которые весной и летом 1916 года стали важнейшими факторами обстановки

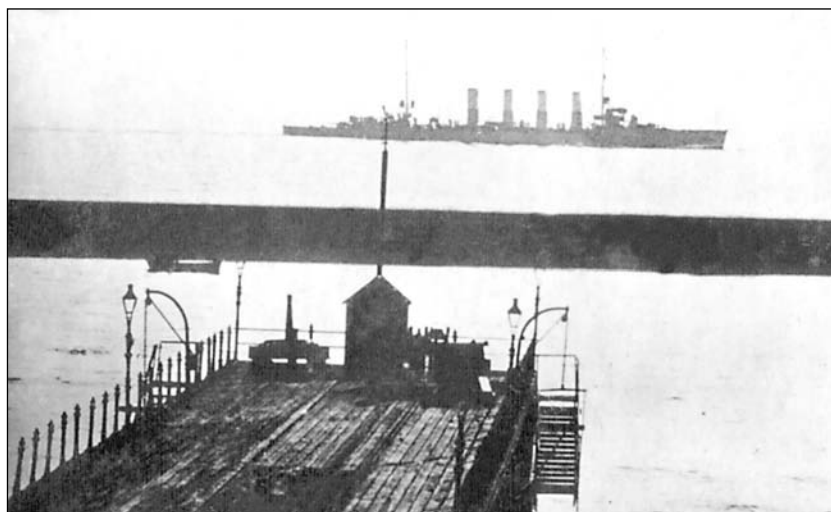
на театре. С появлением в Черном море больших германских подводных лодок «U-33» (капитан-лейтенант К. Ганссер) и «U-38» (капитан-лейтенант М. Валентинер) активность и результативность неприятельских подводных сил резко возросли, а район их действий распространился и на восточную часть моря.

2 июля чуть севернее Сочи, на траверзе ущелья реки Шахэ, «U-38» торпедировала транспорт «Рокклиф» (3073 брт), который, однако, смог выбраться на мель, где и попал под снаряды «Бреслау» 4 июля. Эсминец «Лейтенант Шестаков» под командой капитана 2 ранга А.А. Пчельникова контратаковал субмарину ныряющими снарядами и глубинными бомбами, но смог нанести ей лишь незначительные повреждения⁷. 3 июля у мыса Тарханкут была обнаружена минная банка, выставленная крейсером «Бреслау» в начале мая. В Одесском заливе завершались тральные работы по ликвидации заграждения из двенадцати мин, поставленного 28 мая подводным заградителем «UC-15» (обер-лейтенант А. фон Девитц). Его жертвами уже стали парусник «Николай» (подорвался 9 июня), баржа (12 июня) и пароход «Меркурий» (762 брт), погибший 15 июня вместе с 272 пассажирами. Еще свежи были воспоминания о гибели миноносца «Живучий», который 25 апреля подорвался на mine той же «UC-15» и затонул на внешнем рейде Севастополя, унеся жизни 48 членов экипажа.

Командование Черноморского флота, не располагавшее вполне достоверными сведениями ни о направлении движения «Гебена» и «Бреслау», ни о намерениях неприятеля, не слишком спешило реагировать на очередную вылаз-

Командующий германо-турецким флотом вице-адмирал В. Сушон

Крейсер «Бреслау» в виду русского берега

(Из собрания Центрального музея Вооруженных Сил (ЦМВС), публикуется впервые)

**Линейные
корабли
и крейсера
Черномор-
ского флота
в Севасто-
польской
бухте**

ку противника. Более того, штаб флота не посчитал нужным проинформировать старшего лейтенанта М.В. Маркова – командира подводной лодки «Нерпа», вышедшей на позицию в приобсфорский район 2 июля, о пребывании в море неприятельских крейсеров, не говоря уже о постановке ему боевых задач в контексте развернувшейся вскоре поисковой операции.

Первые распоряжения на оперативное развертывание сил адмирал А.А. Эбергард отдал, по-видимому, вечером 2 июля. Командующий предписал начальнику подводной бригады капитану 1 ранга В.Е. Клочковскому выслать подводную лодку «Судак» на позицию перед Ялтой, следующим утром подводный заградитель «Краб» направился к Феодосии. Пять тральщиков, работавшие у мыса Тарханкут, получили приказ немедленно отойти в бухту Ак-Мечеть, что и было ими исполнено вечером 3 июля. «Судак» занял назначенную позицию, но около 16 ч 4 июля изрядно посвежевшая погода заставила маленькую лодку укрыться в ялтинском порту.

В ночь на 3 июля оперативной частью штаба флота был составлен доклад, в котором капитан 1 ранга К.Ф. Кетлинский и его подчиненные изложили свое видение складывавшейся обстановки и попытались спрогнозировать замысел противника. Сопоставив имевшиеся данные, операторы штаба выдвинули гипотезу (ее, как показали дальнейшие события, разделял и командующий) об организации вице-адмиралом В. Сушоном оперативного взаимодействия разнородных сил: «План действий неприятеля состоит в том, чтобы нападением на наши берега и судоходство вызвать из Севастополя выход дредноута, который должен попасть на заграждение, как раз перед этим поставленное подводным заградителем»⁸.

Тем не менее адмирал Эбергард посчитал необходимым в течение

3 июля принять дополнительные превентивные меры по прикрытию прибрежных пунктов и судоходства в восточной части моря. Днем он направил вице-адмиралу Новицкому и капитану 1 ранга А.М. Клыкову радиограмму: «Можно думать воскресенье вечером вышли остовую часть Гебен и Бреслау. Примите меры уберите транспорты Батум Новороссийск Керчь». В телеграмме № 7248, адресованной начальнику линейной дивизии в Батум и офицерам связи в Трапезунд (штаб 5-го Кавказского корпуса) и Тифлис (штаб Кавказской армии), К.Ф. Кетлинский сообщал: «Почти нет сомнений, что вышли на восток именно Гебен и Бреслау»⁹. Наконец, в тот же вечер начальник 1-й бригады линейных кораблей контр-адмирал свиты С.С. Погуляев¹⁰ получил распоряжение командующего флотом приготовиться к выходу в море с линкором «Императрица Мария» и исправными миноносцами 2-го дивизиона, а вскоре Эбергард назначил и время выхода — 9 ч 4 июля.

Эту корабельную группу предполагалось направить в юго-восточную часть моря в распоряжение начальника линейной дивизии. Командование флота предполагало найти неприятельские крейсера именно там и допускало возможность переброски «Гебеном» и «Бреслау» подкреплений для 3-й армии турок¹¹.

В 8.45 4 июля линкор «Императрица Мария» под флагом контр-адмирала Погуляева (командир — капитан 1 ранга князь В.В. Трубецкой) в сопровождении эсминцев «Пылкий» (капитан 2 ранга В.Ф. Ульянов), «Быстрый» (капитан 2 ранга Г.А. Быков) и «Поспешный» (капитан 2 ранга Б.Б. Жерве) под командой начальника 2-го дивизиона миноносцев капитана 1 ранга А.О. Гадда (брейд-вымпел на «Пылком») двинулся на внешний рейд главной базы. По обыкновению развертывание маневренной группы в море обеспечи-

вали тральщики рейдовой партии, посыльные суда и сторожевые катера охраны рейдов и гидропланы на сей раз из состава 2-го корабельного авиаотряда лейтенанта Е.Е. Коведяева.

В 10.55, когда линейный корабль находился на южном фарватере в 20 милях от Херсонесского маяка, экипаж летающей лодки М-9 (летчик — мичман С.Я. Ярыгин, наблюдатели — прапорщик князь Лобанов-Ростовский и авиационный унтер-офицер Осколков) обнаружил неприятельскую подводную лодку. Это была «УВ-14» под командой обер-лейтенанта К. Шварца, вышедшая на позицию перед Севастополем 26 июня. По докладу экипажа аэроплана, лодка «начала показывать перископ» в 10 каб от дредноута на его правом крамболе. Бдительные авиаторы тотчас атаковали субмарину 50-фунтовой бомбой, которая упала в 30 саженях от лодки. Последняя, как писал в своем отчете Е.Е. Коведяев, «сейчас же стала уходить в глубину» и «после разрыва бомбы более не показывалась»¹².

Благополучно выйдя на свободную воду, отряд контр-адмирала Погуляева проложил курс к мысу Иерос, имея в виду соединиться с группой вице-адмирала Новицкого в составе трех старых линкоров, крейсера «Память Меркурия» и трех миноносцев, вышедшей из Батума в то же утро. Эсминцы капитана 1 ранга А.О. Гадда выдвинулись на 20 миль, образовав впереди по курсу дредноута дозорную цепь с расчетом «усмотреть неприятельский флот» в полосе шириной приблизительно 80 миль.

Судя по всему, Эбергард полагал принятые меры достаточными. По крайней мере, с вечера 3 июля вплоть до получения сведений о бомбардировке Туапсе и Сочи наше командование никаких дополнительных шагов не предпринимало. Разве что в 14.50 4 июля штаб флота оповестил ко-

мандира стоявшего в Новороссийске миноносца «Свирепый» старшего лейтенанта П.С. Губолина о выходе «Гебена» и «Бреслау» в море; аналогичные извещения получили командир «Судак» капитан по адмиралтейству М.С. Комаров (в Ялте) и командир «Краба» старший лейтенант М.В. Паруцкий (в Феодосии). В то же утро начальник подводной бригады получил приказ отправлять подводную лодку «Морж» в предпроливную зону по плану, «как было условлено».

СВЕДЕНИЯ о появлении «Гебена» и «Бреслау» у кавказского побережья командование Черноморского флота получило вскоре после 4 ч пополудни 4 июля, и в 16.25 штабом флота были отданы в этой связи первые распоряжения. Однако прежде чем переходить к анализу принятых адмиралом Эбергардом решений и хода их реализации, попытаемся оценить сложившуюся к тому моменту обстановку.

Германо-турецкие крейсера удалились от устья Босфора на 480 миль и, следовательно, могли возвратиться в базу не ранее вечера 5 июля, т. е. более чем через сутки. Таким образом, вице-адмирал В. Сушон поставил «Гебен» и «Бреслау» в весьма рискованное положение, дав русскому флоту возможность отрезать их от пролива: расстояние между Севастополем и Босфором в 280 миль наши линейные корабли и эсминцы обычно покрывали экономическим ходом за 16—20 ч, около суток требовалось для этого и подводным лодкам.

Ко времени, когда в порту Туапсе разорвались первые снаряды «Гебена», командование флота практически завершило разрывание сил, направленное, правда, более на прикрытие побере-

жья Кавказа и Лазистана и коммуникаций в юго-восточной части моря, чем на перехват «Гебена» и «Бреслау». 2-я линейная бригада с крейсером и миноносцами расположилась у побережья Лазистана, для прикрытия побережья Крыма были выдвинуты подводные лодки «Судак» и «Краб». Позицию перед Босфором заняла «Нерпа», был готов к выходу в предпроливную зону и «Морж». «Императрица Мария» с тремя эсминцами находилась на полпути между Севастополем и Синопом, занимая выгодное положение на пути отхода неприятельских кораблей. Наконец, в главной базе оставались дредноут «Императрица Екатерина Великая» и два «нефтяных» миноносца. По выражению начальника Морского штаба главковерха адмирала А.И. Русина, «стратегическая (говоря современным языком — оператив-

С.С. Погуляев
(Из собрания ЦМВС,
публикуется впервые)

ная. — **Д.К.**) обстановка, в которой протекала эта операция противника, была для нас исключительно благоприятна, и такого случая не дать возможности [неприятелю] возвратиться в Константинополь за все время войны до сих пор не представлялось»¹³.

Как же развивались события далее? Несмотря на то что противнику не удалось добиться оперативной внезапности, первые сообщения о появлении «Гебена» и «Бреслау» перед кавказскими портами «вызвали в штабе флота некоторую растерянность, проявившуюся в потоке приказаний, отданных по радио, телефону и телеграфу и нередко противоречивших друг другу»¹⁴.

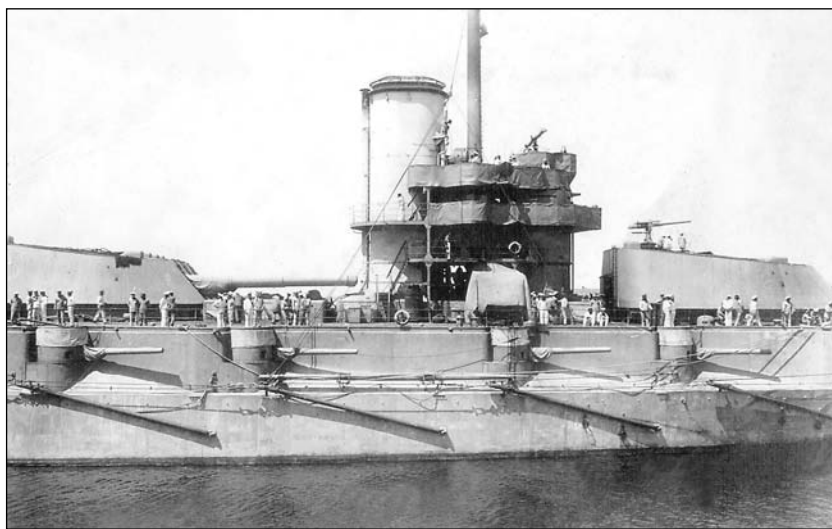
В 16.25 командующий флотом отменил выход подводной лодки «Морж» к Босфору, но уже через час капитан 1 ранга В.Е. Ключковский получил новое распоряжение: «Моржу выйти сегодня на позицию балаклавских лодок (перед Севастополем, в 20 милях к юго-западу от мыса Айя. — **Д.К.**). Завтра с рассветом ждать неприятеля. Утром получит приказание о дальнейшем походе». В половине седьмого вечера субмарина вышла в означенный район, но уже в 21.30 приняла радио с приказом идти в предпроливную зону и сообщением о том, что вскоре к Босфору выдвинутся и оба наших дредноута.

В 16.35 адмирал Эбергард поставил начальнику минной бригады контр-адмиралу М.П. Саблину задачу «скорее приготовить миноносцы для охраны Екатерины». Однако меньше чем через полтора часа, в 17.55, последовало новое распоряжение: «Миноносцы нужны на послезавтра, четверг утро». Наконец, в 19.05: «Экстренно, наморси (командующий флотом. — **Д.К.**) приказал миноносцы приготовить не к утру четверга, а часам к семнадцати среды»¹⁵.

Не в лучшем положении оказались корабельные соединения, находившиеся в море. Без четверти пять пополудни флот был извещен о появлении «Бреслау» у Сочи и «Гебена» у Туапсе, а через полтора часа штаб уточнил обстановку, сообщив, что крейсера противника движутся навстречу друг другу.

Носовая боевая рубка и башни главного калибра линейного корабля «Императрица Екатерина Великая»

(Из собрания ЦМВС,
публикуется впервые)

Линейный корабль «Императрица Мария»

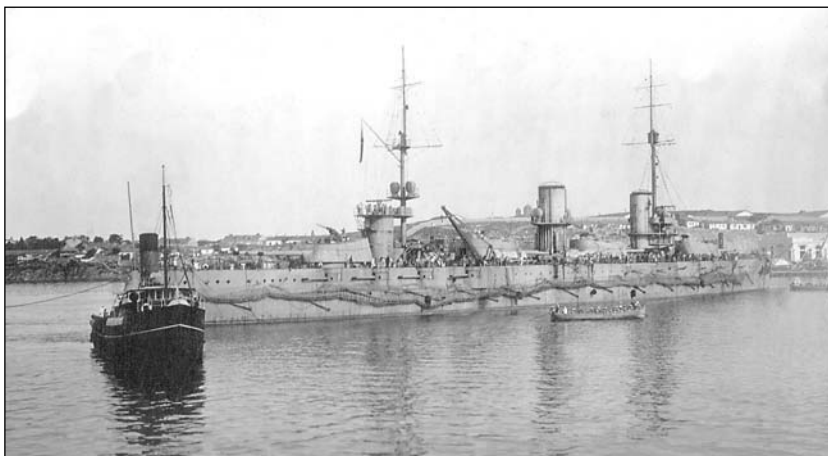
Получив первое оповещение, контр-адмирал Погуляев принял резонное решение отойти к западу до меридиана мыса Керемпе, в самую узкую часть моря, и с рассветом следующего дня начать поиск неприятеля «гребенкой» в восточном направлении. К заходу солнца 5 июля предполагалось осветить полосу шириной 80 миль и длиной около 300 миль.

Однако начальник маневренной группы оставался связанным директивой о присоединении ко 2-й бригаде линкоров, что, конечно, совершенно не соответствовало резко изменившейся обстановке. Стало очевидным, что «Гебен» и «Бреслау» не собираются посещать юго-восточный угол моря и тем более перевозить войска на побережье Анатолии, и, следовательно, корабельная группировка вице-адмирала Новицкого остается не у дел.

Безусловно, это понимали и в штабе флота, который в 19.10 отменил первоначальное распоряжение и предписал Погуляеву: «Если не получите данных для изменения решения, держитесь пути Туапсе — Босфор». Однако это радио по какой-то причине не приняли на «Евстафии», и начальник линейной дивизии, не будучи оповещенным о перераспределении группы «Императрицы Марии» на новое направление, приказал контр-адмиралу Погуляеву с утра прикрывать лазистанское побережье до мыса Фыджи. Но тот, зная из радиопереговоров место и состав соединения вице-адмирала Новицкого, правильно оценил обстановку и остался в центральной части моря — в предполагаемой полосе движения «Гебена» и «Бреслау».

Однако к исходу 4 июля командующий флотом в корне пересмотрел замысел операции. По-видимому, адмирал Эбергард, реально оценив поисковую производительность немногочисленной группы «Императрицы Марии», отказался от намерения перехватить быстроходные неприятельские крейсера в открытом море и принял решение перенести центр тяжести поисковых действий в прибосфорский район.

В 22.20 контр-адмиралу Погуляеву доложили радиogramму с приказом адмирала Эбергарда идти к Босфору «насколько позволит нефть» и сообщением об отбытии туда же подводной лодки «Морж». Около 23 ч «Императри-

ца Мария», «Пылкий», «Быстрый» и «Поспешный» повернули на запад. В тот же вечер штаб флота выдвинул на позиции перед крымскими портами «Судака» и «Краба» (последний на сей раз действовал в качестве торпедной лодки, т. е. в не свойственном ему амплуа). «С утра ждать бомбардировку Гебена и Бреслау», — значилось в радио командующего командирам лодок.

В течение дня 5 июля группа «Императрицы Марии» крейсировала на дальних подступах к Босфору в районе 42-й параллели между меридианами 30 и 32 град. В 4 ч пополудни начальник 1-й линейной бригады получил извещение о запланированном на 17 ч выходе «Екатерины». В этой связи командование сообщило контр-адмиралу Погуляеву, что намечавшаяся замена эсминцев охранения откладывается (все наличные миноносцы вступают в охранение второго дредноута), и предписало ему задержать дивизион капитана 1 ранга Гадда, насколько позволит запас топлива.

В 17 ч маневренная группа, отодвинувшаяся к этому времени к западу от меридиана острова Кефкен, развернулась на 16 румбов и возобновила поиск неприятельских крейсеров в восточном направлении. С наступлением темноты Погуляев приказал лечь на обратный курс и увеличить ход, рассчитывая к утру быть в 45 милях от устья Босфора. Однако уже в 22.25 на «Императрице Марии» получили приказ командующего флотом с рассвета 6 июля крейсировать в районе Кефкена и пресечь попытку «Гебена» и «Бреслау» прорваться в пролив под гераклийским берегом.

Тем временем сам адмирал Эбергард, который в 5 ч пополудни 5 июля вышел из Севастополя на линейном корабле «Императри-

ца Екатерина Великая» (командир — капитан 1 ранга А.И. Сергеев) в сопровождении эсминцев «Счастливый» (капитан 2 ранга Г.В. Фус) и «Беспокойный» (капитан 2 ранга А.И. Тихменев), следовал на соединение с группой «Императрицы Марии». В 9.20 6 июля маневренные группы соединились. Однако уже в 12.22 комфлот, желая, видимо, расширить зону поиска, распорядился вновь разделить силы: «Екатерине держаться к западу, а Марии к востоку от линии Босфор — Херсонес, не уходя севернее линии Керемпе — Калиакра».

А что же предпринял вероломный неприятель? Располагая сведениями о присутствии у побережья Лазистана русских линейных сил, командир «Гебена» решил не мешкая возвращаться в Босфор, отослав «Бреслау» в северо-западную часть моря для «истребления торговых судов между Одессой и Севастополем». 5 июля Р. Аккерман получил информацию о наличии на линии Севастополь — Босфор русских миноносцев — их радиопереговоры приняла станция Османие близ Константинополя. На следующее утро «Гебен» был извещен об обнаружении в 30 милях севернее Эрегли неприятельского дредноута, проследовавшего на восток в сопровождении нескольких эсминцев. Правильно оценив обстановку, командир линейного крейсера принял резонное решение обойти район действий русских сил возможно далее к северу и попытаться скрытно войти в пролив со стороны румелийского берега. Командир германского дредноута явно не питал иллюзий относительно возможного исхода боя с «Императрицей» (а возможно, и с двумя сразу), тем более что боеспособность «Гебена» оставляла желать лучшего после смены большей части экипажа — лишь полтора ме-

сяца назад на флагманский корабль оттоманского флота прибыли 600 новобранцев из Германии¹⁶.

ПОСКОЛЬКУ обе маневренные группы Черноморского флота, как и предполагал Р. Аккерман, расположились севернее-восточнее входа в Босфор, «Гебену» удалось незамеченным приблизиться к устью пролива. Тем временем «Бреслау» поднялся выше острова Фидониси, но утром 6 июля недостаток угля заставил корветтен-капитана В. фон Кнорра повернуть восвояси, так и не истребив здесь ни одного российского судна.

У Босфора к исходу 6 июля сложилась следующая обстановка. Линкор «Императрица Екатерина Великая» с тремя эсминцами (к «Счастливому» и «Беспокойному» присоединился «Громкий» под командованием капитана 2 ранга Ф.О. Старка) крейсировал западнее линии Босфор — Херсонес, восточнее держались «Императрица Мария» и миноносец «Быстрый» («Пылкий» и «Поспешный») ушли в Севастополь за мазутом и возвратились только днем 7 июля). Непосредственно перед устьем пролива находились подводные лодки «Нерпа» и «Морж».

«Нерпа» заняла назначенную позицию днем 3 июля и на следующий день уточнила расположение неприятельского фарватера, проследив за выходом из Босфора турецкого трехмачтового барка. 6 июля субмарина дважды — в 5 и в 7 часов — наблюдала «Екатерину», «Счастливого» и «Беспокойного», а в 9.30 смогла выйти в эфир и донести в штаб флота о том, что двумя днями ранее «в самом устье пролива запуталась в сеть, но благополучно освободилась»¹⁷. В полдень на «Нерпе» приняли радиограмму о местонахождении своих дредноутов, однако все это время старший лейтенант М.В. Марков ничего не знал о действиях «Гебена» и «Бреслау». В 21.40 6 июля возник пожар в аккумуляторной батарее, и на следующее утро «Нерпа» начала отход в Севастополь.

С «Моржа», который накануне утром приблизился к Босфору, в 3.20 был усмотрен линкор «Императрица Мария». В 8 ч открылся неприятельский берег, и в полдень, когда рассеялся утренний туман, лодка погрузилась под перископ и перешла в восточный сектор предпроливной зоны.

В половине пятого пополудни с субмарины был замечен неприятельский гидросамолет — один из трех аэропланов «Гота», вылетевших со станции Кавак для поиска подводных лодок на пути возвращавшегося «Гебена». Через полтора часа из пролива показали миноносцы «Муавенет-И Миллийе», «Нумуне-И Гамийет» и «Гайрет-И Ватанийе», высланные вице-адмиралом В. Сушоном для охранения дредноута. Командир «Моржа», опознавший турецкие эсминцы как «двухтрубные катера», повернул вслед за ними. В 18.55 старший лейтенант В.В. Погорельский¹⁸ увидел в перископ и силуэт самого «Гебена», который стоял в 60 каб от лодки под румелийским берегом носом на север — по-видимому, Р. Аккерман ожидал подхода кораблей эскорта.

Командир «Моржа» увеличил ход до самого полного и начал сокращать дистанцию, распорядившись приготовить к выстрелу все минные аппараты. Через четверть часа «Гебен» дал ход и двинулся к входу в пролив со скоростью 15 узлов, миноносцы охранения держались у его левого борта. Уже в 19.25 стало очевидно, что занять позицию торпедного залпа лодка не успеет. Меньше чем через полчаса в быстро опустившейся темноте «Гебен», не подозревавший о попытке русской субмарины выйти в атаку, миновал траверз маяка Румели-Фенер и втянулся в пролив. В 19.25 командир «Моржа», потеряв в темноте цель, повернул на курс отхода¹⁹. Его донесение о несостоявшейся атаке штаб флота получил только в ночь на 10 июля через станцию беспроволочно-

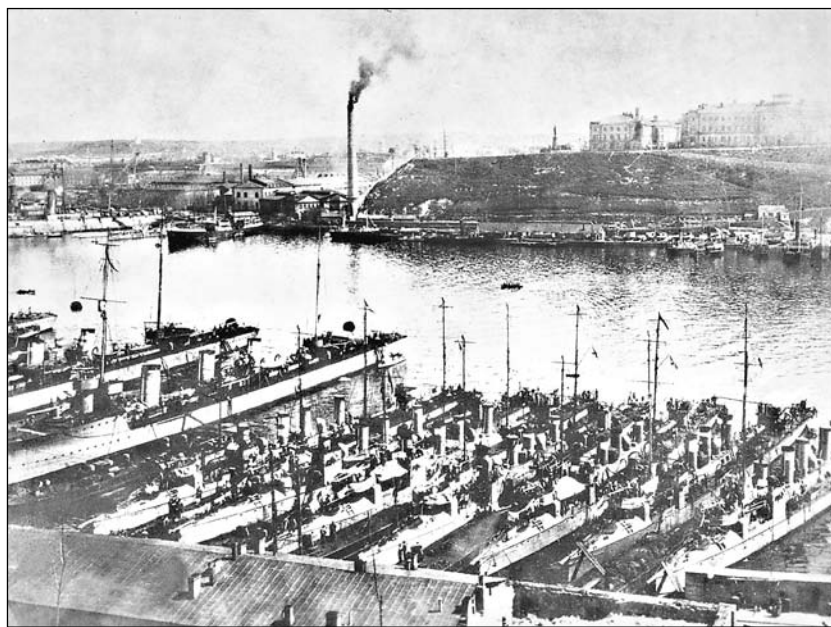
го телеграфа эсминца «Беспокойный», направленного в центральную часть моря в качестве корабля-ретранслятора²⁰.

Таким образом, из всех сил Черноморского флота, развернутых в предпроливную зону к 6 июля, лишь подводная лодка «Морж» обнаружилла неприятельский линейный крейсер и попыталась противодействовать его возвращению в базу. На следующий день не встреченный ни одним из русских кораблей в Босфор вошел и «Бреслау».

Днем 7 июля корабельная группа контр-адмирала Погуляева вступила под флаг командующего флотом. Адмирал Эбергард «по некоторым признакам получил убеждение, что «Гебен» уже зашел в Босфор», и принял решение возвращаться в Севастополь. В 10.30 8 июля оба дредноута и шесть эсминцев благополучно миновали боновые ворота главной базы, к 5 ч пополудни пришла «Нерпа».

Что же касается соединения вице-адмирала Новицкого, то оно возвратилось в Батум еще утром (9.30) 6 июля. Накануне между Трапезундом и Ризе 2-я линейная бригада была атакована неприятельской подводной лодкой «U-38», которая с дистанции 11 каб выпустила торпеду в «Пантелеймон». Однако капитан 1 ранга Э.С. Молас умелым маневрированием уклонился от мины Уайтхеда, а энергичный артиллерийский огонь линкора не позволил М. Валентинеру продолжить атаку.

«U-38» возвратилась в Золотой Рог только утром 13 июля, успев записать на свой боевой счет гос-

Минная бригада Черного моря в Южной бухте Севастополя

Подводная лодка «Морж»

питательное судно «Вперед» (транспорт № 120, 3534 брт) и транспорт «Флорида» (№ 72, 3228 брт). «УВ-14», так и не добившаяся успеха, вошла в Босфор 9 июля.

КОНФУЗИЯ Черноморского флота, который позволил безнаказанно возвратиться в Босфор зарвавшимся «Гебену» и «Бреслау», дала долгожданный козырь в руки руководителей Морского министерства и Морского штаба Верховного главнокомандующего, пытавшихся переложить ответственность за собственный «оперативный паралич» на Эбергарда и его штаб. Июльские события стали основным пунктом доклада адмирала А.И. Русина, убедившего императора в необходимости омоложения черноморского командования²¹.

Итак, в чем же заключались ошибки Эбергарда и его подчиненных?

Некоторые из них очевидны. Во-первых, штаб флота, бесспорно, с излишней нервозностью прореагировал на нападение неприятельских крейсеров на Туапсе и Сочи. Во-вторых, командиры соединений и кораблей недостаточно информировались об общей обстановке, а в некоторых случаях вовсе не имели сведений о действиях противника. Наконец, командование потеряло управление подводными лодками, развернутыми к устью Босфора, хотя присутствие в предпроливной зоне двух линейных кораблей давало командующему флотом такую возможность²².

Однако ответ на ключевой вопрос о темпах и направлении оперативного развертывания флота для перехвата кораблей противника видится не столь однозначным.

Прежде всего представляется весьма спорным тезис о «медленном... реагировании на данные разведки о выходе германских крейсеров»²³. Действительно, получив сведения о появлении «Гебена» и «Бреслау» в Черном море, адмирал Эбергард не спешил направить основные силы флота навстречу неприятелю. И, надо полагать, для такого ре-

шения у него имелись свои резоны. Во-первых, командование флота, наученное опытом предыдущих кампаний, имело основания с некоторым недоверием относиться к подобным агентурным донесениям. Во-вторых, полученная информация не позволяла выявить направление движения и намерения неприятеля, следовательно, русское командование не имело исходных данных для планирования ответных мер. Наконец, самой весомой причиной осторожности Эбергарда являлось опасение того, что противник демонстративными действиями выманивает русские дредноуты из Севастополя на маневренное минное заграждение, поставленное подводной лодкой.

Это предположение, строго говоря, оказалось ошибочным. «У-38» и «УВ-14» вышли из Босфора еще до того, как крейсерам была поставлена задача на диверсию в восточной части моря. Однако акцент, сделанный К.Ф. Кетлинским на подводную опасность как на важнейший фактор обстановки в районе главной базы, выглядит совершенно обоснованным. Неприятельские субмарины занимали позицию на подходах к Севастополю именно для срыва развертывания маневренных групп, прежде всего для уничтожения дредноутов, и атака «УВ-14» утром 4 июля стала лишним тому подтверждением.

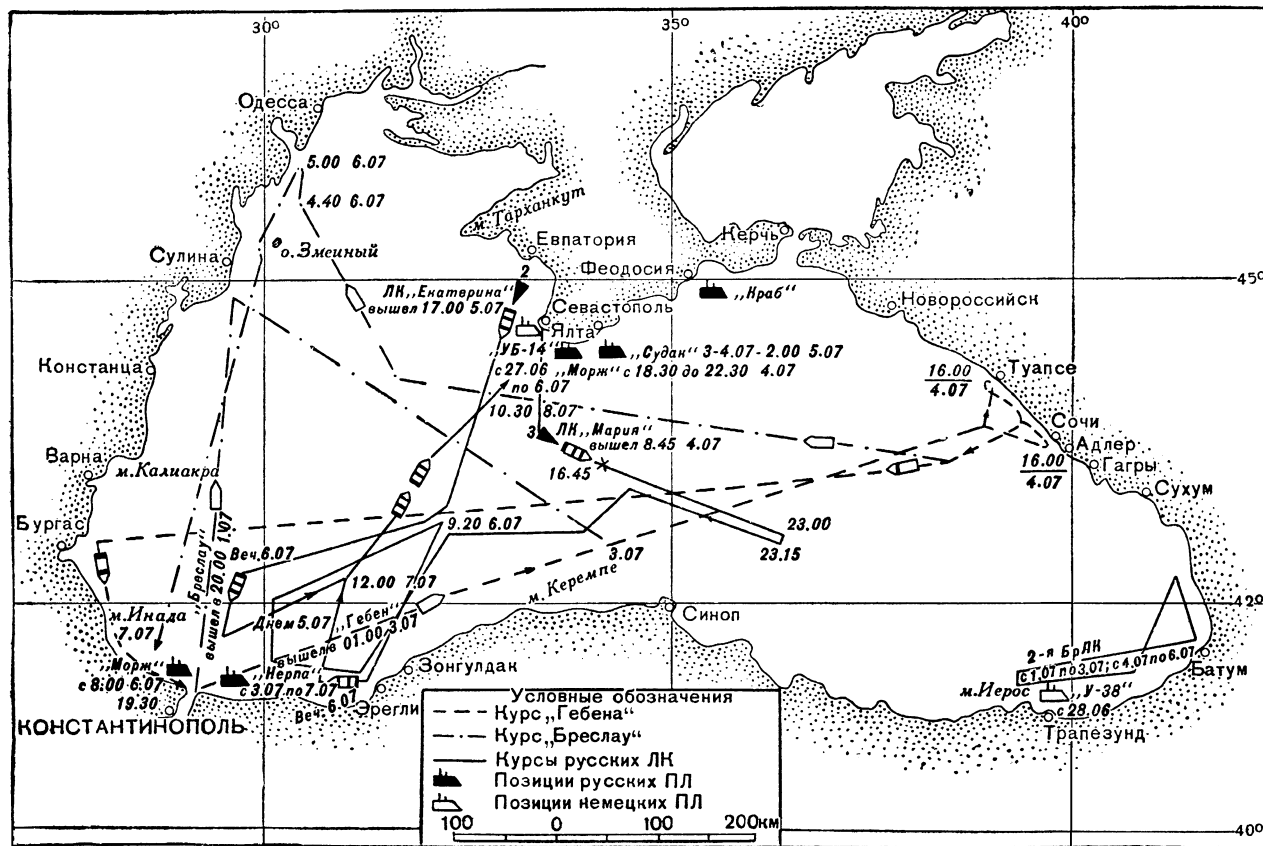
Тем не менее командующий флотом пошел на риск и направил в море линкор «Императрица Мария», выделив для его охранения все три боеготовых нефтяных эсминца. Как и предполагали операторы штаба, на внешнем рейде Севастополя соединение контр-адмирала Погуляева ждала германская подводная лодка, и лишь благодаря бдительности авиаторов атака «УВ-14» была сорвана.

Поэтому командующий флотом, памятуя о судьбе «Хога», «Абукира», «Кресси», «Паллады», «Енисея» и др., гибель которых была предопределена в значительной степени отсутствием противолодочного охранения, вышел в море на «Императрице Екатерине Ве-

ликой» только по готовности «Счастливого» и «Беспокойного». Но авторы доклада от 9 июля, не потрудившись разобраться в причинах этой задержки, поспешили объяснить ее неким «пассивным способом ведения войны».

Может возникнуть резонный вопрос: что же случилось с минной бригадой, почему новые эсминцы оказались не в состоянии выйти в море, когда в этом возникла столь острая необходимость? Для ответа на него приведем цитату из рапорта командующего флотом главноверху великому князю Николаю Николаевичу № 1043 от 11 января 1915 года: «Новый 1-й дивизион имеет машины не отработавшиеся, в которых часто случаются неисправности, выводящие миноносцы иногда совсем из строя (вываливание кладок в топках, нарушение питания нефтью или водой и т.п.). Личный состав на нем только знакомится с новыми турбинными двигателями (первыми в нашем флоте). Практически в боевых условиях район действия этих миноносцев при 12 узлах только 830 миль»²⁴. Несмотря на это, оперативное напряжение эскадренных миноносцев было совершенно непомерным. Осуществляя противолодочное охранение крупных кораблей, конвоируя транспорты, участвуя в минных постановках и самостоятельно действуя на неприятельских коммуникациях, корабли работали буквально на износ. Например, эсминец «Громкий» под командованием капитана 2 ранга Старка за период с 4 мая по 21 ноября 1915 года совершил 36 боевых походов, покрыв 14156 миль; некоторые миноносцы имели в месяц до 25 ходовых суток²⁵. Все же остальное время уходило на ликвидацию аварийных и боевых повреждений и регламентные работы.

Однако высокое начальство, видимо, полагало лишним вникать в подобные тонкости. Например, И.К. Григорович в своих воспоминаниях сетует на то, что «в Черном море... вместо боевых действий только якорная стоянка в Севастополе»²⁶. Известно, что у Григоровича сложились сложные отношения с Эбергардом еще в период их совместной службы в столице (в 1909—1911 гг. первый занимал посты товарища морского министра и затем министра, а второй возглавлял Морской Генеральный штаб). Но столь резкое высказывание высшего должностного лица, прекрасно осведомленного об истинном состоянии дел на действующих флотах, вызывает лишь недоумение. Еще

Развертывание сил Черноморского флота против германо-турецких крейсеров в июле 1916 г.

(Из книги «Флот в первой мировой войне». Т. 1)

более странно то, что причину пресловутой «полной инертности» черноморского командования министр усмотрел в происках «упрямого резонера» К.Ф. Кетлинского, но никак не в слабости легких сил флота, т. е. в проблеме, решение которой находилось в прямой компетенции руководителя морского ведомства.

Попробуем также определиться с направлением развертывания Черноморского флота. А.И. Русин и А.Д. Бубнов упрекают Эбергарда в том, что он своевременно не направил превосходящие силы к устью Босфора, т. е. сосредоточил свои основные усилия в неверном направлении. Но и эта претензия справедлива лишь отчасти. Предварительное развертывание корабельных групп Новицкого и Погуляева преследовало цель прежде всего прикрытия прибрежных коммуникаций в юго-восточной части моря. Последние, как вполне резонно полагали в штабе флота, являлись самым значимым, учитывая интенсивность войсковых перевозок у побережья Лазистана, и одновременно наиболее уязвимым объектом нападения неприятеля. Кстати, и сама Ставка в директиве от 4 июня 1916 года указывала командующему Черноморским флотом на необходимость содействовать приморскому флангу Кавказской армии и, в

частности, обеспечить пополнение и снабжение войск.

Но уже вечером 4 июля, когда выявилась ошибочность первоначального предположения о намерениях неприятеля, командующий флотом переразвернул силы для перехвата противника в предпроливной зоне. Таким образом, Эбергард сделал именно то, что задним числом предложили в Ставке. И никакого опоздания с сосредоточением сил, по существу, не было: оба дреднота заняли позиции на северо-восточных подходах к проливу к середине дня 6 июля, т. е. еще до того, как «Гебен» предпринял попытку войти в Босфор. Другое дело, что командир неприятельского крейсера, располагая сведениями о присутствии русских кораблей у побережья Гераклии, принял абсолютно обоснованное решение прорываться в пролив с другого — западного — направления и сумел незамеченным выйти к Босфору вдоль румелийского берега, избежав встречи с обеими «Императрицами».

В этой связи возникает еще один вопрос: мог ли Эбергард, в распоряжении которого находились два линкора и шесть миноносцев, перекрыть все подходы к устью Босфора? Напомним, что в Морском штабе главкомверха эту задачу полагали вполне выполни-

мой силами даже одной маневренной группы. Однако Русин и Бубнов упустили из виду два важных обстоятельства. Во-первых, угроза со стороны неприятельских подводных лодок не позволяла отпускать эсминцы от линкоров. Командующий флотом вынужден был держать вверенные ему корабли в двух компактных группах и, следовательно, не имел возможности осветить всю обширную предпроливную зону. Во-вторых, из-за минной опасности перед устьем Босфора корабли Черноморского флота никогда не пересекали 100-саженную изобату, т. е. не подходили к берегу ближе чем на расстояние от 10 до 20 миль (исключение составляли бомбардировки прибосфорских укреплений весной 1915 г., но в этих случаях ударные корабельные группы проводились в опасный район за тралями). Следовательно, блокирующие силы не могли контролировать прибрежные фарватеры, одним из которых и воспользовался «Гебен».

Все эти рассуждения, разумеется, относятся к светлому времени

суток. Ночью же нашим кораблям пришлось бы отходить мористее, чтобы не подставлять себя под атаки неприятельских миноносцев. Русин видел выход в постановке маневренного минного заграждения на пути возвращавшихся «Гибена» и «Бреслау», однако это могло решить проблему лишь при наличии достоверных сведений о маршруте кораблей противника, каковыми комфлот не располагал. А для того чтобы преградить минами все возможные пути в пролив, пришлось бы проводить крупномасштабную минно-заградительную операцию, которая требовала длительной подготовки, всестороннего обеспечения и, главное, огромного запаса мин, которыми арсеналы флота не располагали.

Вероятно, именно повышенной подводной опасностью в предпринятой зоне следует объяснить и преждевременный, как выяснилось впоследствии, отход «Марии» и «Екатерины» в базу. К вечеру 7 июля, когда запас топлива у полувинны эсминцев был на исходе, командующий флотом принял решение на свертывание сил, что и позволило «Бреслау» беспрепятственно возвратиться в Босфор.

ТАКИМ образом, оперативные решения адмирала Эбергарда, положенные в основу развертывания и поисковых действий Черноморского флота в первых числах июля 1916 года, имели вполне внятную, хотя и не всегда бесспорную мотивировку. Безусловно, просчеты и неверно представленные акценты присутствовали, однако они не носили принципиального характера. Коренные причины провала операции следует искать, как нам кажется, не столько в несостоятельности командующего и его штаба в управлении силами, сколько в слабости корабельного состава Черноморского флота, точнее, в несоизмеримости объема и сложности поставленной задачи, с одной стороны, и имевшегося в распоряжении комфлота наряда сил и средств — с другой. И тем не менее ярлык «бездарного и нерешительного командующего», присвоенный А.А. Эбергарду высшим морским начальством в июле 1916 года, в течение десятилетий омрачает репутацию боевого адмирала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все даты приводятся по новому стилю.

² См. подробнее: *Корсун Н.Г.* Первая мировая война на Кавказ-

ском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М.: Воениздат, 1946. С. 63—70.

³ *Лорей Г.* Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг.: Пер. с нем. М.: Воениздат, 1938. С. 305.

⁴ *Стахович Н.* Морские заметки // *Летопись войны 1914—15—16 гг.* № 99. 9 июля 1916 г. С. 1584.

⁵ **Новицкий Павел Иванович** (1857—1917) — вице-адмирал (1913). Мичман (1879), выпускник Артиллерийского офицерского класса (1882). Командовал миноносцем «Сухум» (1892—1893), транспортом «Пезуапел» (1899—1901), пароходом «Колхида» (1901), минным крейсером «Казарский» (1901—1903), канонерской лодкой «Уралец» (1902—1904). Флаг-капитан Практической эскадры Черного моря (1906), командир эскадренного броненосца «Андрей Первозванный» (1906—1907), флаг-капитан походного штаба командующего Отдельным практическим отрядом Черного моря (1907), командир линейного корабля «Двенадцать Апостолов» (1907—1908), крейсера «Память Меркурия» (1908—1909). Начальник штаба Севастопольского порта (1911), начальник штаба командующего морскими силами Черного моря (1911), начальник штаба Черноморской минной дивизии (1911—1912). Начальник бригады (1912—1914) и дивизии (1914—1916) линейных кораблей Черного моря. Начальник морских сил юго-восточной части Черного моря (1916), главный командир Севастопольского порта (1916—1917). Расстрелян матросами на Малаховом кургане в декабре 1917 г.

⁶ Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 609, оп. 1, д. 846, л. 75, 76.

⁷ Там же, ф. 870, оп. 5, д. 705, л. 15; *Лорей Г.* Указ. соч. С. 327.

⁸ РГА ВМФ, ф. 609, оп. 1, д. 870, л. 75, 76.

⁹ Цит. по: *Шломин В.С.* Боевые действия русского Черноморского флота в кампанию 1916 года (рукопись). Л., 1955.

¹⁰ **Погоуляев Сергей Сергеевич** (1875—1941), выпущен из Морского кадетского корпуса в 1894 г. мичманом в Балтийский флот. Адьютант управляющего Морским министерством (1902), морской агент во Франции, Бельгии, Испании и Португалии (1906). Старший офицер крейсера «Адмирал Макаров» (1910), командир эсминца «Капитан Сакен» и флигель-адъютант в 1911 г. С осени 1913 г. — на Черном море в должности командира крейсера «Кагул». С февраля 1916 г. — начальник 1-й бригады линейных кораблей с производством в контр-адмиралы и зачислением в Свиту Е.И.В. Начальник штаба флота Черного моря (октябрь 1916 г. — апрель 1917 г.). Председатель комиссии по расследованию обстоя-

тельств гибели броненосного крейсера «Пересвет» (лето 1917 г.). В 1918—1919 гг. — во французской службе в чине контр-адмирала с причислением к Морскому генеральному штабу. С 1919 г. — начальник Управления по делам русских военных и военнопленных за границей. В эмиграции жил в Париже.

¹¹ РГА ВМФ, ф. 609, оп. 1, д. 898, л. 211.

¹² Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 2008, оп. 1, д. 183, л. 182.

¹³ РГА ВМФ, ф. 716, оп. 1, д. 184, л. 9.

¹⁴ Флот в первой мировой войне / Под ред. Н.Б. Павловича. М.: Воениздат, 1964. Т. 1. С. 488.

¹⁵ Цит. по: *Шломин В.С.* Указ. соч.

¹⁶ *Langenspiepen B., Nottelmann D., Krüsmann J.* Halbmond und Kaiseradler: Goeben und Breslau am Bosphorus 1914—1918. Hamburg — Bonn — Berlin: Verlag E.S. Mittler & Song GmbH, 1999. S. 138.

¹⁷ Речь, по-видимому, шла об обрывке рыболовецкой сети, поскольку единственное в Босфоре противолодочное сетевое заграждение располагалось в 4 милях южнее и, следовательно, ниже по течению между фортом Телли и Маджарской банкой.

¹⁸ **Погорецкий Владимир Владимирович** (1885—1970) — выпускник Морского кадетского корпуса (1905) и Офицерского класса подводного плавания (1909). В 1915—1916 гг. — командир подводной лодки «Морж». В белом Черноморском флоте командовал подводной лодкой «Тюлень», подводным дивизионом, был морским агентом в Англии. Капитан 1 ранга (1920). В 1921—1922 гг. — в Сибирской флотилии. Эмигрировал в Шанхай, в годы Второй мировой войны служил в английском флоте в Индии. Умер в Ванкувере (Канада). Кавалер Георгиевского оружия (1915) и ордена Св. Георгия IV ст. (1917).

¹⁹ РГА ВМФ, ф. 609, оп. 1, д. 898, л. 314, 315.

²⁰ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 555, л. 135 об.

²¹ См.: *Козлов Д.Ю.* «Обвинительный акт» адмиралу Эбергарду // *Воен.-истор. журнал.* 2003. № 10, 11.

²² Показательно, что 8 июля оба русских дредноута наблюдали свои подводные лодки, но приняли их за неприятельские.

²³ Флот в первой мировой войне. Т. 1. С. 491.

²⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 550, л. 152 об.

²⁵ *Чириков Н.С.* Минная война в Черном море (рукопись). Париж, 1938. С. 49.

²⁶ *Григорович И.К.* Воспоминания бывшего морского министра. СПб.: Дева, 1993. С. 185.

**Капитан 2 ранга
Д.Ю. КОЗЛОВ,
кандидат исторических наук
(Москва)**

«ОФИЦЕРА, НЕ УМЕЮЩЕГО ДЕРЖАТЬ СЕБЯ, ПОЛК НЕ ПОТЕРПИТ В СВОЕЙ СРЕДЕ»

*...Исчезни, пламень мой,
Когда я вас забуду,
Свободные друзья!
Вот вам рука моя,
Что свято помнить буду
Союз сердец святой.*

В.Ф. Раевский

Забытые традиции русского офицерского корпуса

Законы офицерской чести и достоинства нельзя вписать в уставы, наставления и учебники. Они были выстраданы, скреплялись кровью, проверялись в сражениях и испытывались временем, а потому и свято соблюдались людьми в офицерских мундирах. Актуальным проблемам воспитания и обучения офицерских кадров, восстановления престижа профессии, возрождения утраченных традиций чести и достоинства русского офицера посвящена книга кандидата исторических наук полковника В.Е. Морихина «Традиции офицерского корпуса России». Вниманию читателей предлагаем главу из книги, в которой рассматриваются вопросы корпоративной чести: солидарности в отстаивании чести мундира, достоинства офицерского звания и требований справедливости, дружбы и товарищества, а также рассказывается об истории создания офицерских собраний.

РОССИЙСКИЙ офицерский корпус очень высоко ценил свою внешнюю корпоративную честь. «На корпоративном духе, — писал К. Клаузевиц, — легче нарастают кристаллы воинской доблести»¹.

Положение в обществе, та миссия, которая возлагалась на армию и ее офицерский корпус, определяли особый статус офицеров, а это в свою очередь приводило к укреплению корпоративного духа в офицерской среде.

В 1902 году «Вестник иностранной военной литературы» писал: «Офицеры представляют из себя единый сплоченный корпус: "Одна рука, один дух, одно тело!" И многочисленные члены этого большого тела соединены одной общей связью, составляющей внутри его связующую нить, а извне — крепкую стену, и связь эта именуется у нас товариществом»².

Корпоративность в офицерской среде требовала соблюдения многих правил, ставших традициями. Прежде всего это **признание обществом офицеров ответственности за поступки каждого своего товарища.**

Весьма примечательный эпизод в связи с этим приводит

князь В.С. Трубецкой в своих «Записках кирасира». Рассказывая о прибытии молодых офицеров, он цитирует слова старшего офицера полка, обращенные к ним: «Господа, Кирасирский полк оказал вам великую честь, приняв вас офицерами в свою среду. Вчера вы надели офицерские погоны Кирасирского полка. Я — ваш старший полковник — требую от вас, чтобы, где бы вы ни находились, вы ни на минуту не забывали, что у вас на плечах офицерские знаки нашего полка... Эти погоны обязывают всякого, кто имеет честь их носить, к достойным поступкам, порядочности и приличию. Помните, что в глазах общества и света всякий ваш неблагоприятный поступок или даже жест будет приписан не только вашей личности, сколько всему полку, потому что полк, принявший в свою среду офицера, тем самым гарантирует его порядочность и воспитанность. Офицера, не умеющего ограждать свое достоинство и достоинство полка, офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде.

Теперь относительно денежных дел... (я говорю об этом с вами в первый и, надеюсь, в последний раз). Я требую от вас в этом вопросе высшей щепетильности. Полк требует от своих офицеров, чтобы они жили прилично, но... если у вас нет для этого средств, постарай-

тесь сами скорее покинуть полк. Жизнь выше средств, неоплаченные счета, долги и векселя — все это в конце концов приводит офицера к совершению неблагоприятных, даже бесчестных поступков. Запомните это и делайте отсюда сами надлежащие выводы. Это ясно... Но я лично вас предупреждаю: первый же неблагоприятный или неприличный поступок и, даю вам честное слово, вам придется в двадцать четыре часа покинуть полк... Да, господа... полк этого не потерпит и никому не простит, кто бы он ни был и какими бы связями он ни обладал»³.

Офицер, который не вступил бы в нужную минуту за однополчанина, не был терпим в полку. Поэтому важной традицией стала **солидарность в отстаивании чести мундира, достоинства офицерского звания и требований справедливости в отношении членов корпорации.**

После войны 1807 года офицеры Выборгского мушкетерского полка вернули при рапортах присланные им золотые Прейсиш-Эйлауские кресты, заявив, что они не примут награды, пока не будет награжден достойно их товарищ капитан Тимофеев...

...В 1813 году, вскоре после Кульмского сражения, на одном из переходов цесаревич Константин Павлович, проезжая

Печатается по кн.: Морихин Владимир. Традиции офицерского корпуса России. М.: Книжно-журнальное изд-во «Граница», Гала-Пресс, Кучково поле, 2003.

мимо колонны кавалергардов, увидел, что один из офицеров полка полковник В.И. Каблуков едет в строю вопреки уставу в фуражке, а не в каске...

Возмущенный брат императора подсакал к Каблукову, сорвал фуражку и, наговорив резкостей, двинулся дальше. А между тем полковнику, раненному под Аустерлицем тремя сабельными ударами в голову и двумя штыковыми в бок, приказом по полку разрешалось носить в строю фуражку. Однополчане знали об исключении для старого рубаки, а вот член царской семьи, видимо, запамятовал.

Вечером на бивуаке Каблуков объявил однополчанам, что собирается подать рапорт об отставке. Все офицеры, возмущенные выходкой цесаревича, подали по команде аналогичные рапорта. Из солидарности к ним присоединился командир полка генерал-майор Н.И. Депперадович и шеф кавалергардов генерал Ф.П. Уваров. Это известие дошло до императора Александра I.

Через несколько дней цесаревич проводил смотр полку. После многочисленных перестроений, эволюций на «поле боя» Константин Павлович собрал офицеров и сказал, что считает себя виновным в нанесении незащищенной обиды «полковнику и доблестному кавалеру Каблукову и сверх доблестному Кавалергардскому полку», признал, что всему виной его чрезмерная горячность, просил извинить его и забыть сей прискорбный случай. «А если, — добавил Константин Павлович, — кто-нибудь из офицеров останется этим недоволен, то я согласен дать каждому личную сатисфакцию».

От имени полка Каблуков ответил, что кавалергарды вполне удовлетворены словами цесаревича и со своей стороны просят забыть это происшествие.

Конечно, победителем из этого конфликта вышел не только Каблуков, но и весь офицерский состав, ставший на пути хамства. Каждый кавалергард понимал, что, не вступившись за товарища, завтра сам может оказаться жертвой подобной оскорбления.

ВЫСОКО почитались в офицерском обществе традиции **дружбы и товарищества, готовности каждого члена корпорации при-**

ти на помощь товарищу, нуждающемуся в ней. В «Очерках современного офицерского быта» генерала Н.Д. Бутовского подчеркивалось, что «в армии не должно быть розни или стремления к аристократизму: всякий офицер, раз он состоит на службе и имеет честь носить воинский мундир, непременно должен чувствовать, что он дорогой товарищ каждому офицеру своей армии независимо от родов оружия и петлиц»⁴.

Проявлялась дружба офицеров даже в, казалось бы, незначительных вещах: больного офицера обязательно навещали не только товарищи, но и начальники. Кстати, по существовавшей традиции в период боевых действий обер-офицеры, если у них не было свободных денег, лечились от ран в военных лазаретах. Штаб-офицеры и генералы лежали на частных квартирах в более комфортных и благоприятных условиях.

В случае крайности офицеры даже складывались и платили денежный долг товарища, который впоследствии им этот долг возвращал. Подобных примеров можно привести множество. В ноябре 1827 года... майора В.Ф. Раевского из крепости Замостье (в Польше) отправляли в Сибирь на поселение. Когда повозка приблизилась к повороту на большую дорогу, то вдруг слышалось требовательное:

— Остановитесь!

Через минуту к повозке подбежал запыхавшийся офицер и, бросив на руки Раевскому шубу, сказал:

— Вам будет холодно в одной шинели...

Раевский на минуту растерялся. Но тут же спрыгнул с повозки, спросил:

— Кто вы? Как ваша фамилия?

— Подпоручик Коняев. Носите на здоровье!⁵

В армии свято чтился суворовский наказ: «Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают. Сам погибай, а товарища выручай!»

Примером истинного товарищества в офицерской среде являлся генерал М.Д. Скобелев. «Как-то после третьей Плевны⁶, — вспоминал известный русский публицист В.И. Немирович-Данченко, — шел Скобелев по Бухаресту. Поравнялся с офицером... Худой, в пыли весь, все старое на нем, отрепано...

— Какого полка?

Тот сказал.

— Что же вы здесь делаете?..

— Обедать приехал... Наголодались мы на позиции-то...

— Где же вы обедать будете?

— Да... не знаю... Совался я... Дорого, помилуйте... Невозможно даже... Да и как войдешь-то... в хороший ресторан стыдно и показаться...

— Вот еще. Чего же стыдиться? Трудов да боевых лишений?.. Пойдем со мною.

Берет его под руку, ведет к Брофту, угощает... Рекомендует знакомым.

Сытый и довольный выходит офицер... Придя домой, в жалкий отелишко, где остановился, застает пакет от Скобелева.

«Обедая, вы позабыли около своей тарелки восемь полуимпериалов... Денег терять не следует. Посылаю их к вам!.. М. Скобелев»⁷.

Понятно, какое впечатление все это производило на молодежь. Да и не только на молодежь. И подтверждений тому множество.

Офицера, смертельно раненого, приносят на перевязочный пункт. Доктор осматривает его — ничего не поделаешь... Конец должен наступить скоро.

— Послушайте, — обращается несчастный к врачу. — Сколько времени мне жить?

— Пустышная рана, — начал было тот по обыкновению.

— Ну... довольно. Я не мальчик, меня утешать нечего. Сам понимаю... Я один — жалеть некогда... Скажите правду, сколько часов проживу?

— Часа два-три... Не нужно ли вам чего?

— Нужно.

— Я с удовольствием исполню...

— Скобелев далеко?..

— Шагах в двухстах...

— Скажите ему, что умирающий хочет его видеть...

Генерал дал шпоры коню, подъехал. Сошел с седла... В глазах у раненого уже затуманилось...

— Как застывает... Генерал где?.. Не вижу.

— Я здесь... Чего вы хотите?

— В последний раз... Пожмите мне руку, генерал. Вот так... Спасибо!..⁸

Как-то на улице Скобелев встретил одного из прежних своих подчиненных, уже в отставке... Тот окончил войну в ма-

лом чине, и, по-видимому, судьба не особенно ему благоприятствовала. Скобелев обещал помочь. И вот по воспоминаниям того же В.И. Немировича-Данченко, встречается он этого офицера уже на похоронах генерала. Одет с иголки... Видимо, судьба, на которую он так пенял, уже изменилась к нему.

— Это все он... я и не знал ничего... Только приезжает ко мне здешний* и говорит: «Сегодня получил я письмо от Скобелева, он рекомендует вас. Этого мне достаточно...» И разом предложил место... Я теперь совсем доволен. Третьего дня узнал, что он приехал, собрался идти благодарить, и вот... Это, знаете, последний... Боевой товарищ... Именно товарищ, хотя я поручик, а он полный генерал. Таких уж нет...⁹.

Офицерская корпоративность не допускала разглашения фактов, имевших место в офицерской среде. Эта традиция была свята. Можно привести довольно любопытный случай из воспоминаний князя Владимира Сергеевича Трубецкого о проведении одного общего собрания офицеров, подтверждающий данную традицию: «Собрание это хорошо сохранилось у меня в памяти. Дело касалось полковой чести, а на таких собраниях командир не присутствовал. Полковой командир, хотя и носил нашу кирасирскую форму, однако, как бывший кавалергард, то есть выходец из чужого полка, не считался коренным Синим кирасиром. Посему традиция официально не позволяла ему участвовать в обсуждении интимных и деликатных полковых вопросов, касающихся тесной офицерской корпорации полка. С решениями же общих собраний полка командир обязан был считаться, даже если они шли вразрез с его личными желаниями. Таково уж было положение в гвардии»¹⁰.

ТРАДИЦИИ товарищества в офицерской среде не допускали злословия и сплетен. По свидетельству современников, в те годы не каждый решился бы говорить дурно о товарище, хотя бы и не прямо в лицо. Клеветать заочно и распространять клевету намеками — это означало утратить уважение офицерской семьи. «Еще же

стыда достойное в молодых людях свойство, когда они привыкнули из дому в дом новые переноски досады и гадкие доиски причиняют; ежели он единожды в том будет пойман, то уже хорошей славы на век лишится и таковые ошибки никоим образом поправлены быть не могут»¹¹.

В справочной книге «Первые шаги молодого офицера», изданной в 1907 году, указывалось: «Сплетня является всегда под личиной участия, простодушия или злой насмешки, а потому оскорбительно действует на самолюбие. Человек с достоинством никогда не решится быть передатчиком сплетен, да и сами сплетни при передаче часто совершенно изменяют тот смысл, с которым были сказаны, а между тем они ссорят, раздражают самых достойных людей. Сплетни следует выслушивать хладнокровно и в то же время попросить лицо, их передавшее, повторить то же самое при том, кого обвиняет в сплетнях. Это самое лучшее средство прекращать подобное зло»¹².

Полным презрением в офицерской среде пользовались **доносительство и предательство**. Когда арестовали одного из первых декабристов (еще до восстания 1825 года) майора В.Ф. Раевского, судьба одного из руководителей Южного тайного общества генерал-майора М.Ф. Орлова, да и всего общества была всецело в его руках. Стоило ему только дрогнуть перед судом, и тогда организация заговорщиков была бы раскрыта. Полковник П.И. Пестель и его ближайшие помощники были настороже, хотя и верили в добродетельность и мужество Раевского. Вскоре на волю к друзьям полетело стихотворение заключенного, в котором были слова заверения:

Скажите от меня Орлову,

Что я судьбу мою сурову

С терпением мраморным сносил,

Нигде себе не изменил»¹³.

Подпоручик князь Вяземский не согласился подписать ложные показания, и его посадили на гауптвахту с угрозами, что он «пробудет там три года». Вяземский три месяца находился на гауптвахте. За отказ показывать против того же Раевского был разжалован в рядовые поручик Ревазов. Кавалергардский полковник граф Зубов не пожелал

присутствовать при наказании декабристов: «Это мои товарищи, и я не пойду!»¹⁴.

ОСОБОЕ место в жизни офицеров отводилось **офицерскому собранию**. Оно являлось важнейшим инструментом поддержания дружеских отношений между офицерами, что способствовало развитию корпоративности в офицерской среде. В России военные собрания (клубы) возникли во второй половине XVIII века. Сохранились сведения о «Клубе штаб- и обер-офицеров Новгородского пехотного полка» в Тихвине (город в Ленинградской области), созданном в 1779 году, и о «Военном клубе», располагавшемся в «Перкиновом доме № 82» в Петербурге (1782 год).

В 1824 году по распоряжению генерала от артиллерии графа А.А. Аракчеева в войсках и особенно в появившихся военных поселениях было приказано устроить библиотеки и «офицерские ресторации», послужившие прототипом военных или Офицерских собраний. В «офицерских ресторациях» строго запрещалось «иметь горячие напитки», «вовсе употреблять шампанское вино», брать по «записи». Однако предоставлялась возможность иметь «дешевый стол», «для большего удовольствия» устраивать собрания с музыкой, скромную игру в «бостон, вист и пикет, в шашки, в шахматы», а приезжим разрешалось «останавливаться с удобствами в покоях».

В 1841 году в крепости Динабург (ныне город Даугавпилс в Латвии) открылось «благородное собрание», переименованное в 1864 году в «динабургский офицерский клуб».

В начале шестидесятых возник кружок инженерных офицеров, который регулярно собирался в Петропавловской крепости, в особо отведенном для него помещении. Его участники обсуждали военно-технические вопросы. По образцу этого кружка в 1864 году в селе Медведь Новгородской губернии образовался «саперный офицерский клуб», который был не только аудиторией для научных занятий, но и местом, где офицеры 1-й саперной бригады в свободное время «собирались для отдыха, для развлечений и пользовались столом».

В 1869 году мысль об устрой-

* Так в тексте. — Прим. автора.

стве военных (офицерских) собраний в войсках заинтересовала Военное министерство. Была учреждена комиссия по образованию в войсках «подобных собраний и военных библиотек». Работа ее шла настолько успешно, что через два года военные собрания были открыты во многих частях Варшавского, Виленского и Финляндского военных округов. «Общие офицерские столы» получили распространение и во время выхода частей в лагерь. Это позволяло удешевить жизнь офицеров, и к тому же они становятся чуть ли не единственным местом, где могли собираться и их семьи.

Важной вехой в истории офицерских собраний является 1873 год, когда впервые публикуется «Положение об офицерских собраниях». В 1874 году офицерские собрания были открыты во всех дивизиях. Все они имели свои уставы и полномочия, нередко с существенными отличиями. Поэтому в 1881 году приказом командующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа вводится «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск»¹⁵.

Традиция, родившаяся в офицерской среде, приобрела форму закона, обязательного для всего офицерского корпуса, хотя и с сохранением своей традиционной сути. Целями создания офицерских собраний являлись: укрепление корпоративного духа офицеров в частях, утверждение и поддержание должных товарищеских отношений; содействие развитию и совершенствованию среди офицеров военного образования; поддержание офицеров материально; организация отдыха и досуга. В офицерском собрании размещались столовая, библиотека, фехтовальные и гимнастические залы, бильярд, тир, игровые комнаты и другое, так необходимое, особенно для офицеров-холостяков.

Офицерское собрание, представляя собой единое целое с частью, находилось в прямом ведении ее командира, который и состоял его председателем. Все штаб- и обер-офицеры, служащие в части, а также прикомандированные обязательно являлись членами офицерского собрания. Причем по традиции

почетными членами собрания являлись бывшие командиры, которым был пожалован мундир части. Врачи и чиновники военного ведомства, находившиеся в штате части, не могли состоять членами собрания, но имели право его посещать. Женщины допускались только специальным решением общего собрания.

«Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» определяло следующие права и обязанности членов собрания: участвовать в голосовании (общем собрании); быть выбранным в распорядительный комитет и для заведования одним из отделов хозяйства; посещать собрание, а также пользоваться столовой, библиотекой, играми и всем, «что будет устроено в собрании для занятий и развлечений»; заносить в книгу свои заявления относительно хозяйственных распоряжений и «излагать мнения, клонящиеся к благоустройству собрания»; «вводить в собрание свое семейство и знакомых».

Хозяйственной частью офицерского собрания заведовал распорядительный комитет, число членов и кандидатов которого определялось командиром части. Члены распорядительного комитета (три—четыре человека и один кандидат) избирались из офицеров, прослуживших не менее пяти лет в офицерских должностях. Председательствовал в комитете старший по званию. Для непосредственного заведования отделами хозяйства (заведующего столовой — «хозяина», библиотекой и другими) общим собранием избирались офицеры, прослужившие не менее трех лет в офицерских должностях. Все они входили также в распорядительный комитет. Офицеры, в первый раз избранные в члены и кандидаты распорядительного комитета, не могли отказываться от участия в нем без особо уважительной причины. Выборы проходили закрытым голосованием, претенденты должны были получить не менее 2/3 голосов присутствующих. Срок полномочия распорядительного комитета определялся, как правило, на один год.

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ интерес представляет экономическая организация офицерских собраний, функционировавшая на средства, поступа-

ющие из различных источников: сумм, отпускаемых из государственной казны на улучшение общественного быта офицеров; взносов членов собрания; денег, поступающих за игры, от посещений для приезжих и т. д. Размеры членских взносов определялись общим собранием офицеров и утверждались командиром части. Денежные штрафы в офицерских собраниях не допускались, за исключением штрафов по библиотеке, а также за порчу вещей, мебели, «битье посуды и прочее». Не устанавливалась и плата за вход в собрание. Например, вступительный взнос вновь прибывшего офицера в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку составлял 500 рублей, в Измайловском пехотном полку — 100 рублей. Кроме того, ежемесячно офицер платил в виде взносов еще по 3 рубля.

Уставом офицерского собрания того же Гродненского гусарского полка вступительный взнос распределялся следующим образом: на приобретение столового серебра — 75 рублей; на нужды собрания — 100 рублей; на библиотеку — 25 рублей; на обстановку — 300 рублей. В конечном итоге деньги набирались немалые.

Жизнеспособность офицерских собраний определялась, по-видимому, и тем, что среди офицеров было не так уж много семейных. Поэтому деятельность столовых и буфетов в офицерских собраниях по вполне понятным причинам выглядела весьма привлекательно.

Цены здесь были на 10—20 проц. ниже, чем в общей торговле, а время работы определялось общим собранием офицеров. Например, в Гродненском гусарском полку завтрак из двух блюд стоил 75 копеек, а обед из четырех блюд — 1 рубль. Для сравнения — обед в ресторане обходился от 6 до 9 рублей.

Особой трезвостью нравы тех лет не отличались, но и злоупотребление спиртным не поощрялось. Во всяком случае и здесь все делалось только по разрешению командира или старшего по званию в собрании.

Столовая (буфет) в офицерском собрании находилась или в непосредственном заведовании «хозяина», или сдавалась на определенных условиях в аренду частному лицу.

Постоянное участие в общем столе не было обязательным для членов собрания, но командир части поощрял это для сближения офицеров.

Помещения офицерских собраний хорошо оборудовались: размещались портреты героев, служивших в части, картины, альбомы, полковые реликвии, создавался уют и домашняя обстановка. Вот как выглядело собрание по описанию очевидцев. «Оно (собрание) помещалось против казарм в большом новом и элегантном двухэтажном особняке с большими зеркальными окнами. Мы прошли роскошную переднюю с ливрейным швейцаром, просторный холл с парадной лестницей, уютно обставленную библиотеку, зимнюю столовую с красовавшимися на стенах кабаньими и лосиными головами и массивным резным буфетом, на котором сверкали разные серебряные братины и *surtouts des tables* (декоративные серебряные вазы). Столовая выходила в роскошный, но довольно безвкусный грот. Далее мы прошли огромную белую парадную залу с голубыми шторами и большим портретом императрицы Марии Федоровны в золотой раме и, наконец, очутились на длинном балконе, где к завтраку был на-

крыт большой стол, блиставший белоснежной скатертью и изобиловавший массивными серебряными графинами, солонками и прочей серебряной столовой утварью и приборами»¹⁶.

На офицерских собраниях проводились разборы учений, решались тактические задачи, читались лекции, делались различные сообщения, проходили беседы и т. д. Разрешались игры: шахматы, бильярд, домино, кегли и др. Из карточных игр допускались только коммерческие, причем на наличные деньги, а все азартные¹⁷ игры строго воспрещались.

Вот как об этом пишет в своей книге «Две жизни» генерал-лейтенант А.А. Самойло: «Играли в карты: молодежь — в рамс, генералы — в преферанс; изредка танцевали под музыку военного оркестра. Вечера заканчивались ужином «*a la fourchette*» (т.е. сидя, стоя, где кто хотел) без вина...»¹⁸.

Частными правилами определялся порядок и время пользования играми, плата за них. Время открытия и закрытия помещения собрания определялось командиром части, но практически оно было открыто почти круглые сутки. В офицерских собраниях проводились и семейные вечера: танцевальные, му-

зыкальные и домашние спектакли (маскарады не разрешались).

Офицерское собрание сплачивало командный состав полка, воспитывало в офицерах уважение друг к другу. Вот почему офицер, получивший приказ о переводе, покидал родной полк с большим сожалением.

Насколько важное значение имели собрания для офицеров, говорит тот факт, что даже во время военных действий офицеры умудрялись их устраивать в полевых условиях. В письме матери в феврале 1916 года прапорщик А. Жиглинский писал: «Побывайте в собрании любого из полков, любой бригады! Узкая, длинная землянка, стены обшиты досками и изукрашены национальными лентами, вензелями и гирляндами из елок. Душно, накурено. Офицерство попивает чай, играет в карты, в разные игры вроде скачек, «трик-трак» и т.д. Шахматы, шашки... В одном углу взрыв смеха — там молодой артиллерист тешит компанию сочными анекдотами. Веселый, тучный полковник с Георгием прислушивается, крутит головой, улыбаясь между ходом партнера и своим. Вот он же затягивает своим симпатичным, бархатным баритоном «Вниз по Волге-

ХРОНОГРАФ

1 января 1924 года вышел в свет первый номер газеты «Красная звезда». Газета награждена орденом Ленина (1965), орденами Октябрьской Революции (1974), Красного Знамени (1945), Красной Звезды (1933), ныне является центральным органом Министерства обороны Российской Федерации.

1 января 1944 года впервые по радио исполнялся Государственный гимн Советского Союза.

2 января 1942 года закончилась Керченско-Феодосийская десантная операция, проводившаяся с 25 декабря 1941 года войсками Закавказского (с 30 декабря 1941 г. — Кавказского) фронта совместно с силами Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Целью операции было овладеть Керченским полуостровом и создать условия для освобождения Крыма. Замысел операции состоял в том, чтобы силами Закавказского фронта (генерал-лейтенант Д.Т. Козлов), Черноморского флота (вице-адмирал Ф.С. Октябрьский) и Азовской военной флотилии (контр-адмирал С.Г. Горшков) высадить десант в район Керчи и в Феодосийский порт, окружить и уничтожить керченскую группировку противника. Переход десанта (41 930 человек, 43 танка, 198 орудий и 256 минометов) морем и его высадка на керченский берег проходили в чрезвычайно сложных условиях: бушевал шторм, у берегов обра-

зовалась кромка льда, не было средств для высадки войск и тяжелой техники на необорудованный берег (высадка десанта в Феодосийский порт производилась с боевых кораблей). И все же десант высадился успешно: 29 декабря была занята Феодосия, 30-го — Керчь. 2 января 1942 года к исходу дня войска Кавказского фронта продвинулись на 100—110 км и очистили от противника Керченский полуостров. На захваченном плацдарме в дальнейшем были развернуты войска Крымского фронта.

5 января 1944 года началась Кировоградская операция войск 2-го Украинского фронта (генерал армии И.С. Конев). Замысел операции состоял в том, чтобы силами трех общевойсковых армий (53, 5 и 7-я гвардейские) во взаимодействии с танковыми и механизированными войсками (5-я гвардейская танковая армия, 5-й гвардейский и 7-й механизированный корпуса) обойти Кировоград с северо- и юго-запада, окружить и уничтожить кировоградскую группировку противника. На направлениях главных ударов советские войска превосходили противника по пехоте в 3—5 раз, по орудиям и минометам — в 3,5—8 раз. В первый день наибольшего успеха добились 53-я и 5-я гвардейская армии, наступавшие совместно с 5-м гвардейским и 7-м механизированным корпусами севернее Кировограда. 8 января войска фронта освободили Кировоград. На направлении вспомогательного удара 52-я и 4-я гвардейские армии к 10 января продвинулись

Все даты приводятся по новому стилю.

реке», и тотчас десяток-другой голосов подхватывает: «...выплывали стружки...» Поет и седой генерал, и молодой прапор... За длинным самодельным белым столом сидит «не случайная компания, а милая, хорошая семья. Главное — дружная... Соединила всех не попойка, не общее горе — всех нас соединил долг и общее дело...»¹⁹.

ВАЖНЫМ элементом сплочения офицерского коллектива являлись общие собрания офицеров части, являющиеся высшим органом офицерского собрания. Они проводились с разрешения командира части, о чем объявлялось в приказе с указанием дня, времени и вопросов, выносимых на обсуждение. Право вынесения вопросов для обсуждения на общих собраниях имел командир части. Обсуждались вопросы службы, быта офицеров, материальной обстановки, чести и достоинства, установления денежных взносов на нужды офицерского собрания, выборы в распорядительный комитет, выборы членов суда общества офицеров (суда чести), комиссии, заведующей офицерским заемным капиталом и др.

Общее собрание назначалось в дни, свободные от службы, и

присутствие офицеров на нем было строго обязательно. Никто из них не имел права оставить собрание до его закрытия, уклониться от участия в общем голосовании или передать свое право голоса другому. Вел собрание председатель, каждый раз назначаемый командиром части из числа штаб-офицеров. Вопросы решались открытым голосованием, большинством присутствующих, за исключением выборов на различные должности (в распорядительный комитет, суд общества офицеров и т.д.), которые проводились закрытым голосованием, и результаты объявлялись приказом по части, причем командир части не имел права изменить решение собрания по выборам.

Офицеру предоставлялось право посещения офицерского собрания любой части, но чаще всего каждый предпочитал посещать лишь свое полковое.

В офицерских собраниях, кроме обычных правил приличия, должны были точно соблюдаться все требования дисциплины. Старший в чине из офицеров, находящихся в офицерском собрании, обязан был наблюдать за исполнением всех правил собрания. При несоблюдении кем-либо этих правил каждый офицер, если напоминание оказы-

валось недейственным, обязан был доложить об этом старшему, распоряжения которого имели силу приказа.

ВЕСЬМА строгими были правила допуска в офицерские собрания лиц, не являющихся их членами. Офицер нес моральную ответственность за того, кого он вводил в собрание, и не имел права покинуть собрание, пока там находились приглашенные им лица. Как правило, офицер представлял приглашенного другим офицером и их женом. В первую очередь его представляли командиру части и «хозяину» собрания. Все правила офицерского собрания распространялись и на приглашенных.

Вот как писал журнал «Военный сборник» за 1898 год об обеде в офицерском собрании: «Несмотря на свободу обращения, все полно строгого, ласкающего взор приличия: нигде, даже после выпитого вина, не проскальзывает неловкая шутка, никто не фамильярничает со старшими и не позволяет себе бестактности в виде намека на протекцию, все это считается дурным тоном...»²⁰.

В личном общении, поскольку основная масса молодых офицеров не имела семей, «центрами притяжения» выступали се-

до 40 км. Немецко-фашистское командование, опасаясь глубокого охвата с юга своей группировки, удерживавшей каневский выступ на Днестре, перебросило против армий правого крыла 2-го Украинского фронта три танковые дивизии и добилось большого превосходства в танках. Сильными контратаками на рубеже Смела, Каниж противник к 16 января остановил продвижение советских войск.

5 января 1944 года начался львовско-варшавский рейд 1-й Украинской партизанской дивизии под командованием С.А. Ковпака. Завершился он 1 марта 1944 года.

7 января 1942 года началась Любанская операция войск Волховского фронта и части сил Ленинградского фронта с целью деблокаживания Ленинграда; часть Ленинградской битвы 1941—1944 гг. К началу января войска Волховского фронта (генерал армии К.А. Мерецков), разгромив противника под Тихвином, вышли на р. Волхов и вели бои за расширение плацдармов, захваченных на ее левом берегу. 54-я армия Ленинградского фронта (генерал-майор И.И. Федюнинский), действовавшая между Ладожским озером и Волховом, вела бои в районе Посадникова Острова. Войскам 54-й армии и Волховского фронта (4, 52, 59 и 2-я ударная армии) противостояли в полосе между озерами Ладожским и Ильмень 16—17 дивизий 18-й армии группы

армий «Север», создавшие прочную оборону под Киришами и на левом берегу Волхова. Замысел советского командования был следующим: ударом с рубежа Волхова из района Погостья в общем направлении на Любань окружить и уничтожить любанскую группировку противника и в дальнейшем выйти в тыл врага, тем самым создав условия для деблокаживания Ленинграда.

7 января, не ожидая подхода 59-й и 2-й ударной армий, 4-я и 52-я армии перешли в наступление, при этом войска 59-й и 2-й ударной вводились в сражение по мере их прибытия. Наступление велось на лесисто-болотистой местности, в условиях бездорожья, по глубокому снегу. Не хватало автоматического оружия, транспорта, средств связи, продовольствия и фуража. Противник оказывал упорное сопротивление. Лишь к 17 января 2-я ударная армия прорвала первый вражеский оборонительный рубеж. К концу января ей удалось продвигнуться на 75 км, она перерезала железную дорогу Новгород—Ленинград и вышла на подступы к Любани. Наступление других армий Волховского фронта развития не получило. 54-я армия продвигалась медленно и только в марте, прорвав оборону противника западнее Киришей, вышла на подступы к Любани с северо-востока. До соединения ее со 2-й ударной армией оставалось около 30 км. Тем временем немецко-фашистское командование перегруппировало в полосу своей 18-й армии

мый старших офицеров, имевшие больше возможностей для приема. Но, так или иначе, контакты офицеров вне службы приходились опять же на членов «большой полковой семьи».

Во многих офицерских семьях (обычно штаб-офицерских) периодически устраивались, обычно еженедельно (среды, четверги и т.д.) вечера, на которые приглашались ближайшие друзья из сослуживцев по полку и их родные.

По праздникам или иным поводам давались балы и званые обеды командиром полка с приглашением всех офицеров части.

Вообще же, общие трапезы были устоявшейся офицерской традицией. Многие офицеры держали так называемые открытые столы. Известный издатель журналист Ф.В. Булгарин, будучи корнетом Уланского гусарского полка, писал: «Кто из нас был при деньгах, тот и приказывал стряпать дома. Эти корнетские обеды не отличались гастрономическим изяществом, но были веселее стотысячных пиров. Щи, каша, биток или жаркое составляли нашу трапезу; стакан французского вина или рюмка мадеры, а иногда стакан пива — и более не жели довольно! Но сколько было тут смеха и хохота для приправы

обеда. Сколько веселости, шуток, острот! Блаженное корнетское время! Фанфаронство, надутость, чванство, важничанье почитались между нами смертными грехами...»²¹.

Большое значение в сплочении офицеров, упрочении духа товарищества имели традиции так называемого ритуального или церемониального характера: **встречи и проводы офицеров.**

ВСТРЕЧА молодого офицера в полку была большим торжеством. Закончив военное обучение, офицер направлялся в полк и там проходил, как правило, всю службу. Например, прием в гвардию согласно устоявшемуся обычаю проходил после рассмотрения так называемого разбора на общем собрании офицеров полка.

Князь Владимир Трубецкой в «Записках кирасира» приводит случай отказа в приеме в полк вольноопределяющегося Спешнева. Вот как об этом он рассказывает: «Как ни странно, причиной отказа послужило то обстоятельство, что Спешнев до службы увлекался театром и как любитель часто выступал на сцене, играя иногда с профессионалами. Старший полковник фон Шведер, щепетильный и строго оберегавший честь пол-

ка, усмотрел в этом нечто несоместимое с высоким званием офицера лейб-гвардии. Человечек, выступавший с профессионалами-лицедеями и развлекавший публику с подмостков, пусть даже бесплатно и из одной любви к искусству, был, по мнению полковника, недостойн чести быть принятым в круг офицеров полка, несмотря на то, что Спешнев был не из плохой дворянской семьи, имел средства и закончил высшее и притом привилегированное учебное заведение. Переломить упрямого полковника было невозможно — он уперся на том, что неприлично принять в офицеры полка лицедея»²².

Сам ритуал приема молодого офицера в различных полках имел свои особенности, но в целом сводился к следующему: все происходило в офицерском собрании в присутствии практически всех офицеров полка. Организовывался парадный обед, где молодому офицеру преподносился именной прибор, приглашались полковые музыканты. Вновь прибывший в часть офицер помимо представления командиру части (в парадной форме) должен был всем старшим по чину представиться, всем равным по чину — сделать визит. Визиты также желательно было

ХРОНОГРАФ

11 дивизий и одну бригаду, что резко изменило соотношение сил на любанском направлении в пользу противника. 30 апреля войска Волховского фронта и 54-й армии прекратили наступление в районе Любани и перешли к обороне. Несмотря на то что в ходе Любанской операции 1942 года советские войска поставили 18-ю армию противника в трудное положение, замысел операции осуществлен не был из-за недостатков в организации наступления, нехватки оружия и других материальных средств.

8 января 1861 года вышел из печати первый номер журнала «Вокруг света».

В начале января 1943 года была переброшена под Сталинград и включена в состав Донского фронта сформированная в Москве в декабре 1942 года и вооруженная «катюшами» 3-я гвардейская минометная дивизия. Первый залп по окруженному противнику был произведен 10 января 1943 года. С 12 февраля дивизия находилась в резерве Ставки ВГК, в апреле была передана Брянскому фронту, затем 38-й армии 1-го Украинского фронта, в составе которого оставалась до конца войны. 6 ноября 1943 года она была удостоена почетного наименования Киевской (полное название — гвардейская минометная Киевская Краснознаменная, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого дивизия).

16 января 1963 года Н.С. Хрущев объявил о наличии у СССР 100-мегатонной водородной бомбы.

21 января 1892 года в местечке Вертиевка на Черниговщине родился Михаил Петрович Кирпонос, советский военачальник, генерал-полковник (1941), Герой Советского Союза (1940), участник Первой мировой и Гражданской войн. С начала Великой Отечественной войны — командующий Юго-Западным фронтом. Погиб в бою во время выхода из окружения 20 сентября 1941 года около хутора Дрюковщина Лохвицкого района Полтавской области. После Великой Отечественной войны останки Кирпоноса были перевезены в Киев и погребены в парке Вечной Славы.

21 января 1924 года, 80 лет назад, умер В.И. Ленин.

22 января 1724 (1726) года родился Петр Иванович Мелиссино, генерал от артиллерии (1796). Мелиссино блестяще окончил Сухопутный шляхетский кадетский корпус и, получив в 1750 году чин подпоручика, был оставлен при корпусе. В 1759 году, уже будучи капитаном, определен в артиллерию. Участник Семилетней войны. В 1761 году произведен в майоры, в 1762-м — в подполковники, в 1764-м — в полковники. Говорил свободно на русском, французском, немецком и итальянском языках, мог изъясняться на греческом и турецком; понимал латинский и английский. Считался одним из лучших артиллеристов своего времени. В ходе русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал артиллерией

делать всем лицам, занимающим служебные посты в месте, где располагалась часть, особенно тем, с которыми офицеру придется часто встречаться. Визиты делались в повседневной форме одежды.

Не застав начальника или старших, офицер должен был расписаться в имеющейся на то книге или на особом листе, указав, какой он части, свой чин и фамилию, а также повод. Там, где не было книги, следовало оставлять служебную записку. У прочих офицеров оставляли визитные карточки.

Все младшие офицеры в свою очередь представлялись вновь прибывшему.

Довольно любопытно описываются в воспоминаниях офицера-кавалергарда С.Д. Безобразова первые дни поступления в полк: «В день допущения камерпажей в офицерскую артель я был назначен дежурным по полку. Это был своего рода день страшного суда. Находясь на дежурстве, я не расставался с шашкой, револьвером и фуражкой даже за столом. Когда все уже сидели, вошел командир; я подошел к нему с рапортом, и командир занял свое место во главе стола. Дальше сидели полковники и командиры эскадронов. Противоположный конец

стола был занят штабс-ротмистрами и поручиками, а нам и молодым корнетам была предоставлена середина.

Первые дни в артели очень стеснительны и, как правило, на нас никто не обращал внимания. За одним из таких завтраков подошел ко мне вестовой со стопкой на серебряном блюде: «От корнета графа Толстого». Я уже знал, что надо делать. Со стаканом в руках, обойдя весь стол, я отправился чокнуться с отправителем. Это был первый признак оттепели. Одна за другой стали появляться другие стопки — это тоже было признаком полного признания... Недели три спустя мы совсем привыкли к своему положению и постепенно были приняты наравне со всеми»²³.

Если в полк приезжал новый полковой командир, то по прибытии он в обязательном порядке объезжал (делал визиты) всех семейных офицеров. Кроме того, все офицеры имели возможность посещать командира в неслужебное время дома. Это почиталось за большую честь, хотя и было довольно распространённым явлением.

УБЫВАЮЩЕГО из части товарища, независимо от чина, полковая семья чувствовала проводами, которые

иногда называли «дорожным посошком» и в которых принимал участие и командир части. Существовал также хороший обычай преподносить убывающему подарок и полковой жетон. Распорядительный комитет офицерского собрания обязан был проявить инициативу в вопросе о проводах товарища.

Вот как описаны провода офицеров из полка в журнале «Офицерская жизнь» за 1912 год: «В собрании N-го гусарского полка царит необычное оживление. Трубаچی заняли свое место возле столовой, где накрыт большой обеденный стол. Все офицеры в сборе и, видно, кого-то ждут.

Пришел командир полка — красивый, громадного роста человек с сильно побелевшими волосами, но не его, по-видимому, ждали собравшиеся офицеры, так как и он, поздоровавшись со всеми, смешался в толпе ожидающих.

Вдруг раздались высокие задорные звуки гусарского полкового марша, и вошли два поручика в парадной форме. Командир с приветливой улыбкой двинулся к ним навстречу, проговорив: «Вот и наши юбиляры!», и пригласил всех занять места за столом.

русской армии. В 1769 году получил чин генерал-майора, а в 1770-м был награжден орденом Св. Георгия III степени. В 1783 году был произведен в генерал-поручики и назначен директором Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса, для лучшей подготовки артиллерийских офицеров ввел в систему строевые артиллерийские занятия и стрельбу из орудий. С 1790 года состоял старшим членом Артиллерийской экспедиции Военной коллегии и первоприсутствующим в канцелярии Главной артиллерии и фортификации. Скончался в Санкт-Петербурге на 74-м году жизни; похоронен в Лазаревской церкви Александро-Невской лавры.

26 января 1878 года на Батумском рейде минными катерами «Чесма» и «Синоп» с парохода «Великий князь Константин» потоплено турецкое сторожевое судно «Интибах». При этом впервые в истории было успешно применено торпедное оружие.

28 января 1724 года указом Петра I основан Архив Адмиралтейств-коллегии, положивший начало Российскому государственному архиву ВМФ (РГА ВМФ).

28 января 1811 года император Александр I издал указ о приведении губернских рот и уездных команд в лучшее устройство, при этом «на охранение внутреннего порядка» направлялись 17 тыс. солдат и офицеров. Указ явился одним из первых государ-

ственных документов, регламентирующих создание внутренних войск.

29 января 1940 года в г. Иваново был основан 308-й авиационный ремонтный завод, ныне базовое предприятие ВВС по ремонту самолетов Ан-24, Ан-26, Ан-22, а также типа Ан-30 и Ан-74. Там разработаны и запущены в производство мобильные обитаемые модули на базе кузовов-контейнеров переменного объема. В 1996 году на международной выставке в Брюсселе модули были удостоены Золотой медали за оригинальность конструкции и качество изготовления.

308-й АРЗ занимается переоборудованием внутреннего интерьера самолетов, производит установку дополнительных топливных баков на машины типа Ан-24 (8 вместо 4 штук), выполняет капитальный ремонт контрольно-измерительной аппаратуры и приборов более 700 наименований, а также свыше 50 наименований средств радиотехнического обеспечения полетов, связи, автоматизированных систем управления и контроля, радиотехнических систем посадки и навигации, авиационного радиотехнического оборудования.

*Хронограф подготовлен
генерал-лейтенантом в отставке
Ю.А. ХВОРОСТЬЯНОВЫМ
и А.В. ОСТРОВСКИМ
(Москва)*

N-й гусарский полк провожает сегодня двух своих товарищей; не было за столом обычного шума и оживления, не было слышно молодого задорного смеха с корнетского конца стола — всем было грустно. Сегодня в последний раз они собрались в товарищеской семье за прощальным бокалом вина, а завтра пять лет, проведенных ими в полковом кругу, будут для них далеким милым прошлым, которое никогда не вернется.

Уходящие сидят рядом с командиром полка, произносятся теплые тосты, и у всех чувство всеобщей неловкости. Командир полка от лица всех офицеров пожелал отъезжающим счастья и успехов в новой жизни.

Все встали из-за стола и отправились сниматься. В последний раз прозвучал уходящим родной полковой марш...»²⁴.

Исключение из такого порядка проводов составляли «отщепенцы», уволенные по решению суда чести, которым никаких проводов не организовывали.

Большое распространение в офицерской среде получили так называемые товарищества взаимопомощи, ставившие целью обеспечить на первое время семьи военнослужащих на случай потери кормильца и выдачу пособий на погребение. В качестве примера можно привести Товарищество взаимопомощи при экономическом обществе офицеров Гвардейского корпуса, возникшее в 1896 году. Членами его могли быть все офицеры корпуса и их жены не старше 45 лет. Все офицеры вносили вступительные и ежемесячные взносы. Пособие выдавалось не позже 24 часов после заявления о смерти и предоставления соответствующих документов как в мирное, так и военное время. Подобные общества существовали в Петербурге, Вильно, Варшаве, Киеве, на Кавказе, в Туркестане и Приамурье. В Гельсингфорсе (шведское название столицы Финляндии — Хельсинки), например, действовало Товарищество взаимопомощи бывшего Финляндского военного округа, а на Кавказе — Общество помощи инвалидам на Кавказе.

В традиции русского офицерского корпуса особое место занимала забота о воспитании детей. Наиболее показательные примеры можно найти в истории Отдельного

корпуса пограничной стражи (ОКПС).

Только в 1893 году, когда из таможенного ведомства погранстража выделилась в самостоятельное формирование, на смету корпуса сразу же было передано 62 тыс. рублей для прямого расходования на воспитание детей. К 1913 году «детские» суммы в корпусе уже превышали 200 тыс. рублей ежегодно. По тем временам — баснословные деньги.

Дети пограничников поступали, как правило, в специальные пансионы, находившиеся на бюджете управления корпуса: Александровское и Новоселицкое училища, школу-приют для детей офицеров Заамурского округа имени наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича и др.

УСТОЯВШЕЙСЯ традицией для офицеров корпуса стало учреждение общественных стипендий для обучения своих детей в ознаменование какого-либо выдающегося события или в память о каком-либо военном деятеле. Например, существовали стипендия имени командира ОКПС генерала от артиллерии А. Свинына, учрежденная в июле 1901 года в Женском патриотическом институте; неприкосновенный капитал имени инспектора пограничной стражи (высшая должность в погранстраже до учреждения ОКПС) генерал-лейтенанта Д. Гана; стипендия имени начальника стражи генерал-лейтенанта Н. Усова, собранная офицерами, служившими под его началом, 7 августа 1901 года (к 50-летию юбилею его службы в офицерских чинах). Существовала стипендия имени начальника Рижского таможенного округа (ею пользовались и дети пограничников) действительного статского советника А. Твердянского и многие другие.

Все это еще раз убедительно свидетельствует о том, что внутреннюю основу воинского организма, прекраснейшую традицию офицерского корпуса составляет товарищество. «В нем, — писал генерал М.И. Драгомиров, — корень долга и самоотвержения, не вынужденных, но от сердца идущих; в сознании его единственный залог того, чтобы войско было одним телом, имело одну душу»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клаузевиц К. О войне. М.: Воениздат, 1941. Т. 1. С. 171.

² Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 9. С. 26.

³ Трубецкой В.С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. С. 176—177.

⁴ Бутовский Н.Д. Очерки современного офицерского быта. СПб., 1899. С. 47—48.

⁵ Бурлачук Ф. Владимир Раевский. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 122.

⁶ Имеется в виду третий штурм Плевны 30—31 августа 1877 года.

⁷ Немирович-Данченко В.И. Скобелев. М.: Воениздат, 1993. С. 126.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Там же. С. 258.

¹⁰ Трубецкой В.С. Указ. соч. С. 186.

¹¹ Дмитриев-Мамонов Ф.И. Правила, по которым всякой офицер следуя, военную службу с полным удовольствием продолжать может. М.: Моск. ун-т, 1771. С. 23.

¹² Линстром Н.В. Первые шаги молодого офицера. Оренбург, 1907. С. 7.

¹³ Бурлачук Ф. Указ. соч. С. 79—80.

¹⁴ Ягунин В.П. Александр Одоевский. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 125.

¹⁵ Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск // Приказ по военному ведомству № 38 от 26 августа 1881 г. СПб., 1881.

¹⁶ Трубецкой В.С. Указ. соч. С. 20.

¹⁷ Отличия коммерческих от азартных игр заключается в принципах игры. И в тех, и в других присутствует азарт и жажда соперничества. И в тех, и в других возможен расчет за деньги. Однако в коммерческих играх в основу положен логический компонент, т.е. возможность изменить ход игры в зависимости от мастерства игрока, тогда как в азартных играх все решает случай («какая масть ляжет»), и от игрока практически ничего не зависит, разве что от его везения, самообладания, хитрости и т.п. К коммерческим играм в карты можно отнести преферанс, вист, бридж, кинг, рамс и др. К азартным относят двадцать одно, или «очко», баккара, макао, тринадцать и др.

¹⁸ Самойло А.А. Две жизни. М.: Воениздат, 1958. С. 84.

¹⁹ Нас соединил долг и общее дело // Красная звезда. 1993. 9 окт.

²⁰ Военный сборник. СПб. 1898. № 11. С. 120.

²¹ Булгарин. Ф.В. Воспоминания. СПб., 1846. Т. 4. С. 281—282.

²² Трубецкой В.С. Записки кирасира. М.: Россия, 1991. С. 41.

²³ Таланов А.И. Кавалергарды. М.: Рейтар, 1999. С. 110.

²⁴ Офицерская жизнь. 1912. № 2. С. 26.

²⁵ Драгомиров М.И. Вопросы воспитания и обучения войск. М.: Воениздат, 1956. С. 166.

Полковник В.Е. МОРИХИН,
кандидат исторических наук
(Москва)

ЮБИЛЕЙ ФЛАГМАНА ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ

1 января 1924 года увидел свет
первый номер газеты «Красная звезда»

«Красная звезда» — центральная газета военного ведомства, изначально предназначавшаяся не только для армии и флота, но и для широкой читательской аудитории, родилась на переломном этапе военного строительства.

Подготовка к изданию газеты началась осенью 1923 года. Редакционная коллегия «Красной звезды» была утверждена Реввоенсоветом 8 декабря 1923 года. В нее вошли: В.А. Антонов-Овсеенко, А.С. Бубнов, С.С. Каменев, В.П. Полонский и Я.А. Яковлев. Возглавил газету В.А. Антонов-Овсеенко. В феврале 1925 года новым начальником Политуправления Красной Армии и одновременно ответственным редактором «Красной звезды» стал А.С. Бубнов, обладавший незаурядными журналистскими способностями.

В «Красной звезде» того времени выступали К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, С.С. Каменев, П.Е. Дыбенко, К.А. Мехоношин и многие другие военные и партийные деятели.

В первых номерах «Звездочки» — это полное доверия и тепла название закрепилось за газетой раньше, чем она вышла к читателям с тысячным номером, — публиковали свои произведения Владимир Маяковский, Борис Лавренич, Александр Серафимович, Демьян Бедный, Всеволод Вишневский, Михаил Светлов и многие другие писатели и поэты.

Не всегда позиция военной газеты совпадала с позицией политического руководства страны, линии партии. Известно, что на передовую «Красной звезды», написанную заместителем ответственного редактора — членом редколлегии Мартемьяном Рютинным и рассказывающую о том, что перегибы в коллективизации отражаются на моральном самочувствии армии, незамедлительно откликнулся И.В. Сталин статьей, опубликованной через день в «Красной звезде», а затем и в «Правде».

В 30-е годы газета стремилась обстоятельно рассказывать о ходе технического перевооружения армии, показывать практические дела видов вооруженных сил и родов войск. Ответственным редактором «Красной звезды» в то время был Я.Б. Тамарник, начальник ПУРА. Он помимо всего заботился и о жанровом разнообразии центральной военной газеты, требовал, чтобы деловые статьи сочетались с публицистическими заметками, очерками, фельетонами, литературными подборками, с критикой и библиографией.

В конце 30-х годов XX века отчетливо обозначилась специализация журналистов: Павел Разин занимался вопросами тактики и оперативного искусства, Николай Денисов — авиацией, Сергей Сапиго — артиллерией, Петр Коломейцев — танковыми войсками, Иван Хитров — пехотой...

С началом Великой Отечественной войны работа редакции стала круглосуточной. С 22 июня 1941 по 9 мая 1945 года «Красная звезда» выходила тиражом 300 тыс. экземпляров и доставлялась на фронт как наземным транспортом, так и самолетами, в том числе «Дугласом», закрепленным за редакцией. В первом военном номере передовую написал Александр Кривичский. На этой же странице были помещены слова песни Василия Лебедева-Кумача «Священная война». В номере за 26 июня читатели не могли не обратить внимания на статью Ильи

Эренбурга «Питлеровская орда». «Уроки истории» — это выступление Всеволода Вишневского, «Патриоты Родины» — размышления Всеволода Иванова. Со страниц военной газеты к соотечественникам обратились Михаил Шолохов и Алексей Толстой. Специальными корреспондентами «Красной звезды» отправились на фронт Константин Симонов, Алексей Сурков, Петр Павленко, Василий Гроссман.

В самый трудный период войны «Красная звезда», которой руководил генерал-майор Д.И. Ортенберг (Валдимов), помогла вернуться в писательские ряды опального Андрея Платонова, Александру Авдеенко. Платонова, которому после публикации в 1931 году повести «Впрок (бедняцкая хроника)» запретили заниматься литературой, «Красная звезда» зачислила в свой штат в звании капитана. Уже первый его очерк с фронта «Труженик войны» во всей полноте раскрыл своеобразие и талант автора.

Александру Авдеенко до войны не простили «клеветнический» фильм «Закон жизни». Исключенный из Союза писателей, он воевал командиром минометного взвода 131-й стрелковой дивизии. «Красная звезда» разыскала его, сумела уговорить толкового, храброго командира взяться и за перо. Первый очерк писателя был напечатан лишь по личному разрешению И.В. Сталина.

С первого и до последнего дня войны представлял «Красную звезду» на фронтах подполковник Константин Симонов. Читатели-фронтовики знают и о том, что Симонов владел не только словом — ярким, убедительным, самобытным, но и фотоаппаратом. Во фронтовом комплексе «Звездочки» есть немало номеров с его снимками. Особенно много снимал он в сорок первом на Южном фронте.

Военно-политические обозрения, связанные с операциями завершающего периода войны, регулярно печатал ответственный редактор «Красной звезды» (с 31 июля 1943 г.) генерал-майор Н.А. Таленский. Многие из фронтовиков до сих пор говорят о том, что «Красная звезда» в годы войны была для них своеобразным военным университетом, в котором они учились искусству побеждать врага.

Непростые задачи газета, не имеющая в мире аналогов, решала и в послевоенные годы. Среди них творческое обобщение опыта минувшей войны, освоение принципиально новой техники, оружия невиданной прежде мощи. Газета освещала становление Ракетных войск стратегического назначения и атомного подводного флота, показывала динамику освоения космического пространства. Некоторые из летчиков-космонавтов отправлялись в полет с удостоверением нештатного корреспондента «Красной звезды» и передавали репортажи в газету во время сеансов связи. Штатные сотрудники редакции полковники М.Ф. Ребров, В.В. Бабердин, А.С. Андришков прошли полный цикл подготовки к полетам в космос, лично участвовали в длительных и сложных научных экспериментах по этой программе.

Среди ответственных (позднее главных) редакторов «Красной звезды» послевоенных лет особая роль принадлежит генерал-

лейтенанту Николаю Ивановичу Макееву. В истории отечественной журналистики нет другого редактора, который возглавлял бы журналистский коллектив центральной газеты столь длительное время — 30 лет (с 1955 по 1985 г.). Н.И. Макеев находил общий язык и взаимопонимание с разными по характеру, взглядам на печать министрами обороны лишь потому, что газета не изменяла курсу, определенному ей самим предназначением, — человек и оружие, армия и общество, защита интересов Отечества в большом и малом.

«Красная звезда» особое внимание уделяет становлению Вооруженных Сил новой России, военной доктрине государства, принципам комплектования армии и флота, социальной защиты военнослужащих в процессе военной реформы. Газета широко освещает участие российских воинов в миротворческой деятельности, в локальных вооруженных конфликтах в так называемых горячих точках. В числе ее основных тематических направлений — конверсия на оборонных предприятиях, проблемы сохранения отечественного военного потенциала, пропаганда традиций не только советской, но и русской армии. Много публикуется очерков о военных деятелях и статей о незаслуженно забытых людях, событиях, подвигах.

Когда 31 декабря 1994 года в Чечне погиб кавалер трех боевых орденов полковник Владимир Житаренко, находившийся в боевых порядках 104-й воздушно-десантной дивизии, в редакции из рук в руки переходила справка с перечнем его последних творческих командировок: Южная и Северная Осетия, Ингушетия, Абхазия, Нагорный Карабах, Таджикистан, Приднестровье... Получилось, что военный журналист большую часть жизни провел там, где день официально числился за три, — в боевых условиях.

В журналистской семье краснорозовцев преемственность поколений не нарушена, фронтовые традиции не забыты. В этом немалая заслуга главных редакторов газеты генерал-лейтенанта И.М. Панова, капитана 1 ранга В.Л. Чупахина, полковника Н.Н. Ефимова, первых заместителей главного редактора генерал-лейтенанта Б.В. Пендюра, генерал-майоров М.А. Лошица, Ф.Н. Халтурина, О.Л. Сарина, В.Г. Косарева, полковников А.П. Долгушина, В.И. Мороза, А.С. Ковалева, заместителей главного редактора генерал-майоров И.И. Сидельникова, Г.П. Кашубы, полковников Б.П. Похолоденчука, Н.Е. Белана, А.В. Белоусова, А.И. Докучаева, Г.Д. Мирановича, А.А. Гончарова, В.А. Денисова, капитана 1 ранга В.В. Урбана, а также Е.А. Агаповой, ответственных секретарей редакции капитана 1 ранга А.М. Крысова, полковников А.Н. Кулакова, А.А. Мименова, капитана 1 ранга В.К. Лукашевича, полковника А.Я. Кричевцова, капитана 1 ранга М.Н. Луканина, ведущих журналистов газеты генерал-полковника В.Л. Манилова, генерал-майоров В.И. Филатова, Н.В. Бурбыги, полковников А.П. Хорева, Ю.Н. Беличенко, В.А. Шалкеева, П.Р. Котенка, Д.П. Гетманенко, Л.В. Нечаюка, Ю.В. Рубцова, В.И. Семенова, В.Н. Казакова, Ю.Ю. Мамчура, И.П. Саса, О.В. Фаличева, И.И. Иванюка, В.Н. Хабарова, капитанов 1 ранга Н.А. Шумихина, С.И. Быстрова, А.Ф. Контиевского, О.Б. Баронова, А.М. Иванова, В.В. Кузаря, С.Г. Ищенко, П.А. Ищенко, С.И. Турченко, О.Г. Одноколенко, В.В. Кочерова, А.В. Ткачева, М.Х. Шашуто, В.Ю. Ермолина. Значит, «Красной звезде» и после 80-летия нести свое славное имя дальше, верой и правдой служить России, заботясь о ее безопасности в этом бурном, непредсказуемом мире, на переломе веков.

ПЕТР I: «ЗДЕСЬ ИЗНЕМОЖЕННЫЙ ВОИН НАЙДЕТ СЕБЕ ПОМОЩЬ И УСПОКОЕНИЕ»

Система медицинского обеспечения боевых действий создавалась в России веками

САМОГО начала своего царствования Петр осознал, что для успешного развития России нужны тесные связи с другими государствами, а следовательно, и выходы прежде всего к Черному и Балтийскому морям.

Опыт строительства кораблей, создания портов для их базирования, участия в боевых действиях на море и даже просто в плаваниях показал, что работоспособность людей и боеготовность кораблей во многом определяются состоянием здоровья морских служителей. Море — особая стихия. Народная мудрость гласит: «Кто на море не бывал, тот и горя не видел»; «Идучи на войну — молись, идучи в море — молись вдвое».

Необходимо отметить, что в России «само учреждение флота Петром I многим казалось греховной "мирской затеей"; недаром тогда возникали дела о пропуске в ектеньи (моление, читаемое дьяконом от имени верующих и содержащее просьбы к богу) прошения «о плавающих, путешествующих», о нежелании молиться за служащих во флоте или о наименовании императора при богослужении Петром Морским¹. Петр I не считался с подобными настроениями. Помимо создания морских сил на Азовском море, на Балтике, Севере и Каспии осенью 1723 года он дает указание о подготовке похода на остров Мадагаскар², 23 декабря 1724 года — о снаряжении экспедиции на далекую Камчатку³.

СЛОЖИВШАЯСЯ в те годы система учета и анализа сведений о заболеваемости и смертности, принятый по-

рядок хранения архивных документов, гибель документов при пожарах в госпиталях и на кораблях, а также при потоплении судов, неоднократные изменения номенклатуры болезней не позволили восстановить полную картину страданий моряков в результате заболеваний.

Рапорта командиров кораблей русского флота содержат скудные сведения о заболевших морских служителях. В то время даже при внутренних непродолжительных плаваниях до четверти команды страдало «скорбутиком» (цингой), «куричьей слепотой» (куриной слепотой), «горячками» (лихорадочными болезнями разной природы), «ногтеедой» (воспалительный процесс — под ногтем). Речь прежде всего идет, например, о докладах, содержащих сведения о состоянии здоровья людей. Так, с корабля «Святой Павел» на остров Сескар 22 мая 1713 года было «отвезено 33 человека, в том числе 3 с язвами». На следующий день при осмотре всех корабельных людей «явилось еще 12 больных, в том числе 10 человек с язвами». Всего на берегу находились 48 больных, среди них «17 человек, на которых мо-

ровые язвы, а прочие болезнь имеют лихорадку и прочие болезни⁴ (морозная язва — обычно чума, оспа).

Иллюстрацией количества больных только на один день, а именно на 1 июня 1716 года, на эскадре его царского величества, приписанной к Ревелю, по категориям служителей и местам их лечения является следующая таблица⁵.

Общая численность личного состава указанных кораблей эскадры составляла 4289 человек; из них офицеров и матросов (морских служителей) — 2917, а сухопутных — 1372 человека. Число находившихся на лечении в тот день составило 693 человека, или 16,1 проц. численности экипажей; практически каждый шестой человек не мог выполнять свои обязанности из-за болезни. На отдельных кораблях больные составляли четверть («Рафаил») и даже одну треть («Архангел Михаил») численности экипажа.

Капитан фрегата «Вахмейстер» Д. Никлас доносил 4 октября 1733 года архангельской конторе о том, что «команды моей морские служители от великой стужи и работ заболели и

Наименование кораблей	Больные						
	Морские служители		Сухопутные служители		Сухопутные при корабле	Морские при корабле	Всего
	в госпитале	на берегу	в госпитале	на берегу			
«Ингерманландия»	18	23	—	23	—	—	64
«Екатерина»	49	33	36	—	—	—	118
«Полтава»	21	—	—	—	—	—	21
«Рафаил»	38	—	57	—	—	—	95
«Архангел Гавриил»	44	—	—	—	—	—	44
«Архангел Михаил»	23	51	1	28	—	—	103
«Фортуна»	19	—	—	31	—	—	50
«Ланадоу»	—	36	—	12	—	—	48
«Виктория»	17	—	12	—	18	—	47
«Арондель»	18	—	7	—	12	20	57
«Санкт Питер»	25	—	10	—	—	—	35
«Илия»	3	—	3	—	—	—	6
«Бомбардир»	5	—	—	—	—	—	5
«Санкт Николай»	—	—	—	—	—	—	—
«Санкт Антоний»	—	—	—	—	—	—	—
Итого	280	143	126	94	30	20	693

пришли в великое бессилие, из которых ныне имеется при фрегате 101 человек и ныне, за неимением служителей корабельных работ исправлять не кем». Капитан просил прислать на корабль людей для выполнения работ по его обслуживанию и выгрузке⁶.

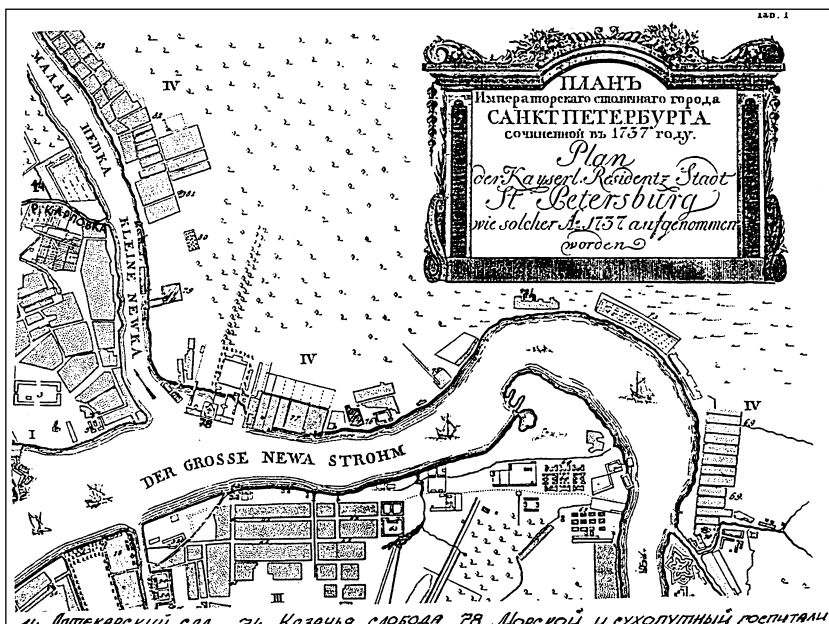
Не лучше дело обстояло и на берегу. В донесении сенатора М.М. Самарина государю от 25 июля 1719 года сообщается о заболеваемости работников, строивших канал в Кронштадте: «Участвуют в работе 2583 солдата и 635 мужиков, всего 3218 человек. Кроме того, имеется больных 565 человек»⁷.

Примерно такая же картина с заболеваемостью складывалась и на судах английского и французского флотов. Так, в конце XVIII столетия Ламаншская эскадра под командованием адмирала Гери не смогла выйти в море из-за повального распространения скорбута: больных было около 2400 человек. Во французской эскадре, состоявшей из 13 кораблей и 2 фрегатов с экипажами примерно в 8000 человек, больных скорбутом и тифом было около 1200 человек, «которые почти все умерли»⁸.

РОССИЙСКИЙ флот и армия практически постоянно, с момента их создания и до конца царствования Петра I, принимали участие в войнах и боевых походах. В. Ключевский отмечал, что с осени 1689 года, когда кончилось правление царевны Софьи, на 35 лет его, Петра Великого, царствования только один 1724 год прошел вполне мирно, да из других лет можно набрать не более 13 мирных месяцев⁹.

Суммарную величину потерь личного состава в этих многочисленных войнах и в отдельных сражениях установить не удалось. Известны потери лишь в отдельных боевых эпизодах. Так, например, в Гангутской битве 27 июня 1714 года на русской эскадре (3450 человек) убитых было 124 (3,7 проц.) и раненых 342 человека (9,9 проц.).

В Чесменском бою 26 июня 1770 года на российских кораблях было 12 тыс. человек, на турецких — 15 тыс. Общие потери соответственно составили 20 человек и примерно 12 тыс. человек (0,15 и до 80 проц. численности экипажей). Раненых на отечественных кораблях было 9 человек¹⁰.

План Санкт-Петербурга 1737 года с обозначением мест размещения стационаров для моряков

Отмечая высокую заболеваемость среди личного состава, первый в России генерал-адмирал Ф.М. Апраксин, многие годы руководивший флотом, в 1705 году с горечью отмечал: «Зело ужасает меня включенная роспись о умерших и больных салдат, от чего такой упадок учинился, не можем разсудити»¹¹. Не понимая причин столь печального явления, выдающийся флотоводец и, надо полагать, сам Петр I отчетливо представляли себе сложный и длительный путь формирования столь необходимых флоту умелых морских служителей. Становление моряка не только требовало значительных временных затрат, но и дорого обходилось государству. Ведь стало очевидным, что без кораблей, без постоянного пребывания их в море и проведения боевых «упражнений» нельзя сформировать боеспособные экипажи и отработать взаимодействие корабельных соединений.

Анализ мер по созданию боеспособного флота показывает, что главное внимание командования и прежде всего Петра I было обращено не на простую замену выбывших из строя моряков, а на создание таких условий на флоте, когда больной и раненый морской служитель после соответствующего лечения вновь возвращался в строй и как опытный воин сразу же мог приступить к выполнению уже освоенных обязанностей.

В принятии соответствующего решения не последнюю роль сыграла такая черта характера Петра I, как бережливость, умение ценить копейку, обходиться малыми расходами для личных нужд. Известно, что в царском дворце ежедневно учитывались расходы. Экономия и распорядительность царя вызвали невольное удивление. Об этом свидетельствует исход 21-летней Северной войны, в ходе которой не прекращалось строительство и в столице, и в других местах империи. Петр I не прибегал к займам, но сам помогал значительными суммами своим богатым союзникам, после войны «отпустил» народу 18-летние недоимки (несколько миллионов рублей), заплатил шведам за Лифляндию 2 млн эфимков. «Радуюсь окончанию войны, он утверждал, что ежели б она еще столько же лет продолжалась, то он и тогда бы надеялся не войти в долги при помощи Божией»¹².

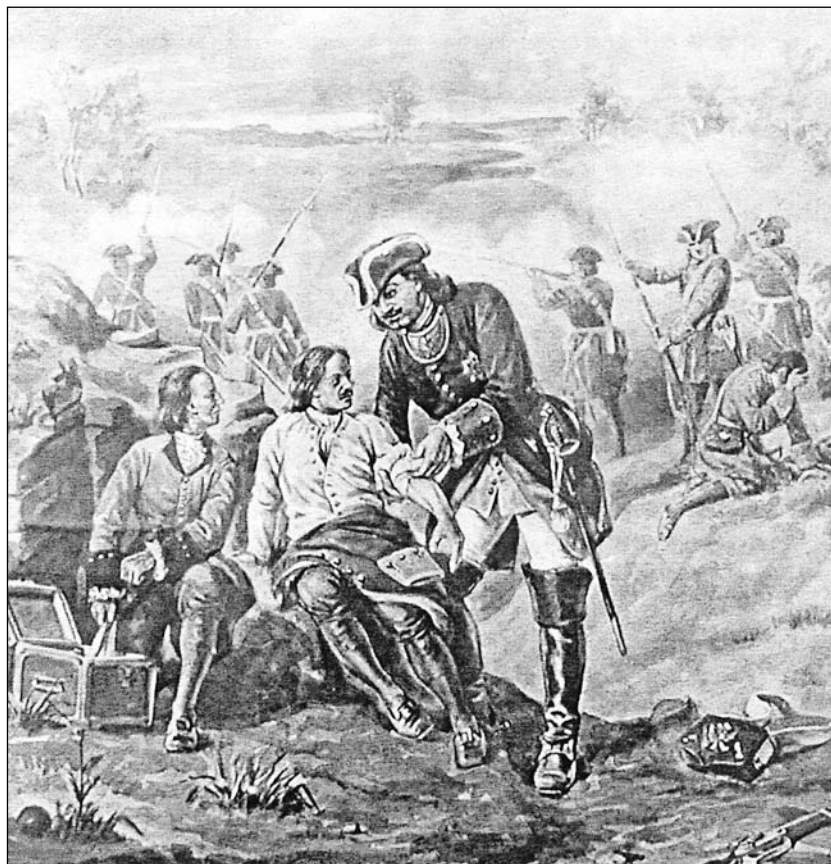
БОЛЬШОЙ след в истории русского флота и его медицины оставило так называемое Великое посольство, организованное Петром I в 1697 году главным образом для изучения морского дела за границей. Находясь в Голландии и Англии, Петр I проявил также интерес и к ознакомлению с основами анатомии и хирургии. По его указанию была приобретена анатомическая коллекция

Фридриха Рюйша, закуплен комплект медицинских инструментов, нанята для работы в России большая группа лекарей, в том числе известный анатом и хирург Николай Бидлоо, с которого, по существу, и начались формирование медицинских учреждений и подготовка медицинских кадров в России: создание первого военного госпиталя (ныне главный военный госпиталь имени Н.Н. Бурденко) и госпитальной школы при нем.

Необходимо отметить, что интерес к медицине Петр I проявлял и ранее. «Особенную признательность и сострадание оказывал он раненым. Он обнимал и целовал каждого из них, утешая надеждою исцеления; сам присутствовал при делаемых им операциях; многим своими руками перевязывал раны и прикладывал пластыри. Сии, говорит летопись, видев к себе такую Государеву милость, ран и болезней от радости не чувствовали»¹³. «Успехи в рукоместве, — отмечает В. Ключевский, — поселили в нем большую уверенность в ловкости своей руки: он считал себя и опытным хирургом, и хорошим зубным врачом». Петр I постоянно имел при себе два футляра с математическими и хирургическими инструментами; среди последних два ланцета, штопор для кровопускания, анатомический нож, щуп для ран, катетер, щипцы для удаления зубов. В Эрмитаже до сих пор хранится коллекция из 73 зубов, удаленных Петром I, и ни один из них не имеет перелома корней, что свидетельствует о высоком мастерстве «недипломированного дантиста»¹⁴.

В 1707 году произошло примечательное событие в истории медицинской службы флота: впервые был назначен в качестве должностного лица руководитель этого ведомства. Им стал Ян Говий — лекарь, выходец из Голландии, лейб-хирург Петра I¹⁵.

По указу государя от 2 апреля 1711 года руководителем медицинской службы флота, строившегося в с. Таврово Воронежской губернии, был назначен доктор медицины Георгий Димаки. В связи с этим Ян Говий стал его заместителем — главным лекарем во флоте. Наименование должностей и обязанности указанных лиц впервые были изложены во второй главе Устава морского (1720 г.).

Петр I перевязывает раненого солдата под Азовом

Фрагмент картины художника В.И. ПЕРЕДЕРИЯ

Медицинская часть флота входила в состав комиссариатской конторы, созданной в Адмиралтейств-коллегии. Вся служба — иерархическая система от генерал-кригс-комиссара до последнего ученика — находилась под неусыпным надзором обер-фискала. Кроме того, непосредственное наблюдение за действиями всех работников медицинской части поручалось еще и интенданту над флотом¹⁶.

В 1715 году произошла закладка на правом берегу Невы, в том месте, где ниже от нее отделяется Малая Невка (по топонимике XVIII в.), морского и сухопутного госпиталей. В связи с этим Н.П. Ламбин приводит следующие сведения: «Мое давнишнее желание наконец исполнено, — произнес Петр при их (заложенных госпиталей. — Авт.) освящении. — Здесь изнеможенный воин найдет себе помощь и успокоение, которого ему не доставало. Дай только Боже, чтоб никогда многим не было в том нужды»¹⁷.

Строительство госпитальных зданий было поручено первому архитектору Санкт-Петербурга Доменико Трезини. Вначале строения были деревянными, затем фахверковыми, а с 1720 года на том же месте начали сооружаться каменные постройки¹⁸.

До строительства специальных госпитальных зданий лечение больных моряков проводилось в избах на Петроградской стороне вдоль левого берега малой Невки до реки Карповки, а также в Адмиралтейском госпитале, расположенном на правом берегу Глухой протоки (ныне — канал Грибоедова) неподалеку от Адмиралтейства. Есть данные и о размещении больных в Казачьей слободе на Выборгской стороне¹⁹.

Деятельность вновь созданного морского госпиталя была определена специальным регламентом (уставом), вышедшим в свет в 1722 году в виде составной части (главы 47—52) «Регламента о управлении Адмиралтейства и Верфи и прочих всех чинов, при Адмиралтействе обретающихся»²⁰. В последующем этот документ послужил основой для разработки «Генерального регламента о госпиталях...», утвержденного Анной Иоанновной в 1735 году и распространенного в равной мере на сухопутное и морское ведомство.

По указанию Петра I (письмо царя из Копенгагена от 13 октября 1716 г. на имя вице-адмирала К. Крюйса) в 1717 году в строй вошло переоборудованное из боевого корабля «Страфорд» первое госпитальное судно. Командовал им впоследствии известный флотоводец Наум Синявин. В том же году в состав флота вошло госпитальное судно «Перл», в 1741 году — «Новая Надежда» и «Рига», в 1746 году — «Слава России»; в конце века было 7 таких судов²¹.

Госпитальные суда использовались не только в Балтийском море. Они сопровождали эскадру адмирала Спиридова при переходе с Балтики и в действиях в Средиземном море. Были и другие походы.

В 1707 году положено начало подготовки отечественных медицинских кадров вначале в Москве, а с 1733 года — в госпитальных школах Санкт-Петербурга и Кронштадта.

Уставом морским были определены штаты медицинских работников (лекарей, подлекарей и лекарских учеников) на кораблях; число их зависело от количества пушек и, соответственно, от численности экипажа. Примечательно, что лекарь обязательно имел помощника в лице такого же специалиста или подлекаря.

Для ухода за больными предусматривалось выделение матросов из расчета один на пять тяжелых и один на десять легких больных. Лиц, получивших увечье в бою или потерявших здоровье вследствие заболевания, а также старых, «неможных» переводили в штатскую службу или в «пропитанники» при госпитале; по желанию им выдавали паспорт и годовое жалованье.

В РУКОВОДЯЩИХ документах XVIII века по флоту четко просматривается ответственность должностных лиц по вопросам охраны здоровья. Генерал-кригс-комиссар при необходимости размещения раненых и больных на берегу был обязан выбрать место для палаток или дома местных жителей для этой цели, через день контролировать качество снабжения больных на госпитальном судне и на берегу под угрозой «вычета денежного жалованья» за полмесяца «за всякую небытность». «А ежели весьма то пренебрегать будет, то лишен будет чина».

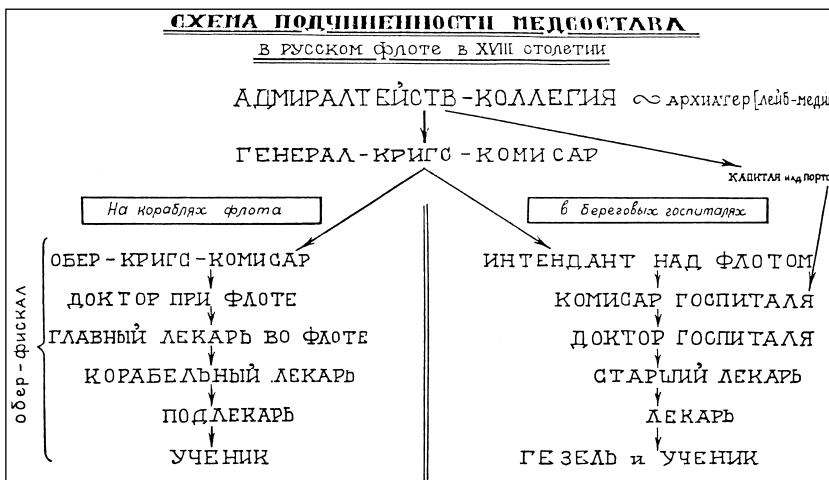
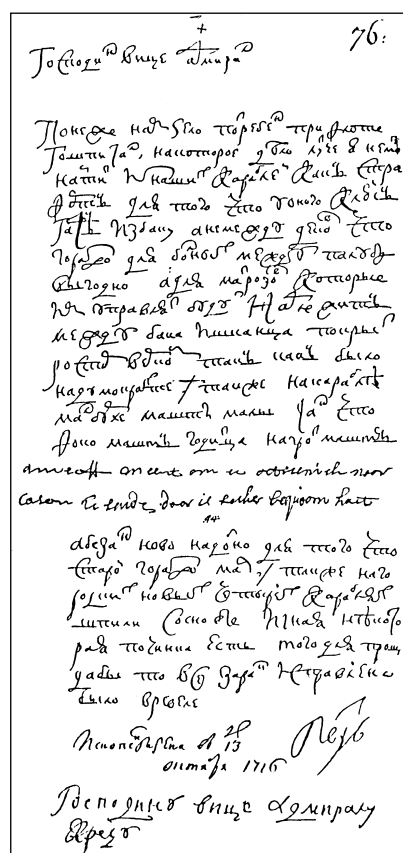

Схема подчиненности медицинского состава в русском флоте в XVIII столетии

Письмо Петра I вице-адмиралу Крюйсу от 13 октября 1716 года о создании на флоте госпитального судна

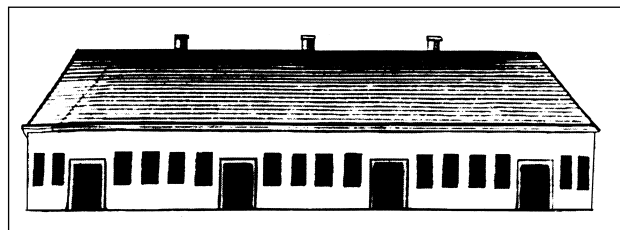
Командир помимо общей ответственности за весь корабль особо должен был контролировать питание моряков, проявлять заботу о медикаментах и других предметах материального обеспечения раненых и больных. Он должен был служить добрым примером для подчиненных в своих делах и помыслах, избегать «похлебства» и «лихоимства»; даже на галерах (по своей сути, каторге) ему было запрещено привлекать моряков — практически рабов — к партикулярным работам. На старшего офицера возлагалась ответственность за водоснабжение, на интенданта и профоса — за чистоту и порядок на корабле. Обязанностью лекарей было врачевание, т. е. оказание медицинской помощи больным и раненым; только в конце XVIII века их начинают привлекать к решению задач, связанных с профилактикой заболеваний, участью в санитарно-просветительской работе.

Первая половина XVIII века в России, как и в других морских государствах, не отличалась обилием печатных работ, посвященных проблемам морской медицины. Исключение составляет труд доктора флота Д.П. Синопеуса «Parerga medica. Описание болезней моряков», изданный Академией наук на русском языке в 1734 году. В книге (объем — 387 с.) изложена клиническая и патологоанато-

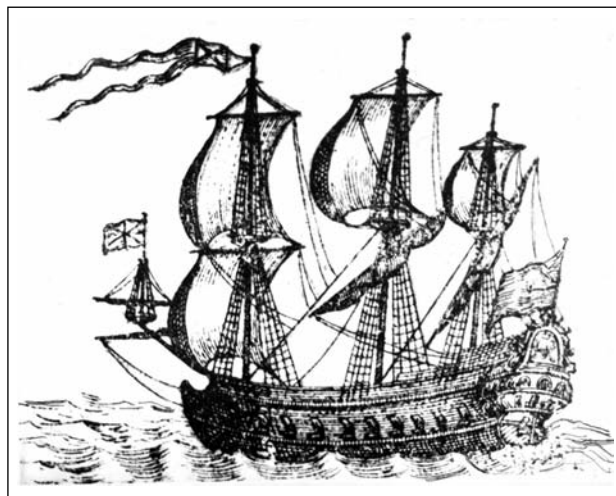
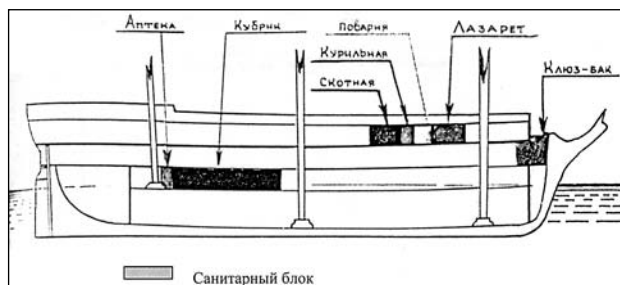

мическая картина наиболее часто встречающихся у моряков болезней, высказаны предположения о возможных причинах, их вызывающих (помимо климатических условий указаны недостаток питания, злоупотребление алкоголем, подавленное душевное состояние), и описаны факторы, укрепляющие здоровье моряков.

Книга, опередившая работы английских авторов Д. Линда и Д. Блена примерно на четверть века, получила высокую оценку в научных кругах России и Европы²². С такой же высокой оценкой была принята другая моно-

Фасад временного госпиталя
Санкт-Петербург, 1710 г.

Военный корабль «Думкрат». Прототип первого отечественного госпитального судна

Схема корабельных помещений
XVIII век

графия этого же автора «О цынге» (1735).

Таким образом, результаты анализа событий, касающихся сохранения и восстановления здоровья моряков уже в самом начале зарождения и последующего развития отечественного флота, прямо указывают на появление некоторых элементов того комплекса мероприятий, который впоследствии (в XX в.) получит наименование системы медицинского обеспечения.

В зарождавшихся научных взглядах просматривается тенденция к выявлению определенной зависимости состояния здоровья моряков от условий их жизни и деятельности на кораблях, характера и качества питания, водоснабжения, обмундирования, психологического микроклимата и организационных мероприятий.

СУЩЕСТВЕННУЮ роль в формировании будущей научно обоснованной системы здравоохранения на флоте сыграли меры по созданию единых требований к учету заболеваемости и результатов лечебно-диагностической работы, а также к учету снабжения и расхода медицинского имущества и т.д., что позволило в конечном итоге организовать анализ получавшихся данных, публикацию их и обмен опытом. Все это обеспечивало в последующем становление и развитие военно-морской медицины, которая непосредственно связана с науками, изучающими море и мореплавание, с кораблестроением, а также со многими медицин-

скими клиническими и теоретическими дисциплинами.

Военно-морская медицина в наиболее общем виде может быть определена как теория и практика медицинского обеспечения сил военно-морского флота в мирное и военное время. В ее основе лежат данные общей медицины, которые применяются в условиях военно-морской службы и направлены в конечном счете на повышение боеспособности личного состава кораблей и частей, т. е. на усиление боевой мощи флота.

Петр I и его последователи в официальных документах своими распоряжениями предвосхитили термин «медицинское обеспечение», который применяется в военном лексиконе только с середины 40-х годов XX века. Исходя из потребностей флота иметь боеспособный личный состав и опираясь главным образом на здравый смысл, интуицию, в XVIII веке был, по существу, определен и внедрен в практику комплекс мероприятий, направленных на сохранение, восстановление и укрепление здоровья личного состава, конкретно указаны ответственные лица, порядок и сроки выполнения, обозначена необходимая материальная база.

Примечательно высказывание выдающегося русского хирурга М.И. Шеина (1712—1762), который с 1754 года был главным врачом Санкт-Петербургского Адмиралтейского госпиталя: «Не начинали преж-

де государи российские поданных своих, по природе остроумнейших и ко всем высочайшим наукам способнейших, обучать разным языкам, наукам и художествам, но сколь благополучно Петр Великий так начал, что ныне довольные и других научили...

Уже мы имеем природных российских географов, мореплавателей... и медиков и, может быть, в короткое время потомки наши увидят все оное гораздо в большем совершенстве»²³.

Правильность созданной при Петре I схемы медицинского обеспечения, ее жизненность и эффективность практически подтверждены в XIX веке в кругосветных плаваниях мероприятиями по сохранению жизни и здоровья моряков: при содружественной деятельности прогрессивных командиров и умелых медиков во многих походах от болезней не был потерян ни один человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История флотского духовенства. Сборник / Сост. А.Б. Григорьев. М.: Андреевский флаг, 1990. С. 6, 7.

² Краткая историческая справка о приговлении экспедиции на остров Мадагаскар в 1723 году // Медицинские прибавления к Морскому сборнику. Март 1894. С. 194—200.

³ Берх В.К. Первое морское путешествие россияна, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана

I ранга Витуса Беринга. СПб., 1823. С. 3—19.

⁴ Материалы для истории русского флота. Ч. I. СПб., 1865. С. 378.

⁵ Российский государственный архив (РГА) ВМФ, ф. гр. Апраксина, д. 117, л. 34—38. Письмо капитан-командора Сиверса к графу Апраксину.

⁶ Материалы для истории русского флота. Ч. VII. СПб., 1879. Извлечения из шханечных журналов о плавании судов.

⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 118.

⁸ *Моркотун К.С.* Морская гигиена. СПб., 1907. С. 126, 127.

⁹ *Ключевский В.* Курс русской истории. Ч. IV. 2-е изд. М., 1923. С. 326.

¹⁰ *Аммон Г.А.* Морские памятные даты. М.: Воениздат, 1987. С. 52, 74.

¹¹ РГА ВМФ. Дело вице-адмирала Крюйса № 022, л. 59.

¹² *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. VII. С. 342.

¹³ Цит. по: *Божерянов И.Н. С.* - Петербург и Петрово время. К двухсотлетию столицы. 1703—1903. СПб., 1903. С. 94.

¹⁴ *Ключевский В.* Указ. соч. С. 302; *Иорданишвили А.К., Полен А.А.* Военная стоматология в России. СПб.: Нормедиздат, 1998. С. 12.

¹⁵ РГА ВМФ. Дело Приказа воинского морского флота № 28, л. 211.

¹⁶ Устав морской. 1720. Гл. III, арт. 2, 7.

¹⁷ *Ламбин Н.П.* История Петра Великого. СПб., 1843. С. 618.

¹⁸ *Овчинников Ю. Д.* Трезини. Л.: Искусство, 1987. С. 57, 177, 178, 202, 216.

¹⁹ История флотского духовенства... С. 17; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 8. С. 521.

²⁰ Регламент о управлении Адмиралтейства и Верфи и прочих всех чинов, при Адмиралтействе обретающихся. СПб., 1722. С. 133—152.

²¹ Материалы для истории русского флота. Ч. II. СПб., 1865. С. 137, 150; Ч. XVI. СПб., 1902. С. 164, 282, 412, 537.

²² Воен.-мед. журнал. 1855 г. Ч. 66. № 2. С. 35—42.

²³ *Шейн М.И.* Сокращенная анатомия Гейстера. СПб., 1757. Введение.

**Полковник медицинской
службы в отставке
В.В. СОСИН;
полковник медицинской
службы А.А. БУДКО,
доктор медицинских наук,
профессор
(Санкт-Петербург)**

• НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

К 90-летию начала Первой мировой войны

По инициативе Федеральной архивной службы России, Российской академии наук, Министерства обороны РФ, Российского общества историков-архивистов, МИД России, Федеральной службы безопасности РФ и Российского комитета ветеранов войны и военной службы планируется проведение международной научной конференции «Россия и мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов», посвященной 90-летию со дня ее начала.

В составе оргкомитета конференции: В.П. Козлов (сопредседатель оргкомитета) — руководитель Федеральной архивной службы России, член-корреспондент РАН; А.О. Чубарьян (сопредседатель оргкомитета) — директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН; генерал армии М.А. Гареев — президент Академии военных наук; полковник А.А. Кольтюков — начальник Института военной истории; А.А. Чурилин — директор историко-документального департамента МИД; В.С. Христофоров — начальник управления Федеральной службы безопасности РФ; М.В. Стеганцев — первый заместитель председателя правления Российского общества историков-архивистов; В.П. Тарасов — заместитель руководителя Федеральной архивной службы России; К.М. Андерсон — директор Российского государственного архива социально-политической истории; М.Д. Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки; капитан 1 ранга И.А. Анфертьев — главный редактор «Военно-исторического журнала»; И.О. Гаркуша — директор Российского государственного военно-исторического архива; генерал армии А.И. Грибков; генерал-лейтенант в отставке Л.Н. Жизняков — заместитель председателя Российского комитета ветеранов войны и военной службы; Л.П. Запрягаева — директор Российского государственного архива кинофотодокументов; полковник С.А. Ильенков — начальник Архивной службы Министерства обороны РФ; Г.А. Куманев — руководитель центра военной истории России Института российской истории РАН; А.С. Киселев — начальник Главного архивного управления при Правительстве Москвы; генерал-майор А.В. Кирилин — начальник Военно-мемориального центра ВС РФ; В.Н. Кузленков — директор Российского государственного военного архива; Н.П. Мозжухина — директор Архива внешней политики МИД РФ; В.Л. Мальков — заведующий отделом Института всеобщей истории РАН; Мишель Минниг — руководитель представительства Международного комитета Красного Креста в РФ; С.В. Мироненко — директор Государственного архива РФ; полковник Н.И. Никифоров — заместитель начальника Института военной истории; В.П. Долматов — главный редактор журнала «Родина»; А.К. Сорокин — генеральный директор издательства «Российская политическая энциклопедия»; А.Р. Соколов — директор Российского государственного исторического архива; В.С. Соболев — директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота; Е.А. Тюрина — директор Российского государственного архива экономики; А.А. Фурсенко — академик Российской академии наук; А.А. Чернобаев — главный редактор журнала «Исторический архив»; Н.И. Хахалева — заместитель директора Российской государственной библиотеки; А.И. Шкурко — директор Государственного исторического музея; Л.Е. Шепелев — председатель правления Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов, заместитель председателя Совета по геральдике при Президенте РФ.

В ходе конференции предполагается обсудить следующие проблемные вопросы: цели и задачи, которые ставили перед собой воюющие стороны; итоги Первой мировой войны; роль и место Антанты в Первой мировой войне и послевоенном устройстве мира; провал немецкой стратегии быстрой войны и переход к позиционным формам борьбы; материальные и духовные факторы в Первой мировой войне; экономический потенциал воюющих государств и его роль в ходе и исходе войны; характер применения военной техники и оружия в Первой мировой войне; научно-технический потенциал воюющих государств и его влияние на ход войны; военная наука как фактор войны; война и политика; война как общественное явление; народ и война; дипломатия в годы Первой мировой войны; участие русской армии в боевых операциях Первой мировой войны; Первая мировая война и современность: уроки прошлого и заботы настоящего; эволюция военного искусства и форм вооруженной борьбы в годы Первой мировой войны; Октябрьская революция 1917 года и выход России из войны; поражение Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне и передел сфер влияния ведущих держав мира; современные тенденции историографии Первой мировой войны; характерные черты фронтового быта в Первую мировую войну и др.

Мировые XX войны XX века

В четырех книгах

Редакционная коллегия:
В.А. ЗОЛОТАРЕВ, Ю.В. КУДРИНА,
В.Л. МАЛЫКОВ, Л.В. ПОЗДЕЕВА,
В.А. ПОЛЯКОВ, В.П. СМЕРНОВ,
С.В. ТЮТЮКИН, А.О. ЧУБАРЬЯН

Руководитель проекта:
О.А. РЖЕШЕВСКИЙ

МОСКВА «НАУКА» 2002

Титульный лист книги

ИМЕННО так, новаторски, с позиции современного познания исторических процессов, рассматриваются глобальные катаклизмы 1914—1918 и 1939—1945 гг. в фундаментальном труде, подготовленном Институтом всеобщей истории РАН при участии ассоциаций историков Первой и Второй мировых войн и при поддержке Российского гуманитарного научного фонда*.

По сравнению с предшествующими трудами, в первую очередь многотомниками по истории мировых войн, выпущенными в 70—80-е годы XX века, реализована принципиально новая концепция по данной проблеме. Если ранее такие войны рассматривались в категориях политики, то в этой книге они раскрыты как феномен геополитический, как результат и проявление общецивилизационного кризиса.

Следуя логике авторов, можно утверждать: мировая война представляет собой форму разрешения международных противоречий глобального характера и масштаба и ее сущность заключается в геополитическом переустройстве мира. С этой точки зрения Первая мировая война означала переход к Версальско-Вашингтон-

МИРОВЫЕ ВОЙНЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

ской системе международных отношений, а Вторая — от Версальско-Вашингтонской к Ялтинско-Потсдамской.

Формированию нового подхода к проблеме способствовало привлечение к написанию труда ведущих российских специалистов. В нем приняты участие ученые как из академической среды (институты РАН — всеобщей истории, российской истории, славяноведения, сравнительной политологии), так и представляющие другие авторитетные научные учреждения и вузы — МГУ имени М.В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений (университет), Академию военных наук, Институт военной истории МО РФ, Восточный университет. В числе авторов — действительные члены РАН Ю.А. Поляков и А.О. Чубарьян, доктора исторических наук В.Н. Виноградов, М.А. Гареев, А.А. Кошкин, В.Л. Малыков, А.С. Орлов, С.П. Пожарская, Л.В. Поздеева, Е.С. Сенявская, В.П. Смирнов, Б.М. Туполев, С.В. Тютюкин. За

счет использования новой методологии, привлечения вновь вводимых в научный оборот или малоизвестных документов авторский коллектив смог рассмотреть картину событий под нешаблонным углом зрения, с позиции современного научного знания основательно развить и дополнить данный в предшествующих трудах анализ узловых противоречий, лежащих в основе мировых войн, осветить болевые точки и составляющие — политическую, экономическую, социальную, дипломатическую, собственно военную — мировых катаклизмов.

Оригинальна структура труда. Авторами использован парный принцип: освещению каждой из мировых войн отведено по две книги. 1-я и 3-я представляют собой исторические очерки, в которых исследователи, опираясь на анализ и сопоставление различных доступных документов и материалов, постарались воссоздать объективную картину событий каждой из мировых войн, рассмотреть ключевые проблемы

их истории и извлечь уроки, актуальные для сегодняшнего дня. 2-я и 4-я книги содержат документальный материал, позволяющий читателю дополнить почерпнутые из оригинального текста знания о мировых военных конфликтах, яснее и многограннее представить совокупность событий 1914—1918 и 1939—1945 гг. Здесь помещено более 750 документов, по большей части ранее неизвестных.

Впервые в нашей историографии история обреченных мировых войн рассмотрена в рамках одного труда, комплексно. Откликаясь на возрастание общественного интереса к событиям 1914—1918 и 1939—1945 гг., авторы предоставляют возможность не только удовлетворить потребность читателей в знаниях о конкретных обстоятельствах и фактах мировых войн, но и сформировать у них целостный взгляд на эти важнейшие события XX века в их взаимосвязи и взаимозависимости.

По существу, предпринята весьма плодотворная попытка типологизации мировых войн. В основу, как следует из текста, положены следующие признаки: военно-экономическая мобилизация государства, блоковая система ведения войны, ожесточенность вооруженной борьбы и других форм противостояния, ведение войны как вооруженными силами, так и гражданским обществом, многофакторное воздействие на социально-политическое развитие стран, общественную жизнь и менталитет народов.

Вместе с тем выявлены и существенные различия Первой и Второй мировых войн: масштабы (в Первой участвовали 33 государства, боевые действия развернулись на территории 4,1 млн кв. км, в армии были мобилизованы 73 млн человек; во Второй соответственно — 61 государство, 22,6 млн кв. км, 110 млн человек); несоизмеримые потери (число жертв составило соответственно 15,7 и 60 млн человек); выдвижение на передний план в ходе и в результате Первой мировой войны национального вопроса и этнокультурного

сепаратизма; размах развернувшейся в ходе Второй мировой войны освободительной борьбы миллионов масс в ответ на чужеземнонацистическую политику нацистов и японских милитаристов; наличие важнейшего компонента в целях антифашистских сил — борьбы в защиту демократических свобод и институтов в противовес «новому порядку» фашистско-милитаристского блока; более четкое, чем у стран Антанты, провозглашение военных целей главных участников антигитлеровской коалиции, что позволило государствам с различным общественно-политическим строем; практическое слияние в ходе Второй мировой войны фронта и тыла.

Поставленные перед собой цели авторы не смогли бы достичь в рамках старой методологии, прежде всего формационного подхода. Потому более чем правомерно их обращение к категориям цивилизационного и социокультурного развития, а также геополитики. Авторы указывают на связь мировых потрясений с цивилизационными противоречиями, в том числе извечным противостоянием западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, вековым посягательством Запада на наше пространство, непониманием различия по своей сути ценностей и образа жизни.

Такой подход позволил преодолеть многие штампы предшествующей историографии, в своем большинстве рассматривавшей это событие с сугубо классовых позиций, как схватку первой страны социализма с «ударным отрядом» империалистической реакции. Между тем «антикоммунистическая» составляющая курса Гитлера в большей степени, пожалуй, была для него риторикой: в основе внешнеполитической программы нацистской Германии лежало, прежде всего, стремление к расширению «жизненного пространства» для «третьего рейха». Курс на мировое господство реали-

* Мировые войны XX века. В 4 кн. Руководитель проекта О.А. Ржешевский. М.: Наука, 2002. Кн. 1. Первая мировая война. Ист. очерк. 686 с., ил.; Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. 581 с., ил.; Кн. 3. Вторая мировая война. Ист. очерк. 597 с., ил.; Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 677 с., ил.

зовывался нацистами независимо от того, стояла ли на пути большевистская Россия или буржуазная Англия. Приводимые авторами планы фашистского руководства по захвату (после окончания «восточной кампании») Афганистана, Ирака, Египта, Индии, Британских островов, а в перспективе и Америки — лишнее тому подтверждение.

Новый методологический инструментарий позволил существенно расширить диапазон проблем исследования. В труде рассмотрены не только традиционные составляющие мировых войн — международные отношения, стратегическое планирование, собственно ход боевых действий, но и междисциплинарные темы, а также такие, которые лишь сравнительно недавно попали в поле зрения ученых: война и общество, человек на войне, менталитет участников войны и труженников тыла, механизм формирования образа врага, память о войне и другие.

Важное место в рецензируемом труде отведено также проблемам, остающимся дискуссионными: содержания дефиниции «мировая война», происхождения и периодизации, цены победы и последствий мировых катаклизмов и некоторым другим.

Следует обратить внимание на то, что не все проблемы, затронутые в труде, освещены с одинаковой полнотой, не всегда выдержаны и новые подходы. В содержательном плане сюжетам, связанным с политической, военно-стратегической, дипломатической историей, уступают разделы, исследующие эволюцию систем государственного управления в годы войны, уровень вооружений, военное искусство полководцев противостоящих коалиций (особенно в сравнительном плане). При освещении зарубежной историографии допущен перекосяк в пользу работ ученых Западной Европы и США в ущерб исследованиям, проведенным в Китае и Японии. Традиционные подходы явно довлеют в главах, где рассматривается политическое устройство, идеология и внутренняя жизнь в СССР в период Второй мировой войны.

*Полковник запаса
Ю. В. РУБЦОВ,
доктор исторических наук
(Москва)*

«ОДИН ИЗ САМЫХ ДОРОГИХ УРОКОВ»

ВЫШЛА в свет книга С.Г. Кара-Мурзы «Гражданская война (1918—1921) — урок для XXI века»*. Военное событие, вынесенное в ее заголовок, автор правомерно называет важнейшим испытанием XX века и призывает читателя, представителей государственной власти извлечь из вооруженного противоборства красных и белых необходимые уроки.

В книге предпринята попытка оценить сложный период Гражданской войны, опираясь на свидетельства главным образом российской интеллигенции. В рецензируемой работе широко цитируются дневниковые записи и литературные сочинения Л.Н. Толстого, А.М. Горького, И.А. Бунина, М.А. Булгакова, М.М. Пришвина. Запоминаются яркие отрывки, принадлежащие перу С.А. Есенина, В.Я. Брюсова, А.А. Блока, З.Н. Гиппиус.

Все это позволяет автору не только передать настроение творческой интеллигенции серебряного века, но и рассмотреть объективные предпосылки социальных противоречий, которые в конечном счете привели к событиям Октябрьской революции и Гражданской войны. К трудам профессиональных историков С.Г. Кара-Мурза прибегает лишь изредка. В книге имеются отдельные ссылки на научные издания, авторами которых являются С.В. Тютюкин, Л.Т. Сенчакова, Д.О. Чураков.

Изучив и осмыслив источники и материалы, которые нечасто привлекают внимание профессионалов, автор книги сформулировал ряд полезных наблюдений. Гражданская война привела к большим жертвам, «стала для России катастрофой» (с. 2), но она, разрушив сложные структуры, предопределила многие сто-

роны жизни Советского государства в XX веке. Исторический опыт Гражданской войны, по мнению С.Г. Кара-Мурзы, изучен и учтен в рамках нашего бытия недостаточно. «Исторические уроки, — справедливо подчеркивается в книге, — не решают всего дела, но они очень помогают решению. Гражданская война — один из самых дорогих уроков, и он не должен пропасть».

Автор предпринял попытку раскрыть очень важные вопросы, содержание которых представлено следующим образом: Гражданская война — продолжение противостояния между двумя революционными проектами России военными средствами (по терминологии С.Г. Кара-Мурзы, «война Февраля с Октябрем»); противоречия в стране после победы Февральской революции (по выражению автора, отвергнутые «белой костью» «мирные инициативы» рабоче-крестьянской России); социальный расизм в стране, роль культурных факторов в разжигании войны; значение революции 1905—1907 гг. как «университета» (термин С.Г. Кара-Мурзы) Гражданской войны; Гражданская война и восстановление единства России; причины поражения Белого движения.

Своеобразен подход автора к анализу этих вопросов. Он полагает возможным обойтись без освещения событий Гражданской войны, не рассказывает о вооруженной борьбе красных и белых, о военном искусстве полководцев и героизме бойцов, защищавших правое дело. Раскрывая тему, С.Г. Кара-Мурза размышляет главным образом о тех противоречиях, которые разрешались в ходе Гражданской войны, о смысле того исторического выбора, который и предопределил исход вооруженного противостояния.

Обложка книги

Особый акцент в изложении материала сделан на анализе такого социально-психологического феномена, каким является ненависть. Этот термин присутствует в названиях двух центральных глав книги: «Ненависть изгнанных хозяев жизни» (гл. 3), «Вызревание ответной ненависти низов» (гл. 4). Обобщению исторических факторов взаимной ненависти Сергей Георгиевич посвятил почти 40 проц. объема своего труда.

Написана книга выразительным языком известного публициста, ее содержание доступно и профессиональному историкам, и массовому читателю. Вместе с тем хотелось бы видеть в труде С.Г. Кара-Мурзы больше сведений о самой Гражданской войне, о столкновениях на поле брани, о развитии отечественного военного искусства в 1918—1921 гг. Неоправданно мало используются труды военных и гражданских историков, философов, исследующих военную тематику. Большого внимания заслуживает и научно-справочный аппарат книги.

Несмотря на отмеченные недостатки, очередная работа С.Г. Кара-Мурзы является полезным изданием. Военного читателя, несомненно, привлекут мысли автора о необходимости патриотического служения Родине, защите ее национальных интересов.

*Полковник в отставке
В. С. СКРОБОВ,
доктор исторических наук, профессор
(Москва)*

* Кара-Мурза С.Г. Гражданская война (1918—1921) — урок для XXI века (Сер. Труды практического разума). М.: Алгоритм, 2003. 256 с.

ОТЧЕГО УГАС ОЧАГ АГРЕССИИ

ИСТОРИОГРАФИЯ Второй мировой войны пополнилась еще одним фундаментальным трудом — монографией известного военного историка, доктора исторических наук, профессора капитана 1 ранга запаса В.А. Зимонина*. Эта книга уже привлекла внимание и ученых-востоковедов, и широкого круга читателей. Такой живой интерес к ней объясним значимостью региона исследуемых боевых действий — Дальнего Востока, где прозвучали последние залпы артиллерийских орудий Второй мировой войны и где в начале августа 1945 года впервые обожгли планету Земля взрывы двух атомных бомб, уничтоживших японские города Хиросима и Нагасаки. Здесь, на Дальнем Востоке, до сих пор проявляются негативные последствия Второй мировой войны: расчленение Кореи на две части, отсутствие мирного договора между Россией и Японией и другие острые проблемы, вроде курильской. Интересна эта книга и тем, что в ней наиболее полно, объективно рассмотрен сложный комплекс политических, идеологических и собственно военно-стратегических проблем завершающего периода Второй мировой войны. Причем исторический материал изложен в ярком научно-популярном стиле. Текст богат иллюстрирован таблицами, картами, схемами военных операций.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является солидная документальная база, на основе которой автор раскрывает взаимосвязь событий в их хронологической последовательности, начиная с исторического рубежа зарождения японского очага агрессии (первого из тех, что разожгли пламя Второй мировой войны), этапов его вызревания и расширения агрессии японского милитаризма (гл. 1—2). В результате у читателя имеется возможность составить для

себя наиболее полную картину взлета и падения японского завоевателя. Автору удалось убедительно показать те объективные факторы, которые и должны были привести агрессора к известному финалу.

Как и в других ранее опубликованных трудах, профессор В.П. Зимонин в новой монографии проявляет твердую приверженность поиску истины, последовательность в борьбе против фальсификаторов истории Второй мировой войны, которые то замалчивают, то искажают важные исторические факты и события. Вот один из примеров. Уже давно и настойчиво на Западе (имеются в виду США и Западная Европа) распространяется ложный тезис о «решающей роли» вооруженных сил Соединенных Штатов Америки в разгроме гитлеровского вермахта. У нас, в России, тоже существуют так называемые исторические школы и авторы подобной ориентации. На протяжении десятилетий они упорно пропагандируют надуманное положение об «исключительной роли» США в разгроме японских вооруженных сил. В своей новой книге профессор В.П. Зимонин, признавая «крупный, решающий вклад» Соединенных Штатов в общую победу над Японией (с. 360), в живом полемическом стиле убедительно доказывает необъективность тех, кто принижает роль других союзников, в том числе СССР, в разгроме агрессора на Дальнем Востоке, особенно с учетом коалиционного характера Второй мировой войны. Им сделан глубокий анализ соотношения сил воюющих сторон на этом театре военных действий к лету 1945 года, после того как агрессор на Западе — Германия уже безоговорочно капитулировал. Достаточно сказать, что наличные силы США и их союзников позволяли рассчитывать на капитуляцию Японии лишь через 1—2 года, причем ценой невероятных потерь с обеих сторон (с. 352—372).

Автор подробно раскрывает характер, содержание и итоги крупнейших военных операций Советских Воору-

Обложка книги

женных Сил и войск США в этом регионе мира, на основе глубокого и всестороннего анализа вопроса (с. 367—369) делает справедливый вывод, что атомные бомбардировки двух мирных городов Японии не могли иметь и не имели решающего влияния на ход вооруженной борьбы. Только лишь сокрушительный молниеносный разгром японской Квантунской группировки войск в Маньчжурии и Корею в середине августа 1945 года с опережающим участием в том советских войск принудил агрессора подписать акт о безоговорочной капитуляции.

В книге приведены документы и свидетельства активных участников прошедших событий — видных политических и военных деятелей СССР, подтверждающие подлинные цели и характер освободительной миссии Советских Вооруженных Сил. Объявляя войну милитаристской Японии, Советский Союз устами руководителей государства заявил на весь мир, что наша страна не преследует цели захвата чужих территорий и установления советских порядков в других странах (с. 188, 189). В частности, командованию 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта, наступавшей по территории Кореи, была дана именно такая директива. Следовательно, нет оснований утверждать, как это иногда делают западные историки, будто Москва навязала Северной Корею «советский устав». Об этом свидетельствует и отказ 27 августа советского командования от оккупации северной части одного из четырех крупнейших островов Японского архипелага — Хоккайдо в условиях, когда в высадке тщательно готовившегося крупного морского десанта

на этот остров уже не было сугубо военной необходимости (с. 318—324, 372).

Профессор В.П. Зимонин дал обстоятельный анализ факторов, обеспечивших столь быстрый и полный разгром советскими войсками при содействии вооруженных сил Монгольской Народной Республики Квантунской военной группировки — самой лучшей и самой способной в истории Японии. Глубокий знаток теории и истории военного искусства, автор книги объективно и убедительно показал закономерность нашей Победы и высочайшие достижения отечественного военного искусства на всех уровнях — в стратегии, оперативном искусстве и тактике (гл. 6, 7, с. 334—346 гл. 8).

Важным показателем любого военно-исторического труда является наличие в нем указания на источники и литературу по исследуемой проблеме. Как и во всех прежних книгах профессора В.П. Зимонина, читатель найдет в его очередной монографии широкий перечень историографических источников по теме заключительного периода Второй мировой войны. В ней, помимо того, удачно увязаны проблемы истории войны с насущными социально-политическими проблемами сегодняшнего дня, что сделано с большим искусством полемиста — специалиста в области истории стран Дальнего Востока и геополитике. Поучительные уроки истории автор умело сочетает с глубоким анализом военной политики Японии после Второй мировой войны (гл. 10—12) и проблемами обеспечения мира на Дальнем Востоке в новых условиях расстановки и противоборства здесь военно-политических сил (гл. 13).

Не будет, думается, преувеличением сказать: новейшее и самое полное изложение событий завершающего периода Второй мировой войны позволило профессору В.П. Зимонину еще раз доказать, что история позволяет не только познакомиться с прошлым, научить новое поколение людей правильно ориентироваться в перипетиях общественной жизни сегодня, но и пролить некоторый свет на будущее.

*Полковник в отставке
Г.И. КОРОТКОВ,
доктор исторических наук,
профессор
(Москва)*

* Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. М.: Институт проблем безопасности и развития Евразии, 2002. 544 с.

«МОРСКОГО ФЛОТА НАВИГАТОР» СЕМЕН ЧЕЛЮСКИН

Хроника плаваний и походов легендарного
штурмана российского военно-морского флота

Именем Семена Ивановича Челюскина назван самый северный мыс Старого Света. О его самоотверженной деятельности в составе Ленско-Енисейского отряда Великой Северной экспедиции написаны брошюры, очерки, статьи. Вместе с тем в биографии моряка-первопроходца до сих пор остается много «белых пятен». Восполнить некоторые из них позволит исследование новых архивных документов, которое и предлагается читателям.

С.И. Челюскин

С картины художника И.П. РУБАНА

РОД Челюскиных (во многих документах XVII—XVIII вв. эта фамилия писалась как Челюсткины) уходит своими корнями в глубины веков. Предки Семена Ивановича служили воеводами, были обезьянами и «письменными головами», стряпчими и стольниками. Так, его дед Родион Матвеевич дослужился до головы, что соответствовало чину полковника, московских стрельцов. Это значит, что он был богат, знатен, приближен к царскому двору. Родион Челюскин содействовал служебному росту сына Ивана: тот был сначала стряпчим, потом стольником.

Круто повернулось колесо фортуны семьи при Петре I. После подавления бунта московских стрельцов фамилия Челюскиных оказалась в зловещем списке Тайной канцелярии. Попав в опалу, Иван Родионович был вынужден продавать и закладывать имения и земли, влезать в долги, в результате чего обрек своих близких на скучную жизнь в глухой деревушке.

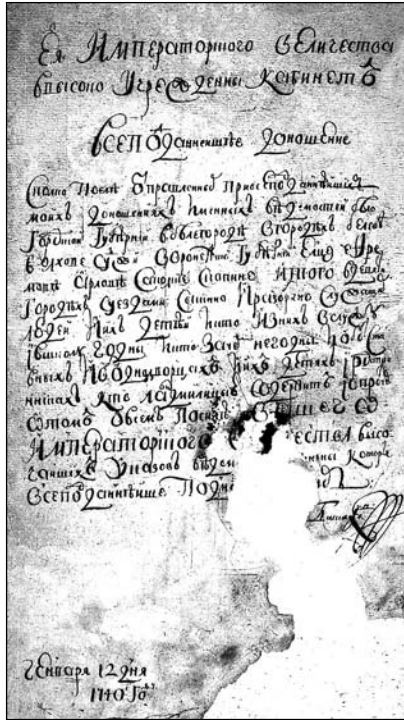
До сих пор неизвестна точная дата рождения будущего моряка и полярного исследователя Семена Челюскина. На этот счет есть разные мнения. Например, московский историк и литературовед Н.М. Чернов на основе имеющихся у него свидетельств утверждает: будущий первопроходец родился приблизительно в 1704 году. В собрании древних актов мне удалось обнаружить документ, в котором указывается, что в 1737 году слу-

жащему «в морском флоте поручику» С.И. Челюскину было 30 лет от роду¹. Следовательно, он родился около 1707 года. Эту архивную находку подтверждает и исследователь Борис Рихтер, который еще в 1938 году в биографическом очерке о Челюскине писал, что в марте 1743 года «по возвращении в Петербург 36-летний штурман в награду за свои подвиги был произведен в мичманы»². Автор не ссылаясь на архивный источник. Думается, он исходил из послужного списка Челюскина, который хранится, видимо, в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге.

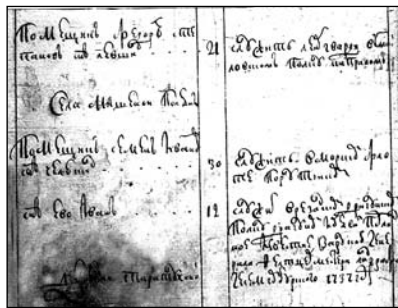
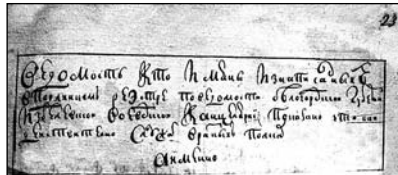
Не установлено и место рождения нашего героя. Упомянувшийся Н.М. Чернов предполагает, что он мог родиться в Москве, где у его отца, конечно же, был свой дом. Другие исследователи, к примеру И.В. Глушанков и Д.М. Романов, считают, что С.И. Челюскин родился в с. Борищево Перемышльского уезда Калужской губернии³.

На основе последних архивных исследований выскажу свою точку зрения по этому вопросу.

Известно, что ко времени рождения Семена его отец, отставленный Петром I от государственной службы, влачил жалкое существование в глухой деревне. Кроме с. Борищево, где был «двор помещиков с хоромным строением и со всеми угодыями»⁴, он еще имел другие поместья, например д. Апойково Калужского уезда. Тут тоже сто-

Фрагменты документов, устанавливающих год рождения С.И. Челюскина

ял «двор помещиков с хоромным строением, с садом яблоневым и хмелевым и с новым прудом»⁵.

Мне удалось обнаружить архивные документы, рассказывающие о матери Семена Челюскина. Авдотья Ивановна происходила из древнего и знатного рода Яковлевых, начало которому положил прусский владетель Вейдевутов — потомок Гланды Камбилы, выехавшего с сыном в Россию еще в XII веке. В гербе Яковлевых значатся важные элементы, свидетельствующие об их приверженности к воинской службе: меч, копьё, ключи от взятых ими городов⁶; фамильный девиз — «Бог, честь и слава».

Родовое имение Яковлевых находилось в сельце Андроновское Лихвинского уезда, что на Оке. Еще в 1695 году Авдотья Ивановна Челюскина продала доставшуюся ей по наследству при семейном разделе «вотчину свою... сельца Андроновское, Окологородного стана, на реке на Оке, пашни 80 четвертей»⁷. Продала она часть родового имения из-за того, что уже тогда семья испытывала трудности материального характера. Далее, как можно понять из обнаруженных документов, Авдотья Ивановна проживала в усадьбе мужа — с. Ильине Белевского уезда⁸. Кстати, Ильино расположено недалеко от Андроновского. Вот здесь, скорее всего, и родился Семен Челюскин.

В 1710 году, когда Семену было несколько лет от роду, умер его отец Иван Родионович Челюскин⁹. На вдову Авдотью Ивановну и ее детей обрушились многие напасти. Расплачиваясь со старыми долгами, она впадала в новые. Усадьбное хозяйство разорялось, крестьяне нищенствовали. Произошел семейный раздел: основные дворы и земли достались старшему брату — Василию, который находился на воинской службе. Вскоре встал вопрос о необходимости поступить на службу в армию валиковозрастному (ему было 20 лет) Герасиму и самому младшему — Семушке.

Заботу об образовании Семена взял на себя один из его родственников. Не по летам разви-

тый, юноша впервые прибыл в Москву на смотр дворянских недорослей летом 1714 года, а осенью уже был зачислен в школу математических и навигацких наук, поначалу в класс русской грамоты. Здесь выявляли тех учеников, кто «прилежность и охоту к наукам имеют». Через три года Семен перешел в навигацкий класс, где изучал алгебру, геометрию, географию, астрономию. Но, пожалуй, лучше всего он освоил навигацию — искусство судовождения и поэтому в старшем классе школы в летнее время проходил практику матросом на различных кораблях Балтийского флота.

В 1721 году Семен Челюскин «получил аттестации в науке и в практике... как честному человеку надлежит, пробу дав в достоинстве штурманской должности и хорошем обхождении»¹⁰. В этом же году его направили в адмиралтейство «морского флота навигатором». Он зарекомендовал себя знающим специалистом пока еще развивающегося военноморского флота, вполне самостоя-

тельным, серьезным, перспективным, умеющим размышлять молодым человеком.

До нас, к сожалению, не дошло точное описание внешности легендарного штурмана. Тем не менее из многочисленных архивных документов все же вырисовывается его образ. Судя по всему, Семен Иванович был среднего роста, широкоплеч; лицо светилось добродушием, взгляд же преисполнен твердостью, проницательностью, сосредоточенностью. Он отличался подвижным и деятельным нравом, с охотой брался за порученное дело, стараясь выполнить его тщательно и качественно. Самое примечательное в характере Семена Ивановича — скромность, молчаливость, даже суровость. Он предпочитал слушать человека, был скуп на лишнее слово, на откровенность. Его замкнутость многих отпугивала, и потому у него было мало настоящих друзей. Пожалуй, наиболее близким его товарищем по учебе, морской службе, а затем и по совместному плаванью среди полярных льдов оказался его земляк Василий Прончищев. Роднила их и любовь к морю.

В 20-е годы Челюскин нес службу на кораблях Балтийского флота поначалу в должности навигатора, затем ученика штурмана и подштурмана, также практиковался в описании прибрежных участков Финского залива. По некоторым свидетельствам, он хорошо зарекомендовал себя и на педагогическом поприще: в 1727 году обучал гардемарин на Балтике¹¹.

В то время Челюскин обзавелся семьей. Несмотря на то, что Семен Иванович постоянно нес нелегкую службу и часто находился вдали от дома, перспектив служебного роста у него было мало: руководящие и доходные должности на кораблях ВМФ занимали наемные иностранные офицеры, а в адмиралтейских кругах влиятельной поддержки он не имел.

17 апреля 1732 года вышел высочайший указ о снаряжении Второй Камчатской экспедиции, «ко-

торая при жизни императора Петра Великого начата была» и «никогда прежде небывалая». В конце января 1733-го в Адмиралтейство был подан «список морских и адмиралтейских служителей, отправляющихся в Камчатскую экспедицию». Одним из первых в нем значился подштурман Семен Челюскин. Вскоре его произвели в штурманы и в числе участников этого грандиозного по своим масштабам предприятия направили в Екатеринбург для «немедленного приготовления к судам припасов, вещей и артиллерии» на местных литейных заводах. Столкнувшись с самоуправством, волокитой, бюрократизмом местных чиновников, Челюскин с большим трудом раздобыл все необходимое: пушки, ядра, якоря, дреги, котлы медные. Потом на всем протяжении долгого пути до Якутска постоянно беспокоился о находившемся под его ответственностью корабельном снаряжении.

Среди офицеров флота в экспедицию отправлялся и приятель Челюскина лейтенант Василий Прончищев¹², возглавлявший отряд по исследованию северных берегов от Лены до Енисея.

В конце июня 1735 года исследователи уходили в неведомое и опасное плавание за Полярный круг, а спустя год с небольшим Прончищев вместе с женой оказался похороненным в вечной мерзлоте. Их смерть не только потрясла штурмана Челюскина, но и мобилизовала все его силы. Он поклялся довершить дело, ради которого Прончищевы отдали свои жизни.

В О ВРЕМЯ второй зимовки в Усть-Оленеке Семен Иванович имел достаточно времени для обдумывания обстоятельств предыдущих неудачных плаваний. Вместе с геодезистом Никифором Чекиным и двумя солдатами он выехал в Якутск для встречи с Берингом, но последнего там уже не застал: командор отправился на Камчатку. Челюскину он оставил предписание, согласно которому следовало переслать в Адмиралтейство рапорт и оставшиеся материалы и ждать дальнейших указаний из Петербурга.

23 февраля 1738 года в Адмиралтействе «слушали доклад по полученному из Камчатской экспедиции от штурмана Челюскина рапорту». В частности, там говорилось, что если и далее «в определенной вояж следовать, то надлежит сделать малый ялбот». Еще Семен Иванович убедительно просил доставить из Петербурга новые канаты и тросы, паруса и компасы, «в чем ныне недостаток есть»¹³.

Вопреки распространенному среди некоторых морских офицеров мнению о тщетности продолжения плаваний в полярных широтах Челюскин высказался определенно: «Начатое свершиться должно».

Без малого два года находился Семен Иванович в Якутске. Когда боцман Василий Медведев привел сюда судно «Якуцк», штурман стал готовить его к новым плаваниям. Учтя ледовые условия, укрепили корпус дубель-шлюпа, утеплили каюты. Исполняя обязанности командира отряда, Челюскин заботился о матросах и солдатах, входивших в экипаж корабля (их было более 40 человек). Характерно, что в предыдущем плавании команда отнеслась к штурману настороженно — уж больно горяч и суров. Но в Якутске многие поняли: за строгостью стоят доброта и требовательность в сочетании с заботливым отношением к людям. Расселив команду, он часто ходил по квартирам, узнавал нужды подчиненных; понимал, что при возобновлении экспедиции они отправят-

ся в плавание этим же составом и успех предприятия во многом будет зависеть от сплоченности всех и надежности каждого.

ЧЕРЕЗ два года после гибели Василия Прончищева по его последнему маршруту в Ледовитый океан отправилась новая экспедиция. Теперь командиром «Якуцка» был лейтенант Харитон Лаптев. Вновь началась героическая борьба людей с суровыми условиями Арктики. Дошли лишь до мыса Фаддея — дальше не пустили льды. Пришлось вернуться на зимовку в устье реки Хатанги. На этот раз, весной 1740 года, геодезист Н. Чекин и боцман В. Медведев, передвигаясь на собачьих упряжках, сделали первую и не вполне удачную попытку сухопутной съемки морского берега.

С. Челюскин между тем кропотливо готовился к очередному плаванью: осматривал снасти, организовывал починку парусов. 13 июля 1740 года снова вышли на штурм высоких широт и поиск неведомых земель при сложнейшей ледовой обстановке. Медленно продвигались на северо-запад. 13 августа попали в ловушку: судно сжалось льдами; затормозило форштень, открылась значительная течь. Три дня экипаж боролся за живучесть «Якуцка». Постоянно откачивали воду, заделывали щели, сбросили за борт пушки и другие тяжелые вещи...

Поразительны по своей напряженности записи, сделанные в те трагические дни и часы в судовом журнале¹⁴. В них все: страх и отчаяние одних и мужество, непреклонность других; кто-то смелодушничал в критической ситуации, а кто-то проявил силу воли.

Между тем усилился ветер, и судно, все больше наполняемое водой, понесло вместе со льдами в море. Необходимо было предпринять

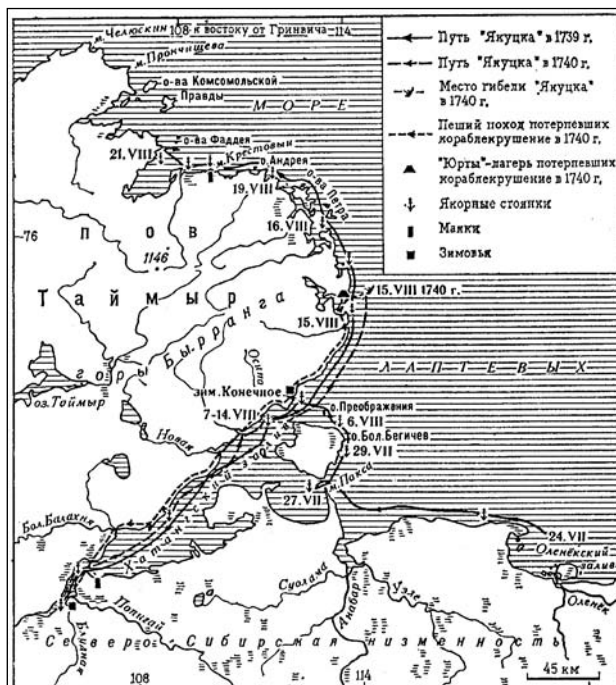
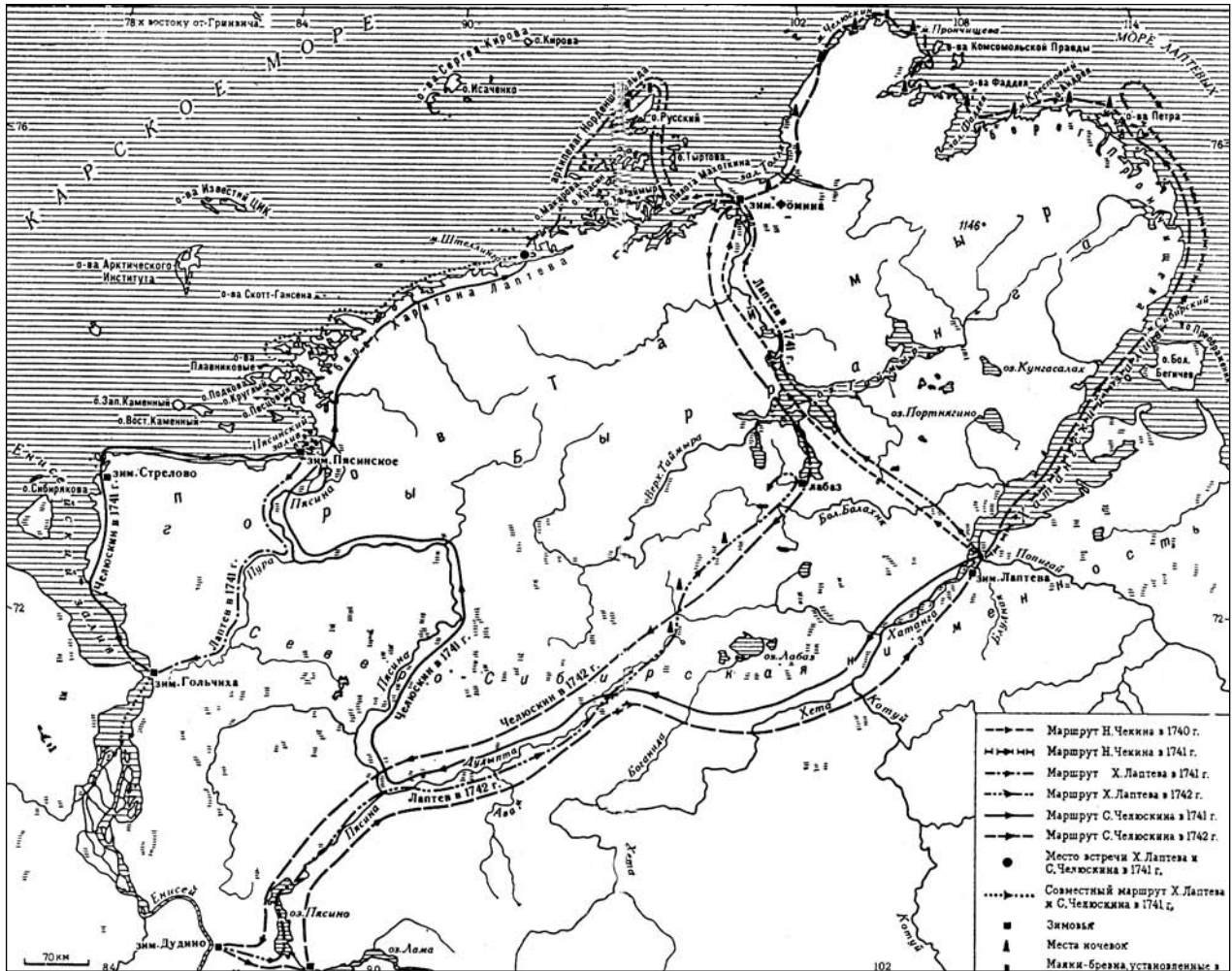

Схема пути дубель-шлюпа «Якуцк» в 1739—1740 гг.

экстренные меры, иначе вдали от берега — верная гибель.

Собрали совет. Сообща решили оставить «Якуцк», «токмо бы людей спасти». На лед сгрузили провизию и другие припасы, наиболее необходимое снаряжение. Лихорадочно мастерили сани, нагружали на них весь скарб. К счастью, ударил мороз, и полыньи между льдами покрылись льдом.

Лаптев приказал всем выдать вина. Потом люди впряглись в сани и поволокли их к спасительному берегу. До него путь не так уж близок — около 15 миль! Вот почему часть имущества и провизии временно оставили на льду. Наконец к полудню 16 августа замерзшие, измученные мореплаватели вступили на каменистый берег. Но про отдых думать было рано. Не сговариваясь, сразу же бросились собирать плавник, чтобы обогреться у костра и утолить голод.

Через некоторое время поставили юрты. «От натуги и худого воздуха», как пишется в хрониках, половина экипажа заболела. Но постельным режимом никто не пользовался. Геодезист Чекин отправился разведать, покрылся ли льдом залив, преграждавший им путь на юг, к зимовьям. Штурман Челюскин занимался переправкой на берег оставшегося на льду провианта, снаряжения, дров. Солдаты и матросы, преодолевая усталость и недомогание, тоже трудились не покладая рук.

Схема санных маршрутов экспедиции Х. Лаптева на Таймыре

И все же некоторых охватило отчаяние. Матрос Сутормин и солдат Годов стали говорить Челюскину «неистовые слова». А когда штурман стал наказывать их «кошкками». Годов воспротивился: «Неправильно сие. И другие те же слова говорят. Все мы тут муку претерпеваем». Но потом остепенился, почувствовав крепкую руку Челюскина.

Лишь 21 сентября, когда стали реки, преграждавшие путь на юго-восток, потерпевшие кораблекрушение покинули временное пристанище, направляясь к далекому зимовью на Хатанге. Нехватку провианта восполнил енисейский промышленник Василий Сазоновский, доставивший 70 пудов муки.

24 октября. Пасмурно. Сильный мороз. В этот день Семен Челюскин прибыл на зимовье с последними членами экипажа погибшего «Якуцка». Прошли они около 700 верст и в том пути «претерпевали великую трудность и едва не все одержимы были цинготною болезнью, от которой несколько служителей померло»¹. Жертвы были бы еще значительнее, если бы не «вспоможение» Сазоновского: половину больных людей он вывез на собаках.

8 ноября на совете обсудили план дальнейших действий. Описание неведомого полуострова

(впоследствии Таймыр; в то время еще не было подобного географического наименования) решили начать весной, передвигаясь на собачьих упряжках. Морской берег решено было обследовать одновременно тремя небольшими отрядами. За 1741 год партии штурмана С. Челюскина и лейтенанта Х. Лаптева описали побережье между устьями рек Пясины и Нижней Таймыры. Группа геодезиста Н. Чекина обследовала часть восточного берега полуострова. Оставался неисследованным, как тогда называли, Северный Таймурский мыс.

Конец лета и осень провели в Туруханске, который тогда чаще называли Новой Мангазеей. Шла кропотливая подготовка к съемке северной части Таймырского побережья. Выполнить эту трудную и опасную работу, судя по обнаруженным документам, мог только Челюскин. Ведь главными особенностями его характера были не только мужество и бесстрашие, но и самостоятельность, предприимчивость, организаторские способности. И еще опыт. Прежде чем отправиться в путь, он тщательно продумал все детали этого похода: заготовка провианта и корма, оснастка и ремонт нарт и саней, приискание собак и оленей.

ВСОБРАНИИ древних актов обнаружены новые документы 2-й половины 1741 года о «снабжении экспедиции собаками и оленями по распоряжению штурмана Челюскина»¹⁶. 24 сентября «штюрману Семену Челюскину на производство команды его служителям» было выдано из казны 695 рублей 40 копеек¹⁷ — сумма по тому времени огромная. По предложению Семена Ивановича, большая часть этих средств пошла на выплату енисейским и туруханским служилым людям, которые оказывали помощь участникам экспедиции, но бедствовали на севере полуострова и годами не получали ни хлебного, ни денежного довольствия.

Найденные источники позволяют выяснить любопытные факты, касающиеся командира отряда Харитона Лаптева и соответственно характера его взаимоотношений с Семеном Челюскиным. Первый был склонен постоянно конфликтовать с местными властями. Так, 13 октября 1741 года в енисейской провинциальной канцелярии разбирали его очередное прошение «о нерадетельных в призрении экспедиции мангазейским управителем Сосниным поступках». А второй в отличие от горячего и честолюбивого командира сумел наладить деловые отношения с тем же Сосниным. Маловероятно, но возможно, их сближению и взаимопониманию способствовало примечательное совпадение: управителя, как и штурмана экспедиции, звали Семеном Ивановичем.

5 декабря 1741 года Челюскин выехал с тремя солдатами и служилыми людьми из Туруханска к реке Хатанге. Для «похода» было собрано сорок собак и «пять нарт благонадежных к дальнему и неизвестному пути». На собаках везли до 70 пудов корма. Через девять дней туруханские казаки Федос Копылов и Дементий Судаков отправили «без всякого замедлению» вниз по Енисею несколько собачьих нарт и оленьих упряжек с продовольствием, а 15 декабря по указу городничего Туруханска Лариона Щелканова в помощь Семену Челюскину выехали со служителями пять собачьих нарт и конная санная подвода.

Лаптев и Челюскин договорились так: штурман, достигнув северо-восточной части полуострова, едет вдоль взморья к западу, описывая побережье; лейтенант следует навстречу из Туру-

ханска до устья реки Таймыры и идет с описью на восток.

Стояли суровые морозы — до 50 градусов по Цельсию. В стылom воздухе далеко разносился скрип полозьев. Совершали переходы по 30—40 верст в день. Челюскина сопровождали подвозчики на оленьих упряжках. Но через десять дней «олени пристали, некоторые на дороге остались». Ориентируясь по звездам и компасу, пересекали Таймыр с юго-запада на северо-восток. 15 февраля 1742 года по рекам Хетте и Хатанге прибыли в Попигайское зимовье.

ИЗУЧАЯ скудные документы этого последнего похода, восхищаешься продуманностью, четкой выверенностью всех действий Семена Ивановича Челюскина. В конце марта группа солдата Антона Фофанова повезла к морю провиант на трех нартах. Сам Челюскин с солдатом Андреем Праховым 3 апреля также на трех нартах поехал на север. Следом двинулись подвозчики из местных жителей на одиннадцати нартах, груженных кормом для собак. Еще одну группу — якута Никифора Фомина с девятью нартами и грузом собачьего корма — Челюскин направил в устье Таймыры, чтобы оттуда она двинулась навстречу ему западным берегом. Это говорит о неуверенности штурмана в том, что Лаптев выполнит обещанное.

Миновав группу островов (остров Петра), штурман отправил назад сопровождавших его каюр и на трех собачьих упряжках с солдатами Фофановым и Праховым поехал вдоль побережья на северо-запад. 1 мая на высоком берегу они увидели каменный гурий. Это был маяк, сооруженный Челюскиным во время плавания «Якуцка» у мыса Святого Фаддея. Дальше на север еще никто не проникал. Воодушевленные путешественники энергично устремились вперед.

Семен Иванович продолжал вести наблюдения с особой тщательностью. Его журнал, единственная копия которого хранится в архивных фондах Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге, — замечательный документ, свидетельствующий о необычайном упорстве и выносливости морехода и путешественника. Лаконичны указания на неблагоприятные погодные условия. Скупы фразы о нехватке плавника. Часты упоминания о крайней изнуренности собак. Ни слова в путевом журнале о собственной усталости или проявлении страха перед нехоженным путем. Не было места в записях личным чувствам и переживаниям.

День за днем Челюскин неуклонно вел съемку побережья. Выбирали подходящее место, доставали инструменты. Установив бревно, которое везли с собой, брали пеленги, измеряли расстояния мерительными цепями. Переехав на новое место, все начинали сызнова.

6 мая при «погоде чистой и сиянии солнечном» он сделал вычисления, рассчитал географическую широту места — 77°27'. День был удачным: заметив медвежьи следы, 18 верст гнали собак и настигли четырех белых медведей. Удачным выстрелом уложили одного, пополнили запасы провианта. На следующий день к ночи небо затянуло тучами, началась «поземная метель великая, что ничего не видно». Походный чум (палатка из оленьих шкур) оказался ненадежным укрытием, да и меховые одеяла не спасали от стужи.

Через сутки пурга поутихла, однако по-прежнему было ненастно. «Погода пасмурная, снег и

туман; пополудни в 5-м часу поехали в путь свой около морского берега», — записал Челюскин. Через пять верст достигли скалистого мыса, ныне мыса Чекина. Челюскин снова сделал в путевом журнале примечательную пометку, навсегда вошедшую в историю географических открытий: «Здесь берег высоты средней, приярой (обрывистый. — В.Б.), земля — глина, мелкой камень... Сей мыс каменный, приярой, высоты средней, около одного льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: Восточный Северной мыс... Поставил маяк — одно бревно, которое вез с собою...»¹⁸.

Челюскин решил, что далее «земля лежит от запада к югу». Но записи в журнале показывают, что берег после небольшого поворота на юг вновь стал уклоняться к северу. Самый северный мыс материка, отстоящий от того места примерно в восьми верстах и названный впоследствии его именем, Челюскин со спутниками проехал в в 1-м часу ночи 9 мая 1742 года. Было светло, уже стоял полярный день.

Первопроходцы немного передохнули. Спутники Челюскина... Что мы о них знаем? Почти ничего. Известно только, что солдаты Антон Фофанов и Андрей Прахов были взяты в отряд из Тобольского гарнизона. Челюскина несомненно сопровождал и его служитель (денщик). Подтверждение этому — обнаруженный документ, из которого следует, что в предыдущем походе (март 1741 г.) штурмана сопровождали два солдата и «служитель ево, Челюскина»¹⁹. Следовательно, этот человек был вместе с Челюскиным и в завершающей поездке 1742 года. К сожалению, в документах экспедиции его фамилия не значится. Однако в челобитных Поместного приказа фигурирует служитель помещика С.И. Челюскина Саве-

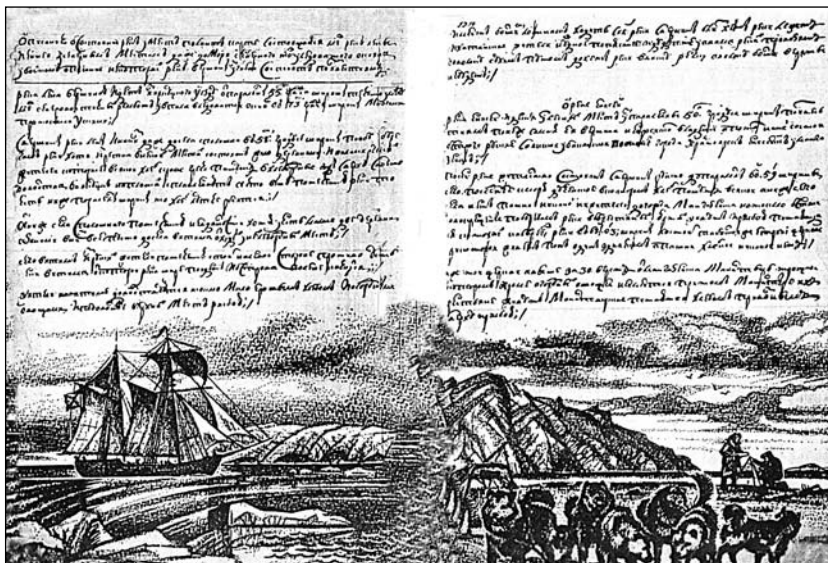
лий Тимофеев²⁰. Возможно, именно он сопровождал Семена Ивановича в санных поездках по Таймыру. В труднейшей работе по описанию северных берегов Таймыра приняли активнейшее участие солдат Тобольского гарнизона Константин Хорошев²¹, солдаты Федор Лиханов, Терентий Дорофеев, мангазейский служилый Александр Горохов, «новокрещенный» якут Никифор Фомин и другие. Все они причастны к открытию северного мыса Евразии, и их имена по праву первопроходцев тоже должны быть запечатлены на карте таймырской Арктики.

СТОЛЕТИЕ спустя, впервые после С.И. Челюскина, по Таймыру путешествовал будущий российский академик А.Д. Миддендорф. По его предложению северную оконечность Евразии стали называть мысом Челюскина²². «Как бы то ни было, — писал исследователь, — но если северо-восточный мыс получит имя Челюскина, то он сохранит это имя с честью. Челюскин не только единственное лицо, которому сто лет назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удалось этот подвиг, не удавшийся другим, именно потому, что его личность была выше других. Челюскин, бесспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае»²³.

20 июля 1742 года Семен Иванович Челюскин сделал последнюю запись в своем журнале: «Погода пасмурная, великий дождь. Сего числа пополудни в третьем часу прибыл я в город Мангазейск и явился в команду лейтенанта Харитона Лаптева»²⁴.

После завершения экспедиции Семен Челюскин в марте 1743 года прибыл в Петербург. При описании арктического побережья он потерял здоровье, получил увечья. За многолетние и тяжкие труды штурмана произвели в мичманы — первый офицерский чин на флоте. Такой ли награды был достоин Челюскин? Правда, некоторое время он командовал придворной яхтой. Однако здесь, видимо, отважный первопроходец пришелся, как говорится, не ко двору и вновь перешел служить на военный корабль Балтийского флота.

В столице и Кронштадте Семен Челюскин подводил итоги изысканий на Крайнем Севере. Немало бессонных ночей провел он во время обработки материалов и составления генеральной «Морской карты описания берега Северного Ледовитого моря меж реками Лены и Енисея». Только теперь он в полной мере осознал: усилиями всех участников экспедиции (рядовых, морских служителей, офицеров) со-

Титульный лист «Описания...» Х. Лаптева

Фрагмент документа, устанавливающего год смерти С.И. Челюскина

браны первые научные сведения о большой Таймырской земле. Огромный северный полуостров перестал быть таинственной землей.

В сентябре 1743 года вышло в свет «Описание, содержащееся от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние». В нем не говорилось, к сожалению, ни слова о достижениях погибшего лейтенанта Прончищева, о научном подвиге сурового и непреклонного штурмана Челюскина, о трудах геодезиста Чекина и других землепроходцев.

СЭТОЙ поры навсегда разошлись пути С. Челюскина и Х. Лаптева. Харитону помогал по службе известный в адмиралтейских кругах офицер флота и его двоюродный брат Дмитрий Лаптев, а потому и служебный путь его был более удачлив: Х. Лаптев командовал военными кораблями, затем в звании капитана 1 ранга стал главным интендантом, ведавшим снабжением Балтийского флота.

Повышение же Челюскина по службе шло весьма трудно. Звания лейтенанта он был удостоен лишь в 1751 году, а в декабре 1756-го «морского флота лейтенант Семен Челюскин с награждением капитана третьего ранга»²⁵ ушел в отставку «за болезнью и старостью». В 50 лет его уже причислили к старикам!

До сих пор была неизвестна дата смерти выдающегося исследователя.

В результате кропотливых поисков в фондах Поместного приказа Российского государственного архива древних актов мне удалось разыскать челобитную жены Челюскина, датированную мартом 1765 года и обращенную к «всепреосветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне». В документе есть такие строки: «Бьет челом вдова Аграфена Павлова дочь ... Семенова жена Иванова сына Челюскина да отставной капитан Петр Семенов сын Челюскин. В прошлом 1764 году в ноябре месяце моего Аграфенинова мужа, а тоего Петрова отца выреченного Семена Ивановича Челюскина волею Божией не стало»²⁶.

Итак, арктический первопроходец и открыватель северной точки Старого Света Семен Иванович Челюскин умер в ноябре 1764 года. Поскольку место его погребения не установлено, выскажу некоторые предположения. В указанной челобитной его вдова сообщала, что после смерти мужа остались недвижимые имения в следующих уездах: Лихвинском (ныне Чекалинский р-н Тульской обл.), Алексинском (Тульская обл.), Перемышльском (Калужская обл.) и Белевском. Несколько лет назад я побывал в деревнях и селах, которыми когда-то владел С.И. Челюскин.

АНАЛИЗ источников конца 50-х — начала 60-х годов XVIII века позволял предположить, что после отставки Семен Иванович поселился в сельце Босарево Алексинского уезда. Дело в том, что недалеко от Алексина в имении своего мужа отставного майора А.А. Змиева проживала его единственная (сыновья С.И. Челюскина селились в других местах) и горячо любимая дочь — Аграфена, в других документах Агриппина. Несомненно, в трудные минуты она поддерживала больного отца.

Не исключено, что Семен Иванович Челюскин умер в сельце Босарево. А вот похоронили его,

вполне возможно, в с. Рождество-Слуки. Это предположение подтверждает такой факт. В труде «Приходы и церкви Тульской епархии» сказано: «Село Рождество-Слуки Алексинского уезда, в 7 верстах от г. Алексина... Очень древний церковный приход, более 500 лет. Третий храм... построен на средства прихожан майора Александра Змиева. Придельный алтарь в храме во имя чудотворца Николая устроен в 1791 году на средства жены храмоздателя Агриппины Змиевой»²⁷. Примечательно, что святой Николай издревле считается покровителем мореплавателей и путешественников. Следовательно, дочь нарекла церковный придел в память о своем отце-моряке, который и был здесь погребен. Окончательно разрешить этот вопрос смогут, видимо, алексинские краеведы.

В заключение скажу о потомках С.И. Челюскина. Пока неизвестно, имели ли детей трое сыновей Семена Ивановича. А вот у дочери Аграфены Змиевой, как удалось установить, был сын — Николай Александрович Змиев, внук покорителя Севера²⁸. На нем, к сожалению, сведения о потомках С.И. Челюскина обрываются.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 286, оп. 1, д. 230, л. 23—23 об., 33.

² Советская Арктика. 1938. № 9. С. 83.

³ Глушанков И.В. Навстречу неизведанному. Л.: Гидрометеиздат, 1980. С. 19; Романов Д.М. Колумбы Арктики. Тула: Приокское книжное издательство, 1982. С. 26.

⁴ Полярный круг. М.: Мысль, 1974. С. 257.

⁵ Там же. С. 257.

⁶ Русский архив. М., 1893. Кн. 2. Вып. 5. С. 5, 6.

⁷ РГАДА, ф. 1209, оп. 1, д. 14567, л. 99, 100 об.

⁸ Там же, л. 100 об.

⁹ Там же, д. 15596, л. 359.

¹⁰ Там же, ф. 21, оп. 1, д. 45, л. 23, 35.

¹¹ Голубев Г.Н. Колумбы России: Историческая хроника. М.: Советский писатель, 1989. С. 376.

¹² Воен.-истор. журнал. 2001. № 10. С. 67, 75.

¹³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1880. Т. 8. С. 422.

¹⁴ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 89, 90.

¹⁵ РГАДА, ф. 248, оп. 20, д. 1327, л. 84 об.

¹⁶ Там же, ф. 830, оп. 1, д. 15, л. 1.

¹⁷ Там же, д. 16, л. 12.

¹⁸ РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 161 об.

¹⁹ РГАДА, ф. 428, оп. 1, д. 164, л. 5, 6.

²⁰ Там же, ф. 1209, оп. 4, д. 3580, л. 604.

²¹ В РГАДА (см. ф. 24, оп. 1, д. 50) удалось найти любопытный документ, датированный 1766 г., — «О предоставлении императрице соболей с Шантарских островов солдатам Хорошевым». Не тот ли это солдат К. Хорошев, который действовал на Таймыре?

²² Имя С.И. Челюскина носят также полуостров на крайнем севере Таймыра, остров в устье р. Пясины и небольшой островок в Таймырской губе.

²³ Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. СПб., 1860. Ч. 1. С. 78.

²⁴ РГА ВМФ, ф. 913, оп. 1, д. 41, л. 167 об.

²⁵ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 410, л. 712.

²⁶ Там же, ф. 1209, оп. 1, д. 15505, л. 430.

²⁷ Приходы и церкви Тульской епархии. Тула, 1895. С. 58, 59.

²⁸ РГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 512, л. 641.

В.В. БОГДАНОВ
(Москва)

«Я НЕ ИЗ ТЕХ МУРАВЬЕВЫХ, КОТОРЫХ ВЕШАЮТ...»

Михаил Николаевич Муравьев-Виленский
(24.09.1796—29.08.1866)

Михаил
Николаевич
Муравьев

МИХАИЛ Николаевич Муравьев родился в старинной дворянской семье, родословная которой восходит к XV веку. Его отец Николай Николаевич (1768—1840) был боевым генералом и основателем Московского училища колонновожатых — прообраза Академии Генерального штаба. Помимо Михаила в семье было еще четверо сыновей, в том числе будущий наместник Кавказа Николай, за взятие крепости Карс получивший прибавление к фамилии и ставший Муравьевым-Карским; Александр, ставший декабристом; Андрей, известный в свое время духовный писатель, и Сергей, сделавший гражданскую карьеру.

Михаил Муравьев воспитывался в училище при Московском университете, проявляя большие способности к математике. В 1810 году в возрасте 14 лет юный Михаил основал из числа своих ровесников общество математиков. Заинтересовавшись этим обществом, его отец организовал у себя на дому лекционные курсы по математике, имеющие прикладное военное значение, особенно для штабной и провиантской службы. В 1816 году на базе курсов была создана Московская школа колонновожатых, причисленная к Военному министерству, начальником которой оставался Н.Н. Муравьев. В Отечественную войну 1812 года Михаил Муравьев был зачислен в Свиту Е.И.В. по квартирмейстерской части. Однако должность придворного не интересовала Муравьева-младшего, и он предпочел перейти в действующую армию. Михаил участвовал во многих боях, во время сражения при Бородино был ранен на батарее генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. Во время Заграничного похода русской армии 1813—1814 гг. занимал ряд штабных должностей. Его способности ярко проявились в идеально организованной штабной службе.

Вернувшись после победы над Наполеоном в Россию, М.Н. Муравьев стал преподавать математику в школе колонновожатых, которой руководил его отец. Для школы Михаил составил «Программу для испытания колонновожатых Московского учебного заведения, под началом генерал-майора Муравьева состоящих» (1818) и «Учреждения учебного заведения колонновожатых» (1819). Женился Муравьев-младший на Пелагее Васильевне Шереметевой, породнившись с одним из самых влиятельных родов в России. Одновременно с преподавательской деятельностью он принимал участие в деятельности тайных обществ, составлял устав «Союза благоденствия». Однако видя все большую политизацию «Союза», превращавшегося в заговорщическую организацию, ставящую своей целью ликвидацию традиционной России, Муравьев с 1820 года прекратил участие в заседаниях общества. Он вышел в отставку и стал вести жизнь обычного помещика.

После мятежа 14 декабря, в котором активную роль играли многие родственники Муравьева, в том числе его родной брат и свояк (родная сестра его жены была замужем за И.Д. Якушкиным), он был арестован и помещен в Петропавловскую крепость. Однако вскоре был освобожден, поскольку на следствии выявилась полная непричастность его к заговору и мяте-

жу. Муравьев возвратился на государственную службу и в 1827 году был назначен витебским вице-губернатором. С 1828 года М.Н. Муравьев стал губернатором в Могилеве. На этом посту он прославился борьбой с попячиванием белорусских земель. По его инициативе в губернии был отменен «Литовский статут» (свод законов, принятых в Великом княжестве Литовском еще в XVI веке) и распространено общероссийское законодательство. В делопроизводство с 1 января 1831 года был введен русский язык вместо польского.

Деятельность Михаила Николаевича в Могилеве пришлось на время польского восстания 1830—1831 гг. Благодаря энергичным мерам Муравьев не допустил во вверенной ему губернии мятежа. В 1830 году, буквально накануне восстания, Муравьев подал Николаю I записку «О нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империей». Уже в ходе восстания, в 1831 году, М.Н. Муравьев подал монарху новую всеподданейшую записку «Об учреждении приличного гражданского управления в губерниях, от Польши возвращенных, и уничтожении начал, наиболее служивших к отчуждению оных от России!». В этих любопытных документах он обращал внимание императора на то, что через полвека после воссоединения Белоруссии с Россией в крае мало что изменилось со времен Речи Посполитой. Полными хозяевами края были польские помещики, угнетающие православное население. Городскими жителями были в основном евреи, подчинившие себе всю хозяйственную жизнь Белоруссии. Духовная жизнь в крае была подчинена католической церкви, ведущей активную пропаганду «полонизма» и русофобии. В то время как польско-католические учебные заведения были весьма многочисленны и высокого уровня до Виленского университета включительно, русских православных школ в крае практически не было! При этом до Михаила Муравьева губернаторы и другие администраторы Белоруссии, назначенные в Петербурге, предпочитали из соображений словесной солидарности поддерживать польско-католическое господство. Польские крепостники были ближе по духу русским крепостникам! В этих условиях Муравьев наживал себе влиятельных врагов не только в польских кругах, но и в петербургском высшем свете, предлагая поддерживать в бывших польских владениях русский элемент, политически и экономически ничтожный, хотя и насчитывающий 90 проц. населе-

● ЗАБЫТОЕ ИМЯ ●

ния края. Для начала Михаил Николаевич советовал преобразовать просвещение в крае, закрыть иезуитские учебные заведения, в том числе и Виленский университет, контролируемый иезуитами.

Польский мятеж, подтвердивший все опасения Муравьева, способствовал его карьере — в 1831 году он стал губернатором в Гродно, в 1832-м — в Минске. Подавляя восстание, Муравьев без всяких колебаний конфисковывал владения мятежной шляхты и даже подвергал благородных панов телесным наказаниям. За успехи в подавлении мятежа Муравьев был в 1835 году переведен губернатором в Курск. Видимо, сказалось давление польских магнатов и их петербургских друзей. Из предложений, высказанных в записках, реализованными оказались немногие пункты: была упразднена униатская церковь и белорусы вернулись в православие, «Литовский статут» был отменен повсеместно и всероссийские законы распространены во всем крае, русский язык стал языком администрации и канцелярии. Эти полумеры несколько усилили русское влияние в крае, однако польская шляхта с католическим духовенством продолжала подрывную деятельность против России.

Муравьев после губернаторства в Курске занимал должность директора Департамента податей и сборов, в 1842 году был назначен в Сенат, а с 1850-го стал членом Государственного совета. В 1850—1857 гг. Михаил Муравьев был также вице-председателем Императорского русского географического общества. Однако только с воцарением Александра II его карьера пошла в гору. В 1856 году он был назначен председателем Департамента уделов, а год спустя — министром государственных имуществ. На этом посту Муравьев сыграл определенную роль в деле освобождения крестьян. Однажды на заседании Главного комитета по крестьянскому вопросу Муравьев воскликнул: «Господа, через десять лет мы будем краснеть при мысли, что имели крепостных людей». Однако в конце 1861 года Муравьев был отправлен в отставку, став жертвой борьбы петербургских бюрократических группировок.

Но он не долго был не у дел. В январе 1863 года начался новый польский мятеж, который был гораздо опаснее предыдущего. Новое польское восстание представляло серьезную угрозу не из-за своего масштаба (общее число мятежников составляло около 10 тыс. человек, причем они не взяли ни одного города и не имели ни одного успеха в прямом боевом столкновении) — главная опасность заключалась в помощи полякам с Запада и поддержке их борьбы внутри России со стороны либералов и радикалов. В апреле и июне 1863 года Англия, Австрия, Италия, Швеция, Испания, Португалия, Голландия, Дания, Османская империя и Папа Римский предъявили российскому правительству дипломатические ноты, напоминающие ультиматум, требуя изменить политику в польском вопросе. Возник политический кризис, вошедший в историю как «военная тревога 1863 года». Внутри России поляки встретили полную поддержку «передовой интеллигенции». Герцен и Бакунин собрали в Англии интернациональный отряд, который с большим запасом оружия отправился на корабле к берегам Литвы (впрочем, сами организаторы предпочли остаться на Западе). В Поволжье группа заговорщиков планировала поднять мятеж («Казанский разговор»). Во многих петербургских и московских ресторанах «просвещенная» публика открыто поднимала тосты за успехи «польских товарищей», всячески сочувствуя сепаратистам, восхваляя их некоей «цивилизованностью» и находя естественными территориальные претензии сепаратистов на коренные русские земли. Говоря о польских восстаниях, в том числе и о восстании 1863—1864 гг., необходимо напомнить, что повстанцы сражались не столько за свободу польского народа, сколько за восстановление Речи

Посполитой в границах 1772 года, до ее разделов или даже «от моря до моря». Весной 1863 года в упоении первыми успехами и в ожидании помощи Запада мятежники объявили о восстановлении униатской церкви в Белоруссии и Правобережной Украине.

Положение осложнилось еще и тем, что наместник в Польше великий князь Константин Николаевич, человек весьма либеральный и доброжелательный, не был способен управлять охваченным мятежом краем. Он медлил с введением чрезвычайного положения и применением военной силы до тех пор, пока мятеж не охватил всю Польшу и не перекинулся в Литву и Белоруссию.

В этой накаленной обстановке известный журналист М.Н. Катков (1818—1887), редактор журнала «Русский вестник» и ежедневной газеты «Московские ведомости», выступил на страницах своих изданий с призывом подавить мятеж и игнорировать ноты протеста западных стран. Катков с удивительной смелостью обвинил наместника в слабости и в измене! Никогда еще в открытой печати никто не обвинял в чем-либо члена августейшей фамилии! При этом Катков не только возмущался бездействием имперских властей, но и предложил заменить гражданскую администрацию в Польше и Северо-Западном крае (так тогда называли Литву и Белоруссию), состоящую в основном из поляков, и назначить туда генерал-губернатора с диктаторскими полномочиями. Катков предложил кандидатуру Михаила Николаевича Муравьева, напоминая о его энергии, организаторских способностях и опыте действий в 1830—1831 гг. в отдельных губерниях края. 1 мая 1863 года указом Александра II М.Н. Муравьев был назначен генерал-губернатором семи губерний (Виленской, Ковенской, Августовской, Витебской, Минской, Могилевской и Гродненской). Назначение Михаила Муравьева «диктатором» Северо-Западного края официальный Петербург считал крайней мерой. М.Н. Муравьев впоследствии вспоминал, что императрица Мария Александровна сказала ему при отъезде в Вильно к новой должности: «Хотя бы Литву, по крайней мере, мы могли бы сохранить». Собственно Польшу, похоже, в Петербурге считали уже потерянной. Но Муравьев так не считал.

Михаил Николаевич действовал быстро и решительно. Он прибыл в Вильно 26 мая, а уже 8 августа принял депутацию Виленского шляхетства с покаянием и изъявлением покорности. К осени Муравьев разгромил основные отряды мятежников, а к весне 1864 года усмирение края было завершено. Действовал Муравьев порой беспощадно: по приговорам военно-полевых судов были казнены 127 человек, сосланы на каторжные работы 972 человека, на поселение в Сибирь — 1427, отданы в солдаты 345, в арестантские роты — 864, высланы во внутренние губернии 1529, всего были осуждены 9361 человек. Кроме того, еще 1260 человек были административным порядком уволены с должности, причем не столько по политическим мотивам, сколько за коррупцию. В боях было убито свыше 5000 мятежников. (Тем не менее до сих пор во всех польских и западных учебниках истории говорится о сотнях тысяч казненных и сосланных!) Особую ярость у поляков и российских либералов вызывали публичные казни через повешение шляхтичей, что нарушало «Указ о вольности дворянства». За эти повешения за Муравьевым у либеральной публики закрепилось прозвище Вешатель. Интересно, что косвенно автором прозвища был сам Муравьев, который на всякие намеки о его родственниках-декабристах говорил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают!» Усмирение мятежа далось малой кровью — всего погибли 826 русских солдат и 348 пропали без вести, умерли от ран и болезней, также погибли несколько сотен полицейских и гражданских чиновников (в основном верных присяге российскому императору

поляков), общие потери составили около 4000 защитников порядка³.

Однако Муравьев не только воевал и вешал. Направляясь в Северо-Западный край, генерал-губернатор поставил перед собой задачу искоренить из общественной жизни национальные, социальные и религиозные особенности края, реализуя собственную программу 1830 года о русификации Белоруссии. Муравьев обложил налогом в 10 проп. доходы всех помещичьих имений, а также собственность католического духовенства. Из 40 католических монастырей в Белоруссии Муравьев закрыл 24. Кроме того, шляхетство должно было оплачивать содержание сельской стражи, состоявшей из местных православных белорусов. (Можно представить себе ярость панов, оплачивающих вооруженную стражу из числа своих бывших крепостных!) Муравьев провел в Белоруссии настоящую аграрную реформу, отменив временнообязанное состояние и выполнение крестьянами феодальных повинностей. Батраки и безземельные крестьяне начали наделяться землей, конфискованной у участвовавших в мятеже помещиков. О политике генерал-губернатора свидетельствуют названия указов, изданных М.Н. Муравьевым и сменившим позднее его на этом посту и продолжившим его курс К.П. Кауфманом. Так, 19 февраля 1864 года Муравьев издает указ «Об экономической независимости крестьян и юридическом равноправии их с помещиками». Кауфман 10 октября 1865 года издал лаконичный указ «Об ограничении прав польских землевладельцев».

О многом также могут сказать названия циркуляров, изданных М.Н. Муравьевым. Так, один из циркуляров назывался «О предоставлении губернским и уездным по крестьянским делам учреждениям принимать к разбирательству жалобы крестьян на отнятие у них помещиками инвентарных земель». В целом, в результате реформ Муравьева наделы белорусских крестьян были увеличены на 24 проц., а их подати снижены на 64,5 проц. по сравнению с крестьянами других краев Российской империи. При этом крестьяне Гродненской губернии получили на 12 проц. больше земли, чем было отведено уставными грамотами, в Виленской губернии — на 16 проц., в Ковенской — на 19 проц. Выкупные платежи были понижены: в Гродненской губернии — с 2 рублей 15 коп. до 67 коп. за десятину, в Виленской — с 2 рублей 11 коп. до 74 коп., в Ковенской — с 2 рублей 25 коп. до 1 рубля 49 коп. за десятину⁴. Стремясь создать в крае слой зажиточного русского крестьянства, Михаил Николаевич ассигновал 5 млн рублей на приобретение православными севе́стированных панских земель.

Генерал-губернатор начал создавать русские православные школы. Так, уже к 1 января 1864 году в Северо-Западном крае было открыто 389 народных училищ, в Молодечно местная польская прогимназия преобразована в учительскую семинарию для образования православных учителей из числа местных жителей⁵.

Муравьев привез с собой чиновников из глубинных русских губерний, однако рассматривал это как временное явление. Он открыл доступ местным православным уроженцам ко всем должностям. В скором времени почти весь административный аппарат введенных ему семи губерний был укомплектован местными жителями.

Плоды деятельности Муравьева сказались десятилетия спустя. Известный национальный мыслитель XX века И.Л. Солоневич вспоминал о времени своей юности в Белоруссии: «Край — сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русского там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России... Народ остался без правящего слоя. Без интелли-

генции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции»⁶. Поразительно, но российские либералы обвиняли Муравьева одновременно в подавлении свободы польского народа и в «пугачевском» разгроме польского помещичьего класса.

1 мая 1865 года после окончания своей миссии Михаил Муравьев был уволен с поста генерал-губернатора и удостоен титула графа Виленского. Последним делом графа Муравьева-Виленского было участие в комиссии по расследованию дела о покушении Д. Каракозова на императора Александра II. Скончался М.Н. Муравьев 31 августа 1866 года. В 1898 году в Вильно ему был воздвигнут памятник.

Михаила Николаевича Муравьева можно по праву считать выдающимся деятелем своей эпохи с необычной судьбой. Само назначение Муравьева в Северо-Западный край с диктаторскими полномочиями было событием, доселе невиданным. Вопрос о его назначении решился под давлением общественного мнения, в частности журналиста Каткова. (Правда, М.И. Кутузов также был назначен при похожих обстоятельствах). Проведенные в крае реформы задумывались вовсе не высшими бюрократическими кругами Петербурга, а самим Муравьевым при помощи патриотически настроенных консерваторов, близких к славянофилам. То, что в Белоруссии М.Н. Муравьев сделал ставку на местное угнетенное православное крестьянство, противопоставив себя польскому дворянству, было потрясением для властвующей элиты империи.

Его деятельность неоднозначно оценивается различными историками и политиками. Однако его благородное служение своему Отечеству требует воздать должное этому незаурядному человеку⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Муравьев М.Н.* Четыре записки графа Муравьева о Северо-Западном крае 1830—1865 гг. // Русский архив. 1885. Т. 2; *Сорокин Р.* Муравьев в Литве в 1831 году // Русская старина. 1873. Т. 7.

² *Кулаковский П.А.* Польский вопрос в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 26.

³ *Урлянис Б.Ц.* История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах XVIII—XX вв. (историко-статистическое исследование). СПб.: Полигон, 1999. С. 113.

⁴ *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958. С. 401.

⁵ *Татищев С.С.* Император Александр Второй. Его жизнь и царствование. Кн. вторая. М., 1996. С. 241.

⁶ *Смолин М.Б.* Очерки имперского пути. М., 2000. С. 84—85.

⁷ О жизни и деятельности М.Н. Муравьева-Виленского можно прочесть также в следующих источниках: Всеподанейший отчет гр. М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865 гг.) // Русская старина. 1902. Т. 110; *Муравьев М.Н.* Записки графа М.Н. Муравьева. СПб., 1883; *Катков М.Н.* Собрание передовых статей по польскому вопросу 1863—1864 гг. В 3 т. М., 1887; *Корнилов И.П.* Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. СПб., 1898; *Кропотов.* Жизнь гр. М.Н. Муравьева. СПб., 1874; *Пороховицков.* Подвиг Муравьева — настольная книга правителей и правительствам. СПб., 1898; *Турцевич А.* Очерк жизни и деятельности гр. Муравьева. Вильна, 1898.

С.В. ЛЕБЕДЕВ,
кандидат философских наук
(Санкт-Петербург)

Генерал-майор
Г.М. Шубников

ПЕРВОСТРОИТЕЛЬ КОСМОДРОМА БАЙКОНУР

К 100-летию Г.М. Шубникова

В мае 2003 года инженеру, заслуженному строителю России, первому начальнику строительства космодрома Байконур, ветерану Великой Отечественной войны генерал-майору Георгию Максимовичу Шубникову исполнилось бы 100 лет. Фигура Г.М. Шубникова — это одна из самых ярких страниц истории строительства космодрома на самом трудном этапе.

Г.М. Шубников — потомственный строитель. Родился он в 1903 году в г. Ессентуки в семье плотника. Когда подросток, сразу определил для себя будущую профессию. На стройке с семнадцати лет, прошел путь от простого рабочего до главного инженера строительного треста. В годы Великой Отечественной войны был заместителем командира отдельного саперного батальона, начальником оперативного отдела саперной бригады, начальником 12-го управления военно-полевого строительства. Пользовался непререкаемым авторитетом, был известен на весь фронт как талантливый военный инженер, волевой и решительный командир. Войну Георгий Максимович закончил в Германии. Уже в послевоенные годы солдаты под руководством Шубникова восстанавливали мосты на Дунае, Одере, Шпрее. Но главным делом для него в первые послевоенные годы становится строительство мемориального комплекса Трептов-парка в центре Берлина.

Высокий, крепкого сложения, с бритой головой, всегда подтянут, выдержан, глаза внимательные, цепкие, на собеседника смотрит пылливо, но доброжелательно. Таким помнят его соратники по строительству первого уникального космического старта. Юношеская увлеченность, трезвый и требовательный подход к решению любых вопросов, неумная энергия — все это действовало на окружающих. Его подчиненные видели в нем необыкновенного человека: работоспособного, аккуратного, постоянно стремящегося к профессиональному совершенству. Подкупало в нем и то, что он мог твердо отстаивать свою точку зрения перед вышестоящими начальниками. Оставаясь всегда внешне спокойным, Шубников никогда не терялся в самых сложных ситуациях, всегда находил правильное решение и твердо проводил его в жизнь. При этом он не боялся брать на себя ответственность за принятые решения. На любом совещании или планерке он терпеливо выслушивал мнение всех присутствующих, оставляя окончательное решение за собой. Но ес-

ли ограничиться этими данными, то значит, ничего не сказать об этом человеке, ибо его биография — яркий пример того, как человек без остатка отдавал себя всего тому делу, которое ему было поручено, и вел других за собой.

В конце 1940-х годов резкое обострение международной обстановки внесло коррективы в планы советских военных строителей, занятых восстановлением разрушенного войной народного хозяйства. Коллектив управления, руководимый Георгием Шубниковым, восстанавливавший в то время шахты Донбасса, был срочно переброшен в Капустин Яр Астраханской области для строительства ракетного полигона. И уже 18 октября 1947 года успешно стартовала первая советская баллистическая ракета. А впереди был Байконур. Выбор руководством начальника строительства полигона — сооружения, какого еще не знала страна, нельзя назвать случайным. Авторитет Георгия Максимовича был высок, высшее командование видело в нем человека с сильным характером, талантливого инженера, умеющего вести за собой большие массы людей. Вот почему, когда обсуждалась кандидатура на должность руководителя строительства, мнение было практически единодушным: это по плечу только Георгию Максимовичу Шубникову.

В январе 1955 года Г.М. Шубникова, вспоминает заслуженный строитель Казахской ССР генерал-майор И.М. Гуревич, срочно вызвали в Москву. Причину вызова он не знал, но в самолете не мучался догадками. Мало ли у него было таких срочных командировок! В аэропорту его встретили, привезли в ЦК партии. Принял его один из членов правительства. Находившийся с ним человек назвал только свое имя и отчество — Сергей Павлович. То, что услышал Шубников, сидя в кабинете Королева, поначалу не укладывалось в сознание, выглядело фантастикой. Говорили они долго, и Георгий Максимович все больше понимал, какая ответственность ложится на его плечи. Всегда уравновешенный и выдержанный, он волно-

Г.М. Шубников (третий справа) среди военных строителей Байконура
Конец 1950-х гг.

вался. Необычность стройки радовала его, но жизненный опыт подсказывал, что сроки будут сжаты, условия тяжелые, а проблем множество. И он не ошибся. Стартовое сооружение, монтажно-испытательный корпус, кислородный завод, компрессорная станция, теплоцентраль, жилой городок... Казалось, перечислению объектов не будет конца. Шубников не пытался их запомнить. И так было ясно: объем работ огромен, под стать строительству крупной гидроэлектростанции где-нибудь в Сибири. Но ведь на строительство станции уходит 5—7 лет, да еще два года занимает подготовительный период. А тут, как говорится, на все про все — два года.

В марте 1955 года Георгий Максимович прибыл на станцию Тюра-Гам, где начался трудный и долгий бой, наступление на пустыню. Приезд Шубникова вскоре изменил ритм жизни на строительстве, которое уже понемногу стали захлестывать волны неразберихи и неурядиц. Весной и летом проезжавшие мимо станции Тюра-Гам, наверное, думали, что там постоянно бушует пыльная буря. На протяжении десятков километров солнце застилала бурая пелена пыли и песка, поднятых в воздух тысячами механизмов, работавших на стройке. Станция была забита составами, рядом с полотном дороги лежали строительные конструкции, громоздились горы всевозможных материалов. Сотни машин непрерывной чередой подходили за грузом и отправлялись обратно в степь по своим маршрутам: везде нужны были строительные материалы, хлеб, вода. Здесь, на этой невиданной стройке, в полной мере проявились талант и упорство Г.М. Шубникова, его инженерное предвидение, высочайшее чувство ответственности за порученное дело.

Шли годы напряженного труда. Человек, так заботившийся о других, не думал о себе. Болезнь наступила практически внезапно. Коллеги по работе вспоминают, что во время работы Шубников стал жаловаться на боли в затылке, однако на предложение поехать домой отдохнуть наотрез отказывался и еще несколько дней ходил на работу. Состояние ухудшалось, и Георгий Максимович вынужден был согласиться лечь в госпиталь. У него стремительно стало ухудшаться зрение. Когда Шубникова посетил Сергей Павлович Королев, Георгий Максимович его уже не видел. Королев распорядился немедленно отправить Шубникова в Москву на своем личном самолете. В Москве Георгия Максимовича прооперировали, но результат был неудачным. В 1965 году Георгий Максимович Шубников умер и по его завещанию похоронен в Эссентуках.

В Байконуре бережно хранят память о Георгии Максимовиче Шубникове. Здесь именем первостроителя космодрома названы улица, на которой он жил, сквер, городской парк, средняя школа № 1. На зданиях, связанных с деятельностью Г.М. Шубникова, установлены мемориальные доски. А в мае 1983 года состоялось открытие памятника Георгию Максимовичу. К слову, администрация города совместно с командованием космодрома планирует в недалеком будущем устроить в доме, где он жил, музей-квартиру Шубникова.

В средней школе № 1 имени Г.М. Шубникова в 1999 году образована детская организация «Шубниковцы», которая работает по семи направлениям, в нее входят 160 ребят. В течение многих лет в школе идет большая поисковая работа, которая позволяет открывать новые факты жизни прославленного строителя. Оказывается, внук Георгия Максимовича А.А. Лосев тоже служил на Байконуре. После окончания института по его просьбе он был направлен офицером в инженерно-строительные войска на Байконур. Ему хотелось посмотреть на результаты огромной работы, которая была проделана под руководством его деда. Так дело Г.М. Шубникова продолжил его внук.

Е.П. МИТРОФАНОВА
(Байконур)

Фотографии из фондов городского музея истории космодрома Байконур

КОНКУРС

ЧАЙНВОРД «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА»

По их многочисленным просьбам редакция объявляет для читателей «Молодежного военно-исторического журнала» конкурс. В течение всего года мы предполагаем публиковать кроссворды, криптограммы, чайнворды на военно-исторические темы. Тот, кто пришлет наибольшее количество правильных ответов на публикуемый ниже чайнворд «Отечественная война 1812 года», получит приз — книгу В.Е. Морихина «Традиции офицерского корпуса России» (с содержанием книги мы вас знакомим в этом номере журнала). Результаты конкурса будут опубликованы в «Военно-историческом журнале». В присланных ответах обязательно указывайте свою фамилию, имя, отчество, профессию, возраст и адрес.

Надеемся, что школьники и студенты, курсанты и кадеты — все, кто интересуется славными страницами военной истории России, в поисках ответов на наши задания интересно проведут часы досуга и пополнят свои знания.

Желаем успехов!

1. Сподвижник и ученик А.В. Суворова, инициатор создания подвижных конных воинских партизанских отрядов, легендарный поэт-партизан, герой Отечественной войны 1812 года.

2. Генерал от кавалерии. В начале войны 1812 года был в арьергарде 2-й армии П.И. Багратиона. Ранен в Бородинском сражении. Назначен командиром 4-го кавалерийского корпуса. Участвовал в сражениях под Тарутином и Вязмой. Герой Отечественной войны 1812 года.

3. Город, от которого 28 июня 1812 года М.Б. Барклай-де-Толли отвел свою 1-ю армию на север, к местечку Свеняны, имея целью «пригласить» Наполеона ринуться на восток, так как 2-я армия П.И. Багратиона осталась на месте и скоро оказалась на фланге «великой армии».

4. Прозвище, которым солдаты любовно называли сподвижника и ученика А.В. Суворова — П.И. Багратиона, совершившего свой последний подвиг на Бородинском поле.

5. Автор строк:

*Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без ошей,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.*

6. Город, под которым М.И. Кутузов решил нанести Наполеону первый после Малоярославца ощутимый удар и который 3 ноября был освобожден войсками Милорадовича, Платова и кавалерийского корпуса Уварова, а также отрядами войсковых партизан.

7. Город, где по указанию М.И. Кутузова был создан главный пункт сбора резервистов-рекрутов для пополнения пехоты.

8. Генерал-майор, командир 4-го резервного кавалерийского корпуса во 2-й армии П.И. Багратиона в Бородинском сражении.

9. Город, у стен которого 16—17 августа 1812 года произошло первое крупное сражение русских войск с наступающей наполеоновской армией.

10. Командир 2-го кавалерийского корпуса 1-й армии М.Б. Барклай-де-Толли в Бородинском сражении.

11. Полковник. Сподвижник и ученик А.В. Суворова, участник обороны Смоленска и Бородинского сражения. Во главе сформированного им партизанского отряда наносил неожиданные удары французам. М.И. Кутузов дал ему такую характеристику: «Фанатик в храбрости и патриотизме». Герой Отечественной войны 1812 года.

12. Один из французских генералов, прибывших вместе с Наполеоном 6 сентября в ряды атакующих у села Бородино на рекогносцировку.

13. Автор следующей характеристики: «Слава Кутузова неразрывно соединена со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены!.. Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал».

14. Секретный агент, политический резидент Александра I, посредник между ним и главным осведомителем о планах Наполеона в отношении России — Талейраном.

15. Выдающийся военный и государственный деятель, сподвижник и ученик А.В. Суворова. Генерал от инфантерии и от артиллерии. С началом войны 1812 года начальник штаба 1-й армии. Во время Бородинского сражения М.И. Кутузов послал его для укрепления левого фланга после ранения П.И. Багратиона.

16. Город на территории Белоруссии, освобожденный от наполеоновских войск в ноябре 1812 года.

17. Художник, написавший в 1927 году картину: «Отступление Наполеона из России».

18. Сподвижник и ученик А.В. Суворова, генерал-лейтенант. В начале войны 1812 года во главе Гродненского полка входил в отдельный корпус П.Х. Витгенштейна. При отступлении 1-й армии рассеял два полка конницы противника, взял в плен более ста французов, в том числе бригадного генерала. 19 июля в бою под Клястицами, командуя авангардом, захватил девятьсот пленных и обоз маршала Удино. На следующий день был убит ядром. Герой Отечественной войны 1812 года.

19. Генерал-фельдмаршал. Командир сводной гренадерской дивизии, принявшей в Бородинском сражении всю тяжесть мощного удара французов на Семеновские флеши в начале третьей атаки, в которой участвовало уже пять дивизий Даву и Нея и три кавалерийских корпуса Мюрата, всего около 30 тыс. человек при 160 орудиях. Ранен в штыковой атаке.

20. Город, под которым в бою у деревни Островно 25—26 июля 1812 года покрыли себя славой 3-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П.П. Коновницына и 4-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Остермана-Толстого, сдержавшие натиск корпусов Мюрата и Богарне.

21. Французский генерал, участник Бородинской битвы, брат известного дипломата и мемуариста кампании 1812 года.

22. Небольшое, отдельно устроенное, сомкнутое полевое укрепление (иногда временное) самых разнообразных очертаний.

23. Село, давшее название знаменитому фланговому маршу-маневру главных сил русской армии.

24. Генерал-майор, участник сражений под Смоленском, в районе Бородино, под Красным. В 1812 году был пожалован во флигель-адъютанты к императору Александру I. В дальнейшем одним из первых вступил в «Союз благоденствия», входил в Южное общество и был привлечен к суду по делу декабристов.

25. Генерал-фельдмаршал. В начале войны 1812 года командовал 1-м пехотным корпусом на правом фланге 1-й армии. 19 июля у деревни Клястицы разгромил войска маршала Удино. В дальнейшем его войска освободили Полоцк, нанесли французам поражение под Чашниками, освободили Витебск. Герой Отечественной войны 1812 года.

26. Полководец, давший характеристику сподвижнику и любимому ученику А.В. Суворова: «Багратион — лучший генерал русской армии».

27. Командир батальона егерей, отосланного 14 августа командиром 27-й пехотной дивизии генерал-майора Винценгерде. Во время отступления Смоленска, к деревне Корытне (24 км от города), чтобы создать еще один, хотя и слабый, заслон у переправы на реке Ивань. Свою боевую задачу тот выполнил умело и мужественно.

28. Генерал-майор. В начале войны 1812 года в чине ротмистра служил в конном отряде генерал-майора Винценгерде. Во время отступления французской армии в чине полковника командовал отрядом из трех сотен казаков, вел партизанскую войну. Герой Отечественной войны 1812 года. В 1820 году вступил в «Союз благоденствия», а затем стал одним из руководителей Южного общества. По делу декабристов был приговорен к смертной казни, замененной каторгой.

*Автор чайнворда полковник в отставке
А.С. ЖДАНОВСКИЙ
(Москва)*

Уважаемая редакция «Военно-исторического журнала»!

Многие годы мы внимательно следим за всеми вашими публикациями. В номере 11 (ноябрь) 2002 года с безусловным одобрением прочли информацию «Военно-исторический журнал» — в каждую школу России».

Это крайне важный шаг, так как ваш журнал является одним из немногих изданий, которое старается донести до читателя не

просто достоверные исторические материалы, но и так необходимые знания именно в данный момент. Совершенно очевидно, что только такое издание, как «Военно-исторический журнал» способно обеспечить конкретную помощь всем российским педагогам в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения.

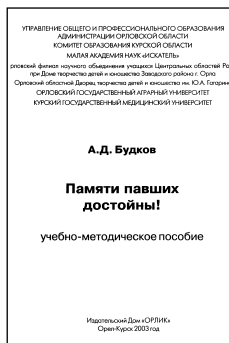
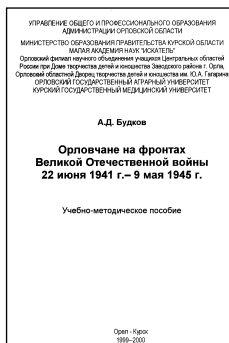
Малая академия наук (МАН) «Искатель» на протяжении всего периода своего существования (с 1988 г.) проводит серьезную работу по изучению военной истории России и военно-патриотическому воспитанию учащихся. В этой работе неоценимую помощь оказывают нам публикации в вашем журнале. Стоит отметить, что за последние десять лет юные члены МАН под руководством кандидата исторических наук, доцента полковника в отставке А.Д. Будкова написали и издали серию книг и брошюр о Великой Отечественной войне.

Высылаем вам книги, которые изданы недавно. Они помогут вам составить некоторое представление о проводимой МАН «Искатель» работе по военно-патриотическому воспитанию.

Мы горячо приветствуем появление в вашем журнале «Молодежного военно-исторического журнала». Выражаем надежду, что на страницы вашего журнала вы сочтете возможным поместить сообщение и о нашем скромном труде. Кстати, 10–11 июля 2003 года в Орле проходила международная конференция, посвященная 60-летию Курской битвы, на которой присутствовала представительная делегация ассоциации офицеров запаса Сухопутных войск во главе с Маршалом Советского Союза Д.Т. Язовым. Маршалу Язову были переданы наши книги о Великой Отечественной войне.

А.Д. МЯСНИКОВ,
президент Малой академии наук «Искатель» — научно-общественная организация Центральных областей России, доктор медицинских наук, профессор;

Ю.А. ФОМИНА,
ассистент МАН «Искатель», аспирантка ОГУ, учитель средней школы № 6 (г. Орел)

Титульные листы изданий

В соответствии с требованиями налоговой инспекции и финансовых органов "Военно-исторический журнал" может публиковать и оплачивать лишь те материалы и документы, в которых имеется обратный почтовый адрес автора, номера телефонов, полностью указаны его фамилия, имя и отчество, серия и номер паспорта (для военнослужащих — номера паспорта и удостоверения личности), число, месяц и год рождения, а также в обязательном порядке должен быть указан ИНН (идентификационный номер налогоплательщика) и номер страхового свидетельства Государственного пенсионного страхования.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более одного авторского листа, отпечатанные на пишущей машинке или изготовленные на ПЭВМ в двух экземплярах (на дискете — с одной распечаткой, набранной в Word 95, 97) через два интервала с постраничными, последовательно пронумерованными ссылками на использованные источники. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За справками о присланных в редакцию материалах обращайтесь по тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19, 195-61-18. Ответственность за достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат, а также за то, что в материалах нет данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. За содержание рекламы отвечает рекламодатель. В соответствии с Законом РФ "О средствах массовой информации" редакция имеет право не вступать в переписку с корреспондентами. Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения автора. За качество полиграфического исполнения журнала и его распространение отвечает Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ. В случае затруднений в оформлении подписки и обнаружения брака сообщите в Редакционно-издательский центр Генерального штаба Вооруженных Сил РФ по адресу: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, 38а.

При перепечатке материалов ссылка на "Военно-исторический журнал" обязательна.

В работе над номером принимали участие:

научные редакторы — С.В. АВЕРЧЕНКО, В.Т. ИМИНОВ, О.В. КАРПОВА, Ю.Н. ЛЕЩЕНКО, В.Г. ОППОКОВ, А.В. ОСТРОВСКИЙ;

секретариат — Ю.В. СНЕГОВА (заместитель ответственного секретаря), К.Н. АГАФОНОВА, М.В. ЗАБРОДИНА, Е.В. КРИГЕР;

литературная редакция — О.К. ГРАЧЕВА, А.М. ПЕТРОВ, Г.В. САТИК;

художественные редакторы — Л.П. ДЕМАХИНА, Т.Г. ПИМЕНОВА;

компьютерная верстка — Д.А. КУЛИКОВ, Е.Л. ПАКИН.

Адрес редакции для переписки: 119160, Москва, Хорошевское шоссе, д. 38а, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (095) 157-84-50, 157-87-19, 195-61-18.

Сдано в набор 05.12.2003.
Подписано к печати 27.12.2003.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Усл.печ.л. 9,3+0,93 обл. и вкл.
Уч.-изд.л. 14+1 обл. и вкл.
Усл.-кр.-отт. 9,3+3,72 обл. и вкл.

Общий тираж 12000 экз. Зак. 3.

Регистрац. № 01978 от 30.12.1992.

Допечатная подготовка выполнена в Редакционно-издательском центре Генерального штаба ВС РФ

Отпечатано в ЗАО «Красногорская типография».

© «Военно-исторический журнал», 2003.

Материалы номера рецензировали: кандидат исторических наук К.М. Андерсон (Российский государственный архив социально-политической истории), генерал-майор в отставке В.В. Градосельский, генерал-майор в отставке В.В. Гуркин (Военно-мемориальный центр ВС РФ), доктор исторических наук полковник В.М. Зарецкий (Военно-воздушная академия), кандидат военных наук полковник в отставке А.Г. Кавтарадзе (Военная академия Генерального штаба), кандидат военных наук полковник А.А. Кольтюков (Институт военной истории МО РФ), генерал-лейтенант в отставке Е.И. Малашенко, капитан 1 ранга Е.Г. Мачикин (Главный штаб ВМФ), кандидат военных наук генерал-полковник А.С. Рукшин (Главное оперативное управление Генерального штаба ВС РФ).

ПРАЗДНИКИ И ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ЯНВАРЬ

- 1–2 января** — Новый год.
- 7 января** — Рождество Христово. Впервые нерабочим днем стало в 1991 году.
- 10 января** — День инженера-механика ВМФ.
- 12 января** — День работника прокуратуры Российской Федерации.
- 13 января** — День российской печати.
- 15 января** — День памяти преподобного Серафима Саровского.
- 15 января** — День Главного штаба ВМФ.
- 21 января** — День инженерных войск.
- 22 января** — День авиации ПВО (отмечается с 1996 г.).
- 23 января** — день создания Осоавиахима – ДОСААФ – РОСТО.
- 25 января** – День штурмана.
- 27 января** – снятие блокады Ленинграда (1944). День воинской славы России.

ФЕВРАЛЬ

- 2 февраля** – разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом (1943). День воинской славы России.
- 8 февраля** – День российской науки.
- 15 февраля** – День памяти воинов-интернационалистов.
- 23 февраля** – День защитников Отечества (отмечается с 1993 г.). День воинской славы России.

МАРТ

- 8 марта** – Международный женский день.
- 19 марта** – День моряка-подводника (отмечается с 1996 г.).
- 23 марта** – Всемирный день метеорологии.
- 24 марта** – Всемирный день борьбы с туберкулезом.
- 27 марта** — День Внутренних войск МВД (отмечается с 1996 г.)
- 27 марта** – Международный день театра.
- 30 марта** – День войск ракетно-космической обороны (отмечается с 1996 г.).
- 30 марта** – День защиты Земли.
- 31 марта** – День Федеральной службы специально-го строительства РФ.

АПРЕЛЬ

- 2 апреля** – Международный день детской книги.
- 4 апреля** – День геолога (отмечается в первое воскресенье апреля).
- 4 апреля** – День рождения морской гвардии ВМФ (1942).
- 7 апреля** – Всемирный день здоровья.
- 7 апреля** – День памяти погибших подводников.
- 11 апреля** – разгром Александром Невским немецких рыцарей на Чудском озере (1242). День воинской славы России. Отмечается 18 апреля.
- 11 апреля** – Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.
- 11 апреля** – День Войск противовоздушной обороны (отмечается во второе воскресенье апреля).
- 12 апреля** – День космонавтики.
- 15 апреля** – День специалиста радиоэлектронной борьбы.
- 18 апреля** — Международный день охраны памятников истории и культуры.

- 25 апреля** — Международный день породненных городов.
- 26 апреля** – День памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах (1986 г. — авария на Чернобыльской АЭС).
- 30 апреля** – День работников пожарной охраны.

МАЙ

- 1–2 мая** – Праздник весны и труда.
- 3 мая** – Всемирный день свободы печати.
- 7 мая** – День Российских Вооруженных Сил. Отмечается с 1992 г.
- 7 мая** – День радио. Праздник работников всех отраслей связи. День специалиста радиотехнических служб ВМФ.
- 8 мая** – Всемирный день Красного Креста и Красного Полумесяца.
- 8 мая** – день открытия в 1967 году у Кремлевской стены мемориального комплекса «Могила Неизвестного Солдата».
- 9 мая** – День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. День воинской славы России.
- 13 мая** – День Черноморского флота.
- 15 мая** – Международный день семьи.
- 17 мая** – Международный день электросвязи.
- 18 мая** – Международный день музеев (отмечается с 1978 г.).
- 18 мая** – День Балтийского флота.
- 19 мая** – День переноса столицы России императором Петром I в Санкт-Петербург (1712).
- 21 мая** – День Тихоокеанского флота.
- 24 мая** – День славянской письменности и культуры.
- 27 мая** – Общероссийский день библиотек.
- 28 мая** – День пограничника.
- 29 мая** – День военного автомобилиста (отмечается с 2000 г.).
- 30 мая** – День химика (отмечается в последнее воскресенье мая).

ИЮНЬ

- 1 июня** – День Северного флота.
- 1 июня** — Международный день защиты детей.
- 5 июня** – Всемирный день охраны окружающей среды.
- 8 июня** – День социального работника.
- 12 июня** – День независимости России (1990).
- 20 июня** — День медицинского работника (отмечается в третье воскресенье июня).
- 20 июня** — День специалиста минно-торпедной службы ВМФ (отмечается с 1996 г.).
- 22 июня** – День памяти и скорби. Начало Великой Отечественной войны.
- 26 июня** — Международный день борьбы с наркоманией и незаконным оборотом наркотиков.
- 29 июня** – День молодежи (отмечается с 1993 г.).

ИЮЛЬ

- 3 июля** – праздник работников ГИБДД.
- 4 июля** – День работников морского и речного флота (отмечается в первое воскресенье июля).
- 8 июля** – победа русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709). День воинской славы России. Отмечается 10 июля.
- 11 июля** – День рыбака.

Все даты приведены по новому стилю

- 11 июля** — День российской почты (отмечается во второе воскресенье июля).
17 июля — День авиации ВМФ.
25 июля — День Военно-морского флота (отмечается в последнее воскресенье июля).
30 июля — День радиотехнических войск ПВО.

АВГУСТ

- 1 августа** — День Тыла ВС РФ.
1 августа — День железнодорожника (отмечается в первое воскресенье августа).
2 августа — День Воздушно-десантных войск.
6 августа — Всемирный день борьбы за запрещение ядерного оружия.
6 августа — День железнодорожных войск (отмечается с 1996 г.).
7 августа — первая в российской истории победа русского флота под командованием Петра I над шведами у мыса Гангут (1714). День воинской славы России. Отмечается 9 августа.
8 августа — День строителя (отмечается во второе воскресенье августа).
12 августа — День Военно-воздушных сил (учрежден в 1997 г.).
14 августа — День физкультурника (отмечается во вторую субботу августа).
15 августа — День воздушного флота России (отмечается в третье воскресенье августа).
22 августа — День Государственного флага Российской Федерации.
23 августа — разгром немецко-фашистских войск в Курской битве (1943). День воинской славы России.
27 августа — День российского кино (установлен в 1979 г.).
29 августа — День ветеранов подразделений особого риска.
29 августа — День шахтера (отмечается в последнее воскресенье августа).

СЕНТЯБРЬ

- 1 сентября** — День знаний.
2 сентября — окончание Второй мировой войны.
2 сентября — День российской гвардии (отмечается с 2000 г.).
3 сентября — День победы над империалистической Японией.
7 сентября — День Бородинского сражения русской армии под командованием М.И. Кутузова с французской армией в 1812 г. День воинской славы России. Отмечается 8 сентября.
8 сентября — День Новороссийского военно-морского района.
11 сентября — победа русской эскадры под командованием Ф.Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра (1790). День воинской славы России.
12 сентября — День танкистов (отмечается с 1946 г. во второе воскресенье сентября).
13 сентября — Международный день памяти жертв фашизма.
16 сентября — победа Дмитрия Донского над монголо-татарским войском в Куликовской битве (1380). Отмечается 21 сентября.
18 сентября — День рождения (1941) советской гвардии.
19 сентября — День работников леса (отмечается в третье воскресенье сентября).
20 сентября — день учреждения в России Военного и Морского министерств.
26 сентября — День машиностроителя (отмечается в последнее воскресенье сентября).

ОКТАБРЬ

- 1 октября** — День пожилых людей.
3 октября — День учителя (отмечается в первое воскресенье октября).

- 4 октября** — День Военно-космических сил России.
17 октября — День работников дорожного хозяйства (отмечается в третье воскресенье октября).
20 октября — День Войск связи.
24 октября — Международный день Организации Объединенных Наций (ООН).
24 октября — День спецназа ВС РФ.
25 октября — День таможенника Российской Федерации.
30 октября — День моряка-надводника.
30 октября — День памяти жертв политических репрессий.
31 октября — День работников автомобильного транспорта (отмечается в последнее воскресенье октября).

НОЯБРЬ

- 5 ноября** — День военного разведчика.
7 ноября — освобождение Москвы силами народного ополчения под руководством Минина и Пожарского от польских интервентов (1612).
7 ноября — День согласия и примирения (87-я годовщина Октябрьской революции 1917 г.).
10 ноября — День российской милиции (установлен в 1962 г.).
11 ноября — День памяти погибших в Первой мировой войне.
15 ноября — День Каспийской флотилии.
15 ноября — Всероссийский день призывника.
17 ноября — Международный день студентов.
20 ноября — Международный день отказа от курения.
21 ноября — День Ракетных войск и артиллерии, а также День ракетчика и артиллериста ВМФ (первоначально установлен 19 ноября, ныне отмечается в третье воскресенье ноября).
21 ноября — Международный день телевидения (отмечается с 1996 г.).
27 ноября — День морской пехоты (отмечается с 1995 г.).
28 ноября — День матери.

ДЕКАБРЬ

- 1 декабря** — День победы русской эскадры под командованием П.С. Нахимова над турецкой эскадрой у мыса Синоп (1853).
1 декабря — Всемирный день борьбы со СПИДом.
3 декабря — Международный день инвалидов.
5 декабря — начало контрнаступления советских войск в Битве под Москвой (1941). День воинской славы России.
10 декабря — День прав человека.
11 декабря — День памяти журналистов, погибших при исполнении служебных обязанностей.
12 декабря — День Конституции Российской Федерации.
17 декабря — День Ракетных войск стратегического назначения.
17 декабря — День государственной фельдъегерской связи.
20 декабря — День работников органов безопасности Российской Федерации (отмечается с 1995 г.).
22 декабря — взятие русскими войсками под командованием А.В. Суворова турецкой крепости Измаил (1790). День воинской славы России. Отмечается 24 декабря.
22 декабря — День энергетика.
27 декабря — День спасателя Российской Федерации.
30 декабря — День образования СССР (1922).

Сражение с татаро-монголами на реке Веже

▲ В.Е. Морихин

▲ Обложка книги

КОРПОРАТИВНАЯ ЧЕСТЬ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

«Горе тому государству, — писал в свое время генерал Г.В. Жомини, — где алчные герои кошелька ценятся более, чем мундир храброго, который жертвует своей жизнью, здоровьем и имуществом в защиту Отечества». И хотя с тех пор прошло уже немало лет, с этими словами по-прежнему нельзя не согласиться. В сумятице сегодняшних будней, в поисках выхода из тисков экономического и духовного кризисов все актуальнее становится проблема более эффективного воспитания и обучения офицерского корпуса — сердца наших Вооруженных Сил, восстановления престижа профессии, возрождения утраченных традиций чести и достоинства русского офицера. В этой связи весьма своевременным стал выход в свет книги кандидата исторических наук полковника В.Е. Морихина «Традиции офицерского корпуса России».

Сегодня на страницах нашего журнала в статье «Офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде», представляющей одну из глав этой книги, читатели имеют уникальную возможность подробнее познакомиться с вопросами корпоративной чести российского офицерского корпуса, традициями солидарности в отстаивании чести мундира и достоинства офицерского звания, законами дружбы и товарищества.

Читатели «Молодежного военно-исторического журнала» имеют возможность получить эту книгу в подарок.

Офицеры лейб-гвардии Кексгольмского полка с гостем — армейским офицером

Читайте в номере

Атака лейб-гвардии Литовского полка
Художник Н. САМОКИШ
▼ 1912 г.

«...ЧТОБ ДАЖЕ В БУДУЩЕМ ПО ЛЕНИНГРАДЦАМ РАВНЯЛСЯ САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

Смоленый — сердце обороны города
Фото Г. ЧЕРТОВА. 1941 г.

60 ЛЕТ назад, 27 января 1944 года, военный совет Ленинградского фронта передал по радио долгожданную и радостную весть о полном освобождении Ленинграда от вражеской блокады. Вечером того же дня в ознаменование этой победы над городом прогремел салют — 24 залпа из 324 орудий. Все население города вышло на улицы, площади и набережные. «Радостное возбуждение нарастает с каждой минутой, — вспоминал очевидец этих событий Г. Кулагин. — И вот первый залп трехсот двадцати четырех орудий... Палят пушки... Видимо, уже вне всякого регламента с кораблей бьют транссирующими крупнокалиберные пулеметы. Отовсюду слышится треск автоматных очередей. Восторженные крики толпы сливаются с грохотом салюта... Люди обнимаются, смеются, плачут. Блестят глаза, сверкают улыбки. Кругом счастливые, уверенные в себе, очень красивые лица. И кажется, что это одно лицо, лицо народа-победителя...»

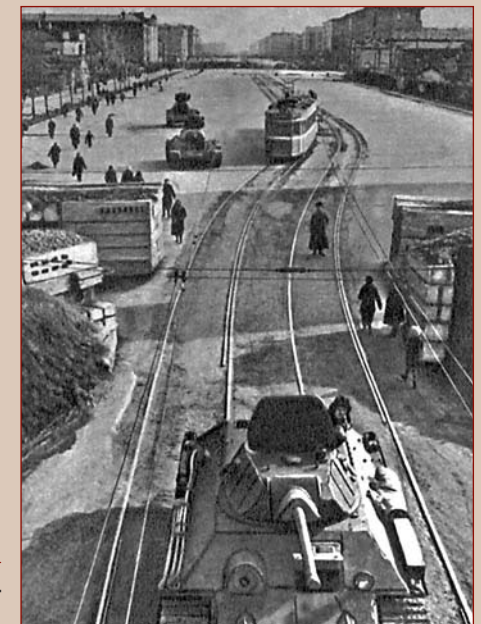
Рядом с нами стоит пожилая женщина. По ее лицу с еще не изглажившимися следами пережитого непрерывно текут слезы. Она повторяет только одно слово: «Дождались... дождалась... дождалась...».

Битва за Ленинград продолжалась 1125 дней. В течение почти 900 дней город находился в кольце вражеской блокады. Жил и боролся. В эти тяжелейшие дни в городе было сформировано 10 бригад народного ополчения, 7 из которых стали кадровыми. В самую суровую пору — первую блокадную зиму и весну на фронт ушло свыше 100 тыс. ленинградцев. С начала войны и до конца 1943 года, несмотря на муки голода, холода, в условиях просто невероятных, труженики города дали фронту 836 новых и 1346 отремонтированных танков, 150 тяжелых морских и свыше 4500 полевых орудий, более 12 тыс. пулеметов, свыше 200 тыс. автоматов, миллионы артиллерийских снарядов, мин и многое, многое другое — все, в чем так остро нуждались защитники Ленинграда.

Наступление советских войск под Ленинградом
4 января — 11 июля 1944 г.

Московский проспект — дорога на фронт
Фото Д. ТРАХТЕНБЕРГА. 1942 г.

Из коллекций
Военно-научной библиотеки
Генерального штаба ВС РФ

«Уланы с пестрыми значками»

СЛОВО «улан» («оглан») — тюркского происхождения. Так когда-то называли младших сыновей татарских ханов, которые, не имея никаких надежд на престол, в большинстве своем искали славы на ратном поприще. Есть версия, согласно которой еще в армии Тамерлана было несколько полков улан — отборной конницы, одетой в единообразную одежду и вооруженной вместо луков копьями с яркими флажками.

Переселившиеся и осевшие в Польше и Литве татарские конники составили здесь иррегулярное ополчение, сохранив свое название, которое перешло к сформированным позже регулярным полкам. В этих полках служили уже не только татары, но и поляки, и литовцы. Поляки первыми в Европе осваивают этот род кавалерии, причем настолько хорошо, что через много лет уланские полки повсюду почитались за польское национальное войско. В XVIII веке полки улан появились в Австрии и Пруссии, в начале XIX столетия — во Франции.

В русской армии первый уланский полк был сформирован в 1803 году. К 1830 году насчитывалось 23 уланских полка, в том числе 21 армейский и 2 гвардейских. В 1882 году они, кроме двух гвардейских, были преобразованы в драгунские, а в 1907 вновь восстановлены. Накануне Первой мировой войны русская императорская кавалерия имела 2 гвардейских и 17 армейских уланских полков.

Уланы заметно отличались от других конников оружием и головными уборами.

Помимо сабли и пистолетов они имели пики с флажками-флюгерками у острия. У каждого полка и даже эскадрона они были своей расцветки. Во время войны 1812 года эти значки были украшены гербом, ленточкой с литерами, но уже не у каждого улана, а по одному на эскадрон. Со временем их заменили на жалонерские, заимствованные с парадов английской гвардии. Неизменными оставались лишь оригинальные высокие шапки (каска) с квадратным, как у польских конфедератов, верхом.

Продолжая рассказ об уланах российской императорской кавалерии, в ближайших номерах вниманию читателей будет предложена публикация о полковых знаках.

Публикацию подготовил майор
Ю. Н. Лещенко
(Москва)

Печатается по изданиям Главного интендантского управления: Иллюстрированное описание обмундирования и снаряжения императорской российской армии за 1881—1883 гг., СПб., 1898. Вып. 1; Иллюстрированное описание перемен в обмундировании и снаряжении императорской армии за 1856—1898 гг. Изд. 1861, 1867, 1871, 1898 гг.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПАРИТЕТЫ
ОТЕЧЕСТВА

Рядовой
лейб-гвардии
Уланского полка
1856 г.

Рядовой уланского
эскадрона
постоянного кадра
Образцового
кавалерийского
полка в парадной
форме
1858 г.

Форма одежды
и обмундирование улан
российской
императорской кавалерии
во второй половине XIX века

Учебный рядовой уланского
эскадрона Образцового
кавалерийского полка
в парадной форме
1856 г.

Обер-офицер лейб-гвардии
Уланского его величества
полка в обыкновенной форме
1858 г.

Обер-офицер лейб-уланского
Курляндского его величества
полка в обыкновенной
походной форме
1861 г.

Штандартный унтер-офицер лейб-гвардии Уланского его
величества полка в парадной форме
1876 г.

